Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым
Гуманитарно-педагогическая академия
ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского (г. Ялта)
Кафедра философии и социальных наук

МАТЕРИАЛЫ

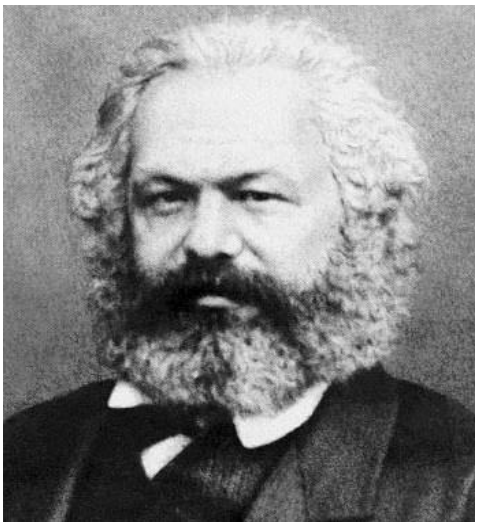
Всероссийской научной конференции с международным участием

V ЯЛТИНСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

КАРЛ МАРКС В МИРОВОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

15-16 ноября 2018 года

Том 1



Ялта, 2019

Редакционная коллегия: к.ф.н., доц. Разбеглова Т.П. (ответственный редактор), д. культ., проф. Ионесов В.И., д.ф.н., доц. Масаев М.В., д.ф.н. проф. Мирошников О.А., к.ф.н., доц. Шевченко О.К., к.ф.н. Атик А.А., Корсунский А. Г. (технический редактор).

Рекомендовано к печати решением
Ученого совета Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» в г. Ялта
Протокол № _1_ от 30.01. 2019 г.

РЕЦЕНЗЕНТЫ

ГАБРИЕЛЯН О.А., доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Таврической академии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

МИРОНОВ А.В., доктор философских наук, профессор кафедры Политологии и международных отношений Института общественных наук и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский Государственный университет»

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием VЯлтинские философские чтения Карл Макрс в мировой истории и культуре (15-16 ноября 2018 года, г. Ялта). В 2-х томах / Отв. ред., к.ф.н., доцент Разбеглова Т.П. – Ялта: РИО ГПА, 2019. - 189 с.

УДК 141.82+001.895
ББК 87.3 (0) +60.524

© КФУ им. В.И. Вернадского
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛ МАРКС В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Анисимов В. А.
ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ЗАМЕНА РЕАЛЬНОГО СИМВОЛИЧЕСКИМ В ФИЛОСОФИИ Ж. БОДРИЙЯРА…… 7

Арпентьева М. Р.
К. МАРКС И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГАНГСТЕРСТВА…… 11

Атик А.А.
К. МАРКС И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ АРАБСКОГО ВОСТОКА В XIX - XX ВВ…… 18

Биляева И.И.
ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГЕРСТВА…… 21

Войтов А.Г.
ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ МАРКСИЗМА…… 24

Воротилина Т.В.
ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ…… 29

Гайкин В.А.
КАРЛ МАРКС, ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ, ИСААК НЬЮТОН – ОСНОВАТЕЛИ НАУЧНОГО МЕТОДА В ФУТУРОЛОГИИ……. 33

Ерахтин А. В.
ВГЕНИАЛЬНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ К. МАРКСА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕГО ДОКТРИНЫ……. 36

Ефимова З. Е.
ОТ ГЕРБА К ЛОГОТИПУ…….. 42

Клёцкин М.В.
РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПУТЬ К СВОБОДЕ. ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧНОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ ГЕГЕЛЯ И ХАЙДЕГГЕРА…….. 46

Коробкина Е. Н.
ТВОРЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА МАРКСИЗМА. ОТ ЧЕЛОВЕКА БУНТУЮЩЕГО – К ПОЭЗИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ…….. 51

Корсунский А.Г.
АНТИНОМИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ……. 56

Краснов С. В.
ПРИМЕНЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ…….. 63

Курицын А.И.
КРАЙНЕ ПРАВЫЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. В РАБОТАХ В.И. ЛЕНИНА……. 68

Кушнерева Е.К.
«ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РАДИКАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ»……. 71

Ломко И. Г.
ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ К. МАРКСА…… 75

Лунёв Р.С.
ГРАЖДАНСКИЕ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫЕ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА……. 82

Люсый А.П.
КАРЛ МАРКС И ДИАЛЕКТИКА КРЫМСКОГО МОСТА ИВАНА ТУРГЕНЕВА…… 89

Масаев М.В., СвешниковаИ.П.
ФЕНОМЕН КОРРЕЛЯЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ И МАРКСИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ…….. 98

Мирошников О.А.
МИФЫ ФИЛОСОФИИ МАРКСА……... 102

Мозговой Н.Ю.
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ПРОТОФИЛОСОФИИ…….. 106

Моренко Е. А.
МАРКСИЗМ, КАК ПРИРОДОСОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИЛ…… 107

Мясников А.Г.
МАРКСИЗМ И «ИЗБЫТОЧНАЯ ДУХОВНОСТЬ»……. 112

Новикова Т.М.
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА» ПО МАРКСУ – ОСНОВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА……. 113

Новосельский С.С.
РАБОЧИЙ ВОПРОС В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В 1905 ГОДУ…… 118

Останкина О. А., Останина Е.М.
МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ…….. 126

Павлова Ю. А.
СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕОРИИ ДЕНЕГ К.МАРКСА…….. 130

Павловская О. А.
ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА О СПЕЦИФИКЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ…… 137

Разбеглова Т.П.
МАРКСИЗМ О СУЩНОСТИ И РОЛИ ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД ИЗ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА…… 142

Серостанова О.Б.
ОБСМЫСЛИВАЯ К. МАРКСА: К ВОПРОСУ ПОНИМАНИЯ ОБМЕНА И ОБМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ…….. 145

Сидоренко И. Н.
ПОСТМАРКСИЗМ С. ЖИЖЕКА: КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ VERSUS СИСТЕМНОЕ НАСИЛИЕ…… 147

Сиротина Г.Д.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИЯ……. 151

Соловцов А.А.
МАРКСИЗМ В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОГОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ И ШКОЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ……. 154

Ташлинская Е.Ш.
ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ ИНЖЕНЕР…… 158

Тимощук Е.А.
МАРКСИЗМ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ…….. 163

Фоломеев С.Н.
МАРКСИЗМ И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX- НАЧАЛА XX ВЕКА О ГОСУДАРСТВЕ БУДУЩЕГО…….. 168

Чудомех В.Н.
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ» КАК ОТРАЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО СОРАЗВИТИЯ ИХ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ИДЕЙНЫХ ФУНДАМЕНТОВ…… 174

Шатохина Н.П.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ О РЕВОЛЮЦИИ КАК ДВИЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА К ИСТИННОЙ СВОБОДЕ (ОТ МАРКСИЗМА ДО СВОРЕМЕННОСТИ)……. 179

Шахин Ю.В.
ОБЩИЙ И КЛАССОВЫЙ ИНТЕРЕС В ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВА У МАРКСА……... 184

Яковлева Е.С., Калашникова Е.Б.
ЗАРОЖДЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ…….. 187

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……... 190

ТОМ 1
КАРЛ МАРКС В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Анисимов В. А.

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ЗАМЕНА РЕАЛЬНОГО СИМВОЛИЧЕСКИМ В ФИЛОСОФИИ Ж. БОДРИЙЯРА

В данной статье автор рассматривает проблему символического в обществе потребления, представленную в работах французского философа Жана Бодрийяра. В процессе развития капитализма произошли коренные изменения в социальных отношениях. Эти процессы обусловлены изменением статуса вещи в обществе XX века. В работе подчёркивается, что происходит трансформация – общество превращается в потребительское. Соответственно индивид проявляет свою самодостаточность и принимается обществом только через потребление. Исходя из этого, сама вещь получает новый статус в человеческой жизни. Для реализации человека в обществе потребления достаточно проявить причастность к символу. Процесс потребления становится комфортабельной прогулкой по торговому центру, ведущей человека в мир восторга, где он не имеет собственного выбора, так как принял символический закон потребителя. Сама система потребления приспосабливает человека под его нужды, диктуя тому, что он должен делать, покупать и любить. Поддержкой подобного способа существования общества выступает кредит. При этом кредитование делает человека безответственным к своим доходам и сбережениям, что упрощает его существование и делает жизнь более удобной. Бодрийяр констатирует, что кредит выступает посредником в знаковом потреблении. Индивид не имеет полного права на обладание вещью, тем не менее, пользуется её символическими благами. В этом процессе символизации товара важную роль играет реклама. Рекламное сопровождение товара и есть символ желаемый потребителем. Сегодняшнее общество потребления, по мнению французского философа, теряет связь с реальным миром, в силу существующего изобилия. Само же изобилие общество воспринимает как природное свойство, забывая о существовании производства всех потребляемых благ. Более не существует заводов, мастерских, есть лишь потребитель и способы его удовлетворения. Так происходит и с другими явлениями реального мира. Так, с помощью средств массовой информации, которые предоставляют события в удобной для восприятия форме, человек забывает о сущем и оказывается в мире знаков и символов. В обществе потребления пропадает надобность в обозначении причин роста, поэтому остаётся лишь знак без его основания – симулякр. Медиа с помощью рекламных манипуляций формирует потребности и желания человека. Это ведет к бесконечной гонке за новым объектом потребительского стремления. Мнимое устаревание и разрушение вещного мира – один из важнейших принципов существования общества потребления. С их помощью осуществляется контроль над социумом. Без этих принципов невозможен прогресс и улучшение качеств нового продукта. Таким образом реализуются принципы потребления, которые негласно управляют обществом. Всё взаимодействие людей в ситуации капитализма эпохи постмодерна подчинено вышеописанными принципами общества потребления.

Ключевые слова: *неомарксизм, общество потребления, символ, кредит, потребитель, изобилие.*

In this article, the author examines the problem of the symbolic in the consumer society, presented in the works of the French philosopher Jean Baudrillard. In the process of the

development of capitalism, fundamental changes took place in social relations. These processes are due to changes in the status of things in the society of the XX century. The paper emphasizes that a transformation is taking place - the society is turning into a consumer one. Accordingly, the individual shows his self-sufficiency and is accepted by society only through consumption. Based on this, the thing itself receives a new status in human life. To implement a person in a consumer society, it is enough to show involvement in a symbol. The process of consumption becomes a comfortable walk through the shopping center, leading a person to the world of delight, where he does not have his own choice, since he has adopted the symbolic law of the consumer. The system of consumption itself adapts a person to his needs, dictating what he should do, buy and love. Credit is supported by a similar way of existence of society. At the same time, lending makes a person irresponsible to his income and savings, which simplifies his existence and makes life more convenient. Baudrillard states that the loan mediates significant consumption. The individual does not have the full right to possession of a thing, nevertheless, uses its symbolic benefits. Advertising plays an important role in this process of product symbolization. Advertising support of the product is the symbol desired by the consumer. The current consumer society, in the opinion of the French philosopher, is losing touch with the real world, by virtue of the existing abundance. Society itself perceives abundance as a natural property, forgetting about the existence of the production of all consumed goods. There are no more factories, workshops, there is only a consumer and ways to satisfy it. So it is with other phenomena of the real world. So, with the help of the media, which provide events in a form that is convenient for perception, a person forgets about the real and finds himself in the world of signs and symbols. In a consumer society, there is no need to designate the reasons for growth, so there is only a sign without its foundation - a simulacrum. Media through advertising manipulation shapes the needs and desires of the person. This leads to an endless race for a new object of consumer desire. Imaginary obsolescence and destruction of the material world is one of the most important principles for the existence of a consumer society. With their help, control over society is exercised. Without these principles, progress and improvement in the quality of a new product is impossible. In this way, the principles of consumption are implemented that tacitly control society. All the interaction of people in a postmodern era capitalism situation is subject to the above principles of a consumer society.

Keywords: *neo-Marxism, consumer society, symbol, credit, consumer, abundance.*

Ситуация развитого капитализма значительно отличается от той, что представлена в прогнозах экономистов и философов XVIII-XIX веков. И это связано не только с экономическим развитием. Если Карл Маркс, анализируя индустриальный капитализм XIX века, утверждал неизбежный крах этой формации, исходя из её состояния на то время, то в трудах современного философа-неомарксиста Жана Бодрийяра акцентируется внимание на начале формирования таких общественных структур, которые уже не определены лишь базисным производством, а формируются через ризоматичное слияние символа и вещи.

С начала XX века потребление приобретает статус доминирующего процесса в обществе, подчиняя себе процессы, происходящие в политической и научной сферах. Жан Бодрийяр о действиях позднего капитализма в эпохе постмодерна пишет: «Капитал – это чародейство общественных отношений, это вызов обществу, на который и отвечать надо соответственно. Капитал – это не скандал, который следует обличать с позиции моральной или экономической рациональности, это вызов, который надо принять согласно символическому закону» [3, с. 33]. Что, по его мнению, и приводит нас к современному обществу благ и изобилия.

Современное общество само по себе уже не является объединением людей с общими интересами и ценностями, оно есть уже совокупность человека и объекта потребления. Путём приобретения разного рода товаров и благ, удовлетворения собственных потребностей человек реализуется в окружающем его социуме. «Их повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении, в соответствии с растущей

статистической кривой, благ и посланий и в манипуляции с ними, начиная с очень сложного домашнего хозяйства и десятков его технических рабов вплоть до «городского оборудования» и всей материальной машинерии коммуникаций и профессиональных служб...» [2, с. 8]. Сегодня сама вещь предстаёт двигателем человеческого существования, катализатором общественных явлений и процессов, хотя она и является продуктом человеческого гения и мысли. Вещи получают новый статус бытия: «Иными словами, они не структурируются в интересах наших потребностей или же для более рациональной организации мира, а систематизируются исключительно в интересах определенного строя производства и идеологической интеграции» [4 с. 176]. Жан Бодрийяр в сложившейся ситуации общественно-вещевого оборота видит магию избытка порождённую высокой производительностью. Само потребление материи переходит в состояние символического принятия, «образ дара», который стоит за представлением товара, его обозначением. Французский философ констатирует, что нынешнее бытие человеческого общества определено лишь постоянным желанием потребления не для комфортного существования в своих потребностях, а для потребления в качестве самоцели. Кроме того, конечным итогом данного рода потребительских действий человека является способ самоидентификации в знаковом мире, а не удовлетворение желаний индивида и обретение элементарного комфорта.

Процесс современного потребления является культурным досугом, устроенным для самого комфортного человеческого восприятия. Свет, музыка специальные ароматы – это всё создаёт чувство удобного времяпрепровождения, где уже нет нужды, есть только изобилие товара; любой гипермаркет предстаёт как калейдоскоп впечатлений и отдых одновременно, что даёт человеку стимул возвращаться туда снова. «Культурный центр там становится частью коммерческого центра» [2, с. 11]. Потребление уже ведёт человека по жизни, все выходы и входы уже либо заперты, либо их нет, но создана более удобная дорога к получению впечатлений и удовольствий, со своим климатом. Всё организованно способом «наилучшего» принятия человеком его действительности и выполненного за него выбора. В пример такого явления Бодрийяр приводит один из первых по-настоящему больших коммерческих центров Европы – Парли 2. «Как в римском Пантеоне синкретично сосуществовали в огромном «дайджесте» боги всех стран, так в нашем Супершопингцентре, который для нас является нашим Пантеоном, нашим Пандемониумом, объединились все боги или демоны потребления, то есть все виды деятельности, все работы, все конфликты и все времена года, уничтоженные в одной и той же абстракции» [2, с. 14]. Система производства и потребления созидает самого потребителя благ, адаптируя его к рынку вещей, когда ранее сам человек должен был быть творцом своего комфорта и счастья.

Можно обратить внимание на то, что в данном процессе комфортного потребления большую роль играет кредит, который позволяет забыть о величине своего реального дохода. Индивиду более не следует следить за своими финансами, бережно относиться к тому, что он заработал или приобрёл, кредитование помогает ему забыть о таком понятии, как сбережения. Общество потребления предполагает концепцию «здесь и сейчас». Так человек действует без определённого плана, убегая от ответственности в своей жизни. «Действует любопытный иллюзионизм: общество кредитует вас ценой формальной свободы, а на деле вы сами его кредитуете, отчуждая в его пользу свое будущее» [3, с. 174]. Подобная система потребления в обществе нуждается в человеке не как в производителе или в реализаторе вещей, а более как в потребителе всего, что производится. Бодрийяр приходит к выводу, что кредит есть не что иное, как магический процесс потребления знака. В полной мере пользуясь вещью без такого же полномерного обладания ею, индивид также и пользуется полными благами именно как обладания, живя в кредит реализации себя в обществе.

Исходя из утверждений о волшебстве кредитования, Бодрийяр утверждает, что в системе вещей общества потребления присутствует неотъемлемый фактор рекламы: «Она никак не участвует в производстве и непосредственном применении вещей, и однако она

входит неотъемлемой частью в их систему — не только потому, что в ней идет речь о потреблении, но и потому, что она сама становится предметом потребления» [4, с. 177]. Вся система потребления в её структуре и функции получает свою автономию и завершённость именно в рекламе. Как упоминалось ранее, человек потребления получает своё удовольствие и реализацию уже на стадии потребления знака, а, в частности, рекламы, которая должна лишь описывать характеристики товара в лучшем свете. Но от простой информационной записки она перешла в управление человеческим желанием, внушая свою надобность. Хоть философ и подмечает, что реклама не является конкретным индикатором будущей покупки, но она создаёт внушительный образ, заботливое убеждение, с которым человека ведут к товару.

Современное общество потребления уже не видит связи между рынком, прогрессом, развитием техники, историческим движением и материальными благами, которые оно получает. И чем дальше идёт история, тем сильнее оно определено в идее, что «люди наследуют не только блага, но и естественное право на изобилие» [2, с. 16]. Изобилие уже не более, чем данность природы для человека современного общества, оно становится симулякром в котором нет основания в реальном мире, где социум не учитывает системное производство и экономическое развитие. По мнению Бодрийяра, постоянное потребление символов и знаков приводит к утрате реального мира и потере связи с ним. Процесс потребления уже находится во временно̀м контексте, сама мысль о приобщении к чему-либо вызывает головокружение у человека, знак становится объектом потребления, а не само реально потребляемое: «Массовые коммуникации дают нам не действительность, а головокружение от действительности» [2, с. 17]. Современный потребитель предвосхищает своё удовольствие, потребляя символ, он отвергает системное познание действительности с помощью жадного поглощения медийного образа. Средства массовой информации легко осуществляют драматизацию реального мира для лучшего потребления знака, что и отдаляет общество от сути происходящего как в любом событии представленном в медиа, так и предметном мире. «На первый план выступает не достоверность и правдивость информации, а тот эффект, который последняя окажет на зрителя» [1, с. 101].

Система потребления начинает потреблять саму себя, всё производство и перераспределение благ, излишка, направленно на поддержание этой системы.«Раз достигнув некоторой величины, прирост производительности почти целиком впитывается, пожирается этой гомеопатической терапией роста посредством роста» [2, с. 55]. Большая часть нового продукта ускоренного производства является не качественным скачком в улучшении комфорта жизни людей, а инновацией ради продолжения цепи потребления. Высокий темп системы потребления способствует рассеянности человека; общество стоит на шатких позициях чего-то нового и, как отмечает Э. Лисль: «В конечном счете, главной ценой за общество потребления является порождаемое им чувство всеобщей неуверенности…» [2, с. 55] Так и каждая вещь в канве потребления сакрализируется лишь на основе её существования, она есть позитивное явление в мире и обществе, а значит, может быть учтена и зафиксирована. Труд, который подходит под критерии научного и культурного существует, лишь по факту невозможности позитивного исчисления. Эра изобилия содержит в себе характерный принцип расточительства производимого продукта. Она диктует эту модель поведения путём непрерывного производства излишка труда, и Ж. Бодрийяр раскрывает это как собственно проблему сущего мира в ядре принципа потребления: «…не имеет ли в своей основе изобилие смысл только в расточительстве?» [2, с. 60]. Так, то, что можно посчитать, определить в количественном, даёт обоснование функционирования общества потребления, его смысл в движении к самому себе.

Ещё одним важным и по своей сути деструктивным аспектом общества потребления является необходимость в разрушении вещей. Так же как и кредитование, этот процесс даёт человеку иллюзорность контроля над своим потреблением и обладанием. Постоянное устаревание вещей, их замена на более новые, ежедневное расточительство приводит

индивида к осознанию некого сверхизобилия. Всё вещное производство несет в себе фикционную интенцию превосходить самого себя, с целью убеждения потребителя в надобности новой технологии или новом продукте. «Только в разрушении вещи существуют в виде избытка и свидетельствуют в своем исчезновении о богатстве» [2, с. 63]. Именно в постоянном умерщвлении вещей происходит осознание человеком символического изобилия и избытка произведённых благ. Так и современные способы обновления старого путём программ trade-in, разного рода подписок на товар, реализуя бездумное потребление без качественных изменений в самом продукте.

Все вышеописанные свойства общества потребления в позднем капитализме трансформируют человеческое сознание в потребительское, не только разного рода физически присутствующих благ, но и потребителя знака и символа. Что и оформляет потребление как социокультурный феномен с активным отношением не лишь к вещам, но и к общности людей и миру вообще. И вся нынешняя культурная коммуникация и жизнь человека определена этим феноменом.

Список использованных источников:

1. Ажимова Л. В. Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления/ гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3. – С. 101-110.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления/ пер. Е. Самарская. – М.: Республика, Культурная революция, 2006. – 272 с.

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция /пер. с фр. А. Кочалова. – М.: ПОСТУМ, 2018. – 320 с.

4. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РУДОМИНО. 1999. – 224 с.

М.Р. Арпентьева

К. МАРКС И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ГАНГСТЕРСТВА»

Аннотация: К. Маркс дал чёткое и прозрачное обоснование идеологии экономического гангстерства. Идеология «экономического гангстера» - готовность максимизировать личную выгоду любым доступным способом. Это готовность, согласно К. Марксу и его предшественникам, пойти на любое преступление ради собственной выгоды. В статье рассматриваются проблемы коррупции и ее идеологической основы – идеологии экономических гангстеров или социальных каннибалов, возможные антитезы и модели борьбы с коррупцией. Корру́пция определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Анализируется роль социального и человеческого капитала в развитии стран и сообществ: констатируется, что развитие человеческого и социального капиталов связано с развитием общественного и, при наличии гуманных отношений в сообществе, активно развивается и служит развитию сообществ и снижению коррупции. Антикапиталы развиваются и накапливаются в условиях экономического гангстерства, аномии и коррупции, переходящих в социальный каннибализм и завершающихся коллапсом общества и страны. При этом вторитарные режимы способны успешно скрывать подавляющее большинство злоупотреблений властью от общественности, так что вывод об их коррумпированности делается на основе анализа косвенных свидетельств и пагубных для всего общества последствий. Напротив, коррупция в демократических режимах часто получает широкую огласку и пресекается прежде, чем

она начинает наносить существенный ущерб. В настоящее время коррупция нормализовалась настолько, что встроилась в мальтузинанскую модель «ножниц» (население, точнее его потребности, растет беспредельно, а ресурсы, точнее возможности их удовлетворения, конечны, поэтому эти социум оказывается под угрозой, снизить которую могут меры, применяющиеся фашистскими, геноцидными сообществами, с завидной регулярностью) как компонент социальных отношений: подверглась нормализации и оптимизации. Теперь борьба с нею включена в понятие оптимальных затрат (но не выгод). Это говорит о завершающем этапе коррупционного разложения государственного монолита: управляющие сообществом бюрократы потеряли способность различать реальность и выдумки, созданные ими самими и, таким образом, .живут в постоянном страхе разоблачения собственных иллюзий. В это время агрессивность экономического гангстерства достигает максимума: капитал действительно идет на любое преступление, причем порог дохода, способного провоцировать преступление, постоянно снижается, вплоть до саморазобрачительных клептоманий и т.д. .

Ключевые слова: *коррупция, компрадорская буржуазия, коллапс социальный, социальная политика, социальный капитал, социальный антикапитал, человеческий капитал, человеческий антикапитал, доверие, обмен, ресурсы, принудительная редистрибуция, насилие, репрессии.*

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF "ECONOMIC GANGSTERS"

Abstract: K. Marx gave a clear and transparent rationale for the ideology of the economic gangster. The ideology of "economic gangster" is the willingness to maximize personal gain in any way possible. This is the willingness, according to K. Marx and his predecessors, to commit any crime for their own benefit. The article deals with the problems of corruption and its ideological basis - the ideology of economic gangsters or social cannibals, possible antitheses and models for fighting corruption. Corruption is defined as the use by an official of his authority and the rights entrusted to him, as well as the related official status of authority, opportunities, connections for personal gain, contrary to law and moral standards. The role of social and human capital in the development of countries and communities is analyzed: it is stated that the development of human and social capital is associated with the development of social and, if there are humane relations in the community, it is actively developing and serves the development of communities and reducing corruption. Anti-capital develops and accumulates in the conditions of economic gangsterism, anomie and corruption, turning into social cannibalism and culminating in the collapse of society and the country. At the same time, the secondary regimes are able to successfully conceal the overwhelming majority of abuses of power from the public, so that the conclusion about their corruption is made on the basis of an analysis of circumstantial evidence and harmful consequences for the whole of society. On the contrary, corruption in democratic regimes is often widely publicized and stopped before it starts to cause significant damage. At present, corruption has normalized so much that it has integrated into the Malthusanan model of "scissors" (the population, or rather its needs, grows endlessly, and the resources, or rather the possibilities to meet them, are finite, so these societies are under threat, which can be reduced by the use of fascist, genocidal communities, with enviable regularity) as a component of social relations: has undergone normalization and optimization. Now the fight against it is included in the concept of optimal costs (but not benefits). This indicates the final stage of the corruption of the state monolith corruption: the community administrators have lost the ability of bureaucrats to distinguish between reality and inventions created by themselves and, thus, live in constant fear of exposing their own illusions. At this time, the aggressiveness of the economic gangster reaches its maximum: capital really goes to any crime, and the threshold of income capable of provoking a crime is constantly reduced, up to self-discriminating kleptomania, etc. ..

Keywords: *corruption, compradore bourgeoisie, social collapse, social policy, social capital, social anticapital, human capital, human anticapital, trust, sharing, resources, forced redistribution, violence, repression.*

К. Маркс дал чёткое и прозрачное обоснование идеологии экономического гангстерства. Идеология «экономического гангстера» - готовность максимизировать личную выгоду любым доступным способом [5]. Это готовность, согласно К. Марксу и его предшественникам, пойти на любое преступление ради собственной выгоды: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. …но это ещё не вся правда. …Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение… при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами» [6, p.35, 36]. Корру́пция означает обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, а также связанных с этим официальным статусом авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам. Главное оружие и результат коррупции - деидеологизация. Как отмечает О.А. Санчес, авторитарные режимы способны успешно скрывать подавляющее большинство злоупотреблений властью от общественности, так что вывод об их коррумпированности делается на основе анализа косвенных свидетельств и пагубных для всего общества последствий [4, с.5-10]. Напротив, коррупция в демократических режимах часто получает широкую огласку и пресекается прежде, чем она начинает наносить существенный ущерб. Однако, периодические скандалы вызывают у граждан сомнения в своей способности оказывать влияние на процесс принятия в стране политических решений и разочарование в демократии. Деформации социально-политического сознания под влиянием проникновения в него антисоциальных идеологических установок, приводящих страны на грань коллапса, в современном мире многочисленны. Основные из них сводятся к разной мере манипулятивно ограниченному выбору: парадоксального утверждения жизни, аномии и отказа (включая более или менее полную изоляцию субъекта от общества в целях самосохранения и сохранения своего «варианта» осознания социально-политических процессов), согласия (разрушения себя и мира под девизом «Бери от жизни все!»).

Перспективы этих выборов существенно различны: социальное служение обеспечивает человеку, его семье, роду подчас трудное, но более или менее стабильное развитие, совершенствование. Выбор аномии – удовлетворение инстинкта защищенности при стратегическом «угнетении» инстинкта выживания, человек «жертвует» развитием рода и, во многом, семьи в пользу сиюминутного собственного комфорта и успеха. В случае «экономического гангстерства», пропагандируемого идеологией «голодных игр», под ударом в стратегической перспективе оказываются оба инстинкта – выживания и защищенности. Однако, на внешнем уровне, социальный каннибализм как нормативная стратегия жизнедеятельности правящей «элиты», позволяет достигать комфорта, успеха, власти и обеспеченности.

В основе давления, которому подвергаются ценностные ориентации различных слоев населения, лежат два следующих момента крушение системы регулирования индивидуальных желаний, в результате чего личность начинает хотеть больше, чем она может добиться в рамках данной социальной структуры, приводит к попыткам изменения структуры, переходу от общества «развитой демократии» к откровенному рабству и геноциду. В настоящее время коррупция нормализовалась настолько, что встроилась в мальтузинанскую модель «ножниц» (население, точнее его потребности, растет беспредельно, а ресурсы, точнее возможности их удовлетворения, конечны, поэтому эти

социум оказывается под угрозой, снизить которую могут меры, применяющиеся фашистскими, геноцидными сообществами, с завидной регулярностью) как компонент социальных отношений: подверглась нормализации и оптимизации. Теперь борьба с нею включена в понятие оптимальных затрат (но не выгод): сравнивая потери от коррупции и затраты на искоренение коррупции для каждого её уровня, некоторые исследователи полагают, что можно найти оптимальный уровень коррупции, отражающий «наименьшие суммарные потери» [3].Однако, как отмечал К. Маркс, на весах прибыли и идеологии выигрывает прибыль [2, с. 770; 6]: мальтузианская модель будет рекламироваться до тех пор, пока планы уничтожения «лишнего» населения, лишней «нравственности», «свободы» и т.д., не ударят по самим «мальтузианцам». Преступлениям «экономических гангстеров» мешают лишь две вещи: наличие у социума организующей его идеологии, центрированной вокруг ведущих нравственных заповедей и тенденция преступающих заповеди самоуничтожаться. Доминирующее компрадорское меньшинство, «чтобы выжить» и выжить хорошо, на фоне ничем не контролируемого стремления к все большей власти и подавлению самой возможности сопротивления, стремится к мондиализации. Обслуживающие его «внутренний пролетариат», создает всеобщую идеологию, «внешний пролетариат» создает военизированные, мародерствующие, банды, получающие награды Героев гражданских войн.

Людям свойственно забывать уроки истории и сакраментальное «заграница нам поможет» все еще утешает наивных потребителей, в то время как мародерствующее компрадорство, потерявшее свою социальную нишу после победы над фашизмом, вновь процветает, но уже - на более широком уровне. «Компрадорская буржуазия» - традиционная часть буржуазии развивающейся страны, она осуществляет торговое посредничество с иностранными компаниями на внутреннем и внешнем рынках. Компрадорская буржуазия образовалась еще в эпоху колониализма и связана с потребительски-каннибаллистической ориентацией «выкачивания» ресурсов одной страны другой. Формировалась она из разных классов: купцов и ростовщиков, феодалов и племенной знати, - и в значительной степени зависела от иностранных компаний как в экономическом, так и в политическом плане и нередко использовалась ими в своих интересах. В антиколониальном движении в конце XIX — начале XX веков, а также в период между Первой и Второй мировыми войнами, компрадорская буржуазия участия, как правило, не принимала: крах рабства не был для нее выгоден. В современном значении «компрадоры» и «компрадорская буржуазия» являются устойчивыми названиями «чиновников-бюрократов и бизнесменов-олигархов, наживающих свои капиталы на продаже за рубеж отечественных природных ресурсов и торговле иностранными товарами, хранящих свои деньги в иностранных банках, учитывающие только на собственные интересы и не задумывающиеся над последствиями для экономики и тем более социальных отношений в стране. Ей не интересны и международные отношения в той мере, в какой они не приносят ей доход. Доход же возникает лишь там, где есть отношения рабства, колониализм или социальный каннибализм как неофашизм. Таковой – расцвел после разрушения СССР по всей его территории, включая Россию, которая допустила «помощь заграницы» настолько далеко, что до сих пор вынуждена оправдываться, защищаясь от «санкций» колонизаторов. Еще в более тяжелом положении оказалась фашистская Молдова, поглощенная экономически и политически уже в середине 90-х годов XX века, а также Украина, пытающаяся стать «це Европой» и активно стремящаяся повторить путь фашиствующего геноцида, компрадорского мародерства и социального каннибализма Молдовы и других стран – осколков СССР.

Очевидно, что ни компрадорство, ни, тем более, мародерство, не отвечают задачам стабильного, устойчивого развития и не предполагают заботы о социальном и человеческом капиталах страны. Более того, они опираются на прямо противоположные ценности и цели: создание и укрепление социального и человеческого антикапиталов и социальный коллапс, при котором меньшинство в виде компрадорской «элиты» и ее мародерствующей

военизированной «армии», наращивают финансовый и материальный капитал, не думая о последствиях такого наращивания, ни для общества и страны, ни для себя.

Под видом инноваций «протаскиваются» идеи разрушительные как для сообщества, так и отдельных граждан, взятые не столько из будущего и стремления к нему, сколько из ранее дискредитировавшего себя прошлого. Примером является неофашистская идеология потребления или социального каннибализма, сменившая социальную аномию эпохи модерна. Социальный каннибализм опирается на социальный антикапитал, всеобщее недоверие и сверхконтроль, и, до исчерпания социального капитала, доверия и связей сотрудничества и взаимопомощи людей в сообществе, может существовать вполне успешно. Социальный капитал, как и капитал человеческий, - социальное богатство личности и общества, которое выражается в совокупности межличностных связей, предоставляет доступ к ресурсам партнеров и дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами. Однако, культура потребления самоуничтожается, когда социальный капитал заканчивается, а социальный антикапитал увеличивается: рушатся социальные связи, партнерские мосты и даже семейные узы, коллапсирует сообщество и погибают – самоуничтожаясь и уничтожаясь другими – «каннибалами» - люди.

Как и социальный капитал, - человеческий капитал имеет свою противоположность – антикапитал. Отрицательный человеческий капитал или антикапитал, — часть накопленного капитала, не дающая полезной обществу и человеку отдачи от инвестиций в него, но, напротив, препятствующая росту качества жизни населения, развитию общества и личности. Так, преступники, наркоманы и просто бездельники могут быть оценены как потерянные для общества, организаций и семей субъекты, как потерянные инвестиции. Накопленный отрицательный человеческий капитал (антикапитал) активно проявляет себя в периоды бифуркаций и революций, смены поколений — в условиях неравновесных состояний капитал может быстро изменить свои «знак» и иные качественные и структурные характеристики. Отрицательный человеческий капитал формируется на базе негативных сторон функционирования нации, страны, на низкой культуре отношений к себе и миру значительной части населения. Кроме того, можно выделить пассивно-нейтральный человеческий капитал — человеческий капитал, не вносящий вклада в процессы развития страны, в инновационную экономику, направленный человеком на собственное потребление и комфорт. В положительную часть капитала входят трудолюбивые профессионалы, люди, занимающиеся благотворительностью и разделяющие идеалы служения обществу, взаимопомощи: идеологию социального служения. Положительный человеческий капитал – это креативный или инновационный капитал. Его определяют как обеспечивающий полезную отдачу от инвестиций в него в процессы развития: в повышение и поддержание качества жизни населения, в рост инновационного и институционального потенциалов. Формирование и развитие, инволюция и разрушение компонентов социального капитала, глубина его продуктивной и негативной трансформации (реформации или деформации) различаются в группах с высоким и низким уровнем принятия социальных нормативов, включая показатели - индивидуальной ответственности, интеллектуальной независимости и уважения к праву, а также ориентации на инновационное, творческое отношение к жизни, не только на получение вкладов и инвестиций сообществ в жизнь его членов, но и на отдачу, служение членов сообщества друг другу и обществу в целом. Суммируем сказанное в таблице №1.

Таблица №1. Коррупция и развитие сообществ

Путь 1 развитие, инновации	**Путь 2 функционирование, практики**	**Путь 3 - деструкция,коллапс**
Социальное служение и взаимопомощь	Нормализовавшаяся коррупция, симулякры	Неограниченная коррупция, компрадорство

социальный капитал человеческий капитал социальное служение и взаимопомощь модели взаимопомощи взаимные инвестиции доверие и принятие взаимопонимание связи, мосты, узы профессионализм здоровье души и тела нравственность глубинная демократия творчество, свобода продуктивная конкуренция осмысленные инвестиции системные инновации	борьбы с коррупцией экономический капитал политический капитал социальная аномия модель взаимного потребления накопление и вклады отчуждение и толерантность шаблонность осмысления изоляция, одиночество потребление нормативное существование либерализм псевдодемократия подавление, репрессии дикая конкуренция преференции хаотические инновации	и мародерство социальный антикапитал человеческий антикапитал социальный каннибализм мальтузианская модель вынужденное использование, вражда и неприятие манипулирование сознанием захват и подавление бандитизм болезни души и тела безнравственность криптократия расправы, уничтожение выживание воровство - "освоение" отказ от инноваций

При накоплении антикапиталов коррупция все более нарастает, нарастают и симулякры борьбы с коррупцией. Наряду с симулякрами борьбы с коррупцией параллельно усиливается спираль умолчания относительно того, как компрадорствующие и мародерствующие группировки «управляют» развитием страны и насколько именно коррупция вошла в жизнь ее важнейших органов: структур МВД и ФМС, юстиции и бизнеса, медицины и образования и т.д.. Спираль умолчания (the spiral of silence), как утверждает Э. Ноэль-Нойман, приводит к тому, что каждый отдельный несогласный с меньшей вероятностью выскажет свое мнение на ту или иную тему, когда понимает, что находится в меньшинстве, поскольку боится возмездия или изоляции (игнорирования) [7]. Она отмечает, что если какая-либо тема активизирует спираль молчания, это означает, что этот вопрос представляет большую угрозу общественному согласию и существованию общества в целом Противостоять спирали могут высокообразованные или более-менее состоятельные люди, а также некоторые «бесцеремонные» трасцендентирующие индивиды, не боящиеся изоляции, которые с большей вероятностью выскажутся или могут настаивать на истине и истинных ценностях, вне зависимости от общественного мнения. Это меньшинство — необходимый фактор продуктивных изменений, накопления и развития человеческого и социального капиталов, культуры и науки, а податливое большинство — условие стабильности самоуничтожения, коллапса, к которому его ведет другое меньшинство — «элита». Однако, коррупционное сообщество активно борется с образованными и самостоятельными людьми: средствами деструкции образования, здравоохранения и извращением института юстиции, правоохранения и правозащиты и нормализации коррупции параллельно с ее дифференциацией: введение нормативов размеров и форм взяток и т.п. процедур. Пример – мальтузианская модель «оптимума коррупции» (рис. 1).

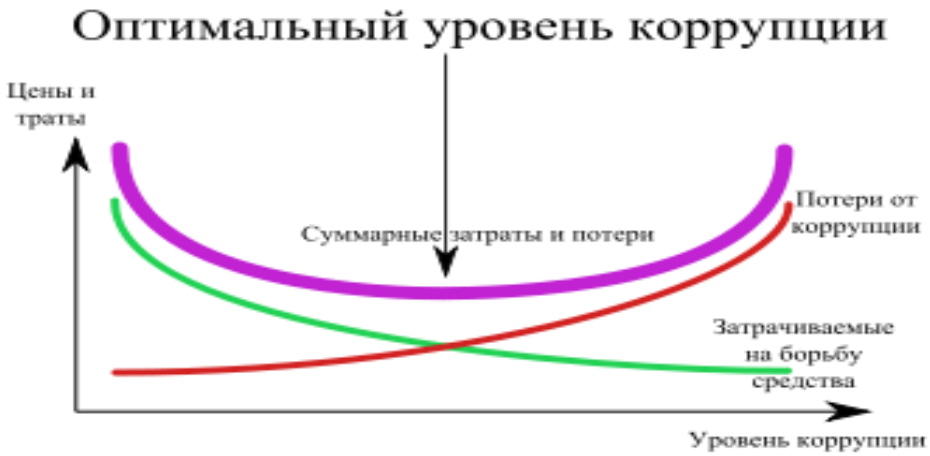


Рисунок 1. Мальтузианская модель коррупции [4]

Сравнивая потери от коррупции и затраты на искоренение коррупции для каждого её уровня, некоторые исследователи полагают, что можно найти оптимальный уровень коррупции, отражающий «наименьшие суммарные потери». Это говорит о завершающем этапе коррупционного разложения государственного монолита: управляющие сообществом бюрократы потеряли способность различать реальность и выдумки, созданные ими самими и, таким образом, .живут в постоянном страхе разоблачения собственных иллюзий. В это время агрессивность экономического гангстерства достигает максимума: капитал действительно идет на любое преступление, причем порог дохода, способного провоцировать преступление, постоянно снижается, вплоть до саморазобрачительных клептоманий и т.д. .

Главное оружие и результат коррупции - деидеологизация посредством разрыва культурных связей, культурной трансмиссии, - приводит к тому что и сами институции и структуры бюрократии, как так или иначе связанные с культурой и трансмиссией культуры (гангстерства) также начинают блокироваться. 31 декабря 1995 г. газета «Financial Times» объявила 1995 год «годом коррупции», очевидно, XXI век становится веком коррупции – в том числе под видом борьбы с нею. При этом авторитарные режимы способны успешно скрывать подавляющее большинство злоупотреблений властью от общественности, так что вывод об их коррумпированности делается на основе анализа косвенных свидетельств и пагубных для всего общества последствий. Напротив, коррупция в демократических режимах часто получает широкую огласку и пресекается прежде, чем она начинает наносить существенный ущерб. Однако периодические скандалы вызывают у граждан сомнения в своей способности оказывать влияние на процесс принятия в стране политических решений и разочарование в демократии.

Коррупция как компонент социальных отношений, т.о., подвергается нормализации и оптимизации в любыъ сообществах – однако, точка «оптимальности» в них различна. . Преодоление «спирали молчания» возможно за счет нейтрализации в поле социального взаимодействия идей, порождающих социальные страхи и/или вброса в него более сильных социально-политических идей, то есть — новых идеологий, способных противостоять коллапсу и вырождению. На такую идею прендендует идея социального служения и идея взаимопомощи (партнерства). Однако, ее внедрение на фоне тотальной деструкции гражданского общества, коррупции в религиозных организациях и организациях системы социального обслуживания, превращение их в дополнительное средство государственного насилия и контроля, превращение обязательств государства в «услуги», а прав граждан в «возможности» наряду с пропагандой крауд-технологий («гласности» малообразованных и лишенных нравственных ориентиров и самостоятельности «Шариковых»), служит лишь одной цели: сверхприбыли отдельных лиц и обслуживающих их карательно-репрессивных

структур. Нормализация социального каннибализма и гангстерской, компрадорской коррупции — факт свершившийся. Тем не менее, извлекать уроки из него и комментировать проявления деятельности данной группы лиц, строящей на пустоте абсурд своей жизни, ломающей жизнь других, предпринимать усилия по заполнению «пустоты» фактами реальной жизни, сворачиванию спирали молчания, — существующая возможность выживания в мире, где, по словам классиков экзистенциализма, прошедших концлагеря, выживание невозможно [1].

Список использованных источников

1. Кемпински А. Экзистенциальная психиатрия. – М.: Совершенство, 1998, С.123-134.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.- М.: ГИПЛ, 1955. — Т. 23. — С. 770.
3. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. — М.: Логос, 2003. — 356 с.
4. Санчес О.А. Предисловие // Вакурин А.В. и др. Основы противодействия коррупции / Под ред. С. В. Максимова — М.: Спарк, 1999. – 228с. - С.5-10
5. Фисман Р., Мигель Э. Экономические гангстеры. Коррупция, насилие и бедность национальных масштабов. - М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2012. - 302 с.
6. Dunning T. J. Trades' Unions and strikes. - L.: Dunning T. J. Publ.,1860. — 52 p.
7. Noelle-Neumann E. The theory of public opinion: The concept of the Spiral of Silence // Communication Yearbook / J. A. Anderson (Ed.) – Newbury Park, CA: Sage, 1991. – V. 14. P. 256–287.

УДК141.821/822:130.2

А. А. Атик

К. МАРКС И ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ АРАБСКОГО ВОСТОКА В XIX - XX ВВ.

Аннотация. *В данной статье рассматривается закономерный процесс возникновения и распространения идей марксизма в философской мысли арабского Востока, а также проводиться анализ и оценка работ арабских марксистов и их роли в исследовании вопросов религии и исторического материализма.*

Ключевые слова: *марксизм, капитализм, арабский социализм, панисламизм, баасизм*

K. MARX AND THE PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE ARAB EAST IN THE XIX - XX CENTURIES.

Annotation*. This article discusses the natural process of the emergence and spread of the ideas of Marxism in the philosophical thought of the Arab East, and also analyzes and evaluates the work of Arab Marxists and their role in the study of issues of religion and historical materialism.*

Keywords*: Marxism, capitalism, Arab socialism, pan-Islamism, Ba'athism*

Введение.Марксизм сыграл важную роль в судьбах человечества и нашего общества в частности. В свое время К. Маркс предвидел падение капитализма, как не оправдавшая себя система социально-экономического строя. Он предполагал, что именно рабочий класс станет орудием ликвидации изжившего себя капитализма и освободит людей от рабства и частной собственности заменив его социализмом. Идеи социализма распространились на Западе, проникли в Россию, а также на Восток, в том числе и в арабо-мусульманские страны

Цельюданного исследования является раскрыть основные особенности процессов возникновения и распространения идей марксизма в философской мысли арабского Востока в конце XIX - Начале XX вв., а также приспособление и применение марксистской идеологии в современных условиях культурной и социально-политической жизни арабского мира.

Результаты исследования.

Прежде всего следует отметить отличие арабского социализма от традиционного понимания социализма, представляющий собой особое политическое течение в арабском мире пик которого приходится на вторую половину XXвека. Само понятие «арабский социализм» было введено арабским политическим деятелем и философом Мишелем Афляком, одним из основателей Бааса и баасизма, означающего в переводе с арабского языка «возрождение» или «воскрешение». Основной идеей баасизма была создание и развитие объединенного арабского государства, а также возрождение арабской культуры и ценностей.

Марксиз и социализм только начали прокладывать свой путь в арабский мир в конце XIX столетия и вызывали неоднозначную реакцию [3, с. 230-231].

Так, с критикой социализма выступал Джамаль ад-Дин аль-Афгани, исламский реформатор, идеологи панисламизма, призывающей к единству мусульман всего мира вне зависимости от социальной, национальной или государственной принадлежности и их объединение под властью халифа – высшего духовного главы [1, с.239].

Арабские мыслители не случайно интересовались идеями марксизма и его теоретическим наследием, ведь именно его социально-экономические идеи становятся идейным оружием в борьбе за национальное освобождение.

Уже в начале XX интенсивно развивается философия марксизма в странах Запада и активизировалась деятельность ученых и философов, что вызвало необходимость более тщательного изучения новых течений в зарубежной философии, в том числе огромный интерес вызывали ученые-марксисты и их идеи о революционных преобразованиях. Первые арабские марксисты начали приспосабливать идеи материалистической диалектики и социализма к арабским реалиям [4].

Учитывая, что философия марксизма в арабском мире развивалась в сложных условиях идеологической борьбы.

Одним из первых арабских идеологов, обратившихся к идеям социализма можно назвать арабского философа Фараха Антуна. А видный арабский философ Шибли Шмейл отмечал, что социализм представляет собой ничто иное как результат соединения определенных факторов и, конечно, он подчиняется естественным законам, которые ведут к нему [3, с.235]. Марксизм в среде арабской философской мысли имел успех, однако, стоит отметить, что он был отделен от его советской версии марксизма-ленинизма. В арабской философии марксизм был обращен в большей степени к гуманизму, свойственному исламской концепции справедливости и религиозной нравственности с включением исламского вероучения как основа культуры и сознания арабского общества, получив облик вышеназванного нами «арабского социализма», оформившийся во второй половине XX века. В этот период в арабском мире на завершающем этапе находился процесс национального освобождения, который стал платформой для строительства социализма. Однако социализм в этом регионе проявлялся в разных вариациях: алжирский социализм в Алжире, йеменский социализм в Южном Йемене, баасистский в Сирии, насеризм – в Египте и т.д. В то время как в арабских странах с консервативными монархическими режимами (Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Северный Йемен) не могло быть и речи о развитии идей марксизма и социализма [3].

Сам социализм в концепции «арабского социализма» воспринимался как национализация частной собственности, так как природные ресурсы и средства производства принадлежат всей арабской нации. Для объединения арабской нации была создана Лига арабских государств, при которой в конце 50-х прошлого века был создан Институт арабских исследований, в котором работали ученые, социологи, политологи и экономисты, прибывшие из многих арабских стран.

«Арабский социализм» стал объектом интереса многих мыслителей, которые хотя и поддерживали социальные реформы, однако их видение ситуации было разным. Одни

считали необходимым воспитания строгого научно-аналитического сознания (Махмуд З.Н.), другие делали акцент на освобождение личности (Амин Осман), третье видели необходимость глубоких социальных изменений на основе научной теории марксизма [5].

Возникновение и становление марксизма в арабском мире тесно взаимосвязано с арабским демократическим движением и связанное с ним движение рабочих и арабского пролетариата. Однако, идеи марксизма проникают в Сирию, Ливан и Египет из стран колонизаторов (Франция, Англия) намного раньше. Еще до начала второй мировой войны уже были созданы коммунистические партии, а позже Лига борьбы с фашизмом, которая вела широкую пропаганду среди народных и рабочих организаций. Этой лигой создано ряд марксистских журналов (Ат-Тарик («Путь»), Ан-Нида («Призыв»), Нидаль аш-Шааб («Борьба народа»), а также научный журнал Дирасат Иштиракия («Социалистические исследования»)), которые играли важную роль в распространении и пропаганде идей марксизма среди разных слоев общества. В журнале Социалистические исследования говориться: «марксизм – это прежде всего научная теория, определяющая путь, средства и методы революционных преобразований мира…» [2, с. 17].

Арабские марксисты аргументировано раскрывают содержание марксистской теории по широкому кругу проблем и видят необходимость его развития в эпоху империализма и видят его непрерывное развитие на основе общественно-исторической практике и прогресса научного познания.

Буржуазные теоретики, тем не менее, отрицают интернациональный характер марксизма и утверждают невозможность его применения в арабском мире. М. Хармал отмечает, что арабские буржуазные идеологи пытаются доказать, что марксизм чужд арабским народам, культурному наследию арабов. На самом же деле зарождение и распространение марксизма на Ближнем Востоке имеет социальные и идейные основания. Арабские марксисты считают, что учение марксизма не является импортируемой теорией, но имеет историческое основание и порождено развитием арабского революционного и национально-освободительного движения, борьбой за социальное и национальное освобождение трудящихся масс. Они видят основной своей задачей распространение идей марксизма среди трудящихся и применения ее в современных арабских условиях социальных и революционных преобразований [6].

В работах арабских философов-марксистов уделяется значительно внимание разработке основных законной и категорий материалистической диалектики. Они подчеркивают всеобщий характер основных законов, методологическое значение в научном познании и практике революционных преобразований. Категории рассматриваются как предельно общие понятия, отражающие существенные и закономерные связи реальной действительности и познания, находятся в тесной взаимосвязи и представляют собой систему.

Наиболее яркими идеологами марксизма в арабском мире Жорж Ханна (Ливан) и Махмуд аль-Алем (Египет), через полемические статьи которых можно воссоздать образ идейной атмосферы арабского общества начала XX века.

Так, Жорж Ханна в своих работах делает упор на социальную природу человека, на то, что человек, прежде всего, является существом коллективным и его нравственность вытекает из его социальной природы. В научно-материалистической теории он усматривал подлинно гуманистическую, научную философию. Такое понимание он проецировал на ливанское общество, говоря, что возрождение Ливана возможно только в случае коренных изменений в социальной политике и эти изменения должен совершать сам народ.

Марксистская мысль на арабском Востоке развивалась в сложной ситуации идеологической борьбы, в которой противники марксизма обвиняли его сторонников во всех социальных бедах настигших арабские страны. Хотя ясно, что в социальных бедах виноват вовсе не марксизм, и не идеи социализма, а извращение этих идей и неумение применять их на практике.

При изучении опыта творческого применения марксистского учения в арабских странах огромное теоретическое и практическое значение имеют исследования арабских марксистов, в работах которых раскрывается процесс распротранения и пропаганды этих идей в странах арабского мира. В исследованиях М.Амеля, М. Аш-Шарифа, Аль-Алима, С. Аль-Азма и др. выдвигаются, прежде всего, проблемы диалектического и исторического материализма, соотношения религии и государства.

Выводы.

Арабские марксисты не только вели пропаганду марксизма, но и защищали его, обосновывали необходимость воспитания социалистической сознательности и необходимость творческого развития теории марксизма применительно к современным, для того времени, условиям арабского общества. Стоит также отметить, что исследования арабских марксистов, посвященные проблемам религии и ее роли в обществе, свидетельствует о том, что они боролись за научный и социальный прогресс в современном арабском обществе.

Список использованных источников:

1. Бартольд В.В. Панисламизм / В.В. Бартольд. Собрание соч. в 9 т. М. 1966. Т. 6. С. 400–402.
2. Исса Бассам Марксистско-ленинская мысль на ближнем востоке (1945-1987) : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. - Минск, 1990. - 21 с.
3. Левин З.И. Общественно-политическая мысль в Сирии и Египте / З. И. Левин. – М. : Наука, 1972. – 268 с.
4. Степанянц М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике 19-20 вв. / М.Т. Степанянц. – М. : Наука, 1982. – 248 с.
5. Фролова Е.А. Дискурс арабской философии / Е.А. Фролова. – М., ООО «Садра», Языки славянской культуры, 2016. – 312 с.
6. *Хакимов И.М*. Антиколониализм Джамаль ад-Дина аль-Афгани на страницах «аль-Урва аль-Вуска» (1884) // Арабские страны. История. Экономика. М. 1970. С. 238–248.

Биляева И. И.

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЛОГЕРСТВА

В данной статье рассмотрены сущность и влияние культурных, социальных, экономических и других условий на развитие политического блогерства.

Ключевые слова: *блогер, политический блогер, информационная политика, информационно-коммуникационная деятельность, Интернет.*

Irina Bilyaeva

BASIC CONDITIONS OF POLITICAL BLOGGING DEVELOPMENT

This article examines the essence and influence of cultural, social, economic and other conditions on the development of political blogging.

Keywords: *blogger, political blogging, information policy, information and communication activities, Internet.*

Современная жизнедеятельность общества около двадцати лет тесно взаимосвязана с функционированием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сети «Интернет»). Соответственно, это имеет непосредственное отношение и к некоторым изменениям политической системы общества, включая его подсистему - политической

коммуникации. Именно с интенсивным развитием сети «Интернет» в политической коммуникативной подсистеме политической системы появляется феномен «новых медиа». Новые технологии дали возможность не только традиционным средствам массовой информации (далее – СМИ) расширить свою информационно-коммуникационную деятельность в сети «Интернет», но и послужили почвой становления феномена «блогерства».

Феномен «блогерства» вначале развивался в формате «*LiveJournal*» *(с англ. «Живой журнал»; далее - ЖЖ)* – блог-платформы предоставляющей возможность ведения персональных или коллективных дневников-блогов в режиме онлайн. Немного позже, на основе веб-платформ, были разработаны новые онлайн-сервисы – это всем известные социальные сети, фотохостинги, аудиохостинги, видеохостинги и самые разнообразные сайты. Используют онлайн-сервисы в своей информационно-коммуникационной деятельности не только уже известные публичные личности, но и желающие ее получить, также многие сообщества, организации, общественные движения, политические партии и т.д.

Понятие «блогер» официально определено в нормативно-правовых актах как «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети «Интернет» [2, 5]. Общедоступная информация блогов имеет разную тематическую направленность охватывая практически все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и политическую. По данному критерию можно четко определить специализацию их информационно-коммуникационной деятельности. Так, например, политические блогеры на своих онлайн-страницах освещают события, комментируют факты, делают анализ политической деятельности лидеров, партий, организаций, государств, общественных мероприятий, движений.

Отметим также, что «политическая блогосфера рассматривается большинством субъектов политики именно как среда передачи информации, как репрезентативное поле, в котором субъекты политики пытаются сконструировать идеальный имидж, который должен помочь им в борьбе за власть и влияние в «офлайне» [1, 71]. Кратко резюмируя обозначим, блогерские онлайн-страницы являются дополнительным полем активной политической деятельности и борьбы за власть, имидж, электорат, формирования политической культуры и идеологии.

Для более эффективного функционирования политического блогерства, как и любого другого вида блогерства, необходимо придерживаться основных условий/правил его развития. Развитие технологий производства меняет жизнедеятельность общества и, соответственно, побуждает его большинство к быстрому их освоению. Так, ***культурно-технологические условия*** являются базисом становления и развития как блогерства в целом, так и политического блогерства в частности**.**Использование новых информационных технологий, программного обеспечения, сети «Интернет», онлайн-сервисов на уровне, как минимум, пользователя - просто необходимо. В первую очередь, для создания своего контента. Во вторую очередь, применение к нему разных форм работы, таких как: публикация, добавление, удаление, изменение, участие в обсуждении, анализ популярного контента, анализ активности подписчиков и т.д.

Анализируя ***социальные условия*** развития блогерства/политического блогерства выделим главный элемент их информационно-коммуникационной деятельности – привлечение читателей/слушателей/зрителей. Именно они, являются источником появления, вдохновения и становления феномена «блогерства». Блогер как индивидуум социума, является феноменом социальным, который развивается в конкретной и понятной для него среде с определенным социокодом. Подобный набор символов, социальных норм, обычаев и традиций, во-первых, выступает связующим звеном между блогером/политическим блогером и читателями/слушателями/зрителями. Во-вторых, формирует и/или подчеркивает в нем качественные черты лидера. Такие как: *интеллектуальные способности* - рассудительность,

оригинальность, концептуальность, образованность, грамотная речь, профессионализм; *черты характера* - честность и прямота, инициативность, настойчивость, самостоятельность, обязательность, участливость, энергичность, уверенность в себе; к*оммуникативные навыки* - коммуникабельность, доказательность, убедительность; *организаторские качества* – умение организовать и вести за собой людей; *духовность* - личная целостность. Также, каждому блогеру/политическому блогеру присуща ярко выраженная индивидуальная психофизическая черта, которая выделяет его на фоне других. Например, голос, интонация, речь, артистичность, внешность, стиль и т.д.

Благодаря врожденным и приобретенным лидерским качествам на онлайн-страницы блогера/политического блогера подписываются тысячи, сотни тысяч, миллион и более читателей/слушателей/зрителей. Большая подписка стимулирует блогера/политического блогера к интенсивному развитию его онлайн-страницы, личностному росту, активному взаимодействую с подписчиками. Создавая свой оригинальный информационный продукт он занимается творческой реализацией, накапливает опыт, приобретает имидж и вероятность социального контроля и влияния на действия политической власти.

Важным стимулом и ***экономическим условием*** развития информационно-коммуникационной деятельности блогерства/политического блогерства есть возможность монетизации онлайн-страниц. Появляется потенциал улучшения финансового положения, получение дополнительного заработка и, со временем, источника основного финансового дохода. Вид заработка на онлайн-страницах – рекламный. Форма ее использования, в зависимости от размещённого контента и преследуемых целей блогера/политического блогера, может быть разной. В первом случае, онлайн-страница предоставлена как площадка для размещения рекламы и ее владелец ориентирован на получение финансового дохода. Во втором случае, контент онлайн-страницы подан в виде рекламы, а владелец лично финансирует ее распространение. В данном случае, цель и задачи у блогера/политического блогера могут быть самые разные - от популяризации политики и популярности политического лидера до агрессивной рекламной агитации в период избирательной кампании.

Блоги о политике в основном ведут: политические лидеры, лидеры или представители политических партий, объединений, движений, политические журналисты, политологи и другие участники политического процесса, проявляющие интерес к политике.

Политические условия развития блогерства представлены разветвленной законодательной базой нормативно-правовых актов разных уровней государственных органов управления. От регламентации предоставления связи информационных технологий и информационно-коммуникационной деятельности блогеров до утвержденных инструментов политической борьбы за власть.

Подводя итог добавим, проявляется общественный интерес к сети «Интернет» как с позиции пассивного, так и активного пользователя, в форме субъект-субъектных и субъект-объектных информационно-коммуникационных отношений. Способствуют формированию общественного интереса культурно-технологические, социальные, экономические и политические условия развития современного блогерства. Блогеры открыто функционирующие под своим именем работают на перспективу и соответственно, дорожат своей репутацией. Такие действия вызывают доверие и обеспечивают хорошую поддержку в обществе, в виде огромного количества подписчиков и посещений онлайн-страниц.

Список использованных источников:

1. Квятковский К.О., Русакова О.Ф. Основные методологические подходы к исследованиям дискурса политической блогосферы // Социум и власть. - № 3(31). – 2011. С. 70-74.

2. Федеральный закон от 05.05.2014 №97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена

информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] /URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201405050068?index=4&rangeSize=1 (дата обращения: 10.08.2018).

Войтов А. Г.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВАНИЕ МАРКСИЗМА

Аннотация. *Не существенны различия во времени юбилеев 100-летия революции и 200-летия со дня рождения К. Маркса. Их общим атрибутом являются оценка марксизма как идеологии социализации общества и непонимание марксизма его ортодоксами. В их произведениях нет осмысления главного в марксизме и тем более его проблем, решение которых обеспечит его ренессанс как идеологии защиты народами их интересов. Их мысли не служат консолидации марксистов. Отстоять марксизм как идеологию защиты интересов народа возможно только на основе определения главного его атрибута – его опору на философию как метод теоретизации наук. Главной задачей марксистов является выполнение его замысла – сделать диалектику (диалектическое мышление) доступной людям со здравым рассудком. Осмысление всего этого было основанием исследований философии и диалектической логики как ядра методологии экономической науки, прежде всего политэкономии, и их использование для разработки версии политэкономии 21 века.*

Ключевые слова: *марксизм,философия, филодоксия, наука, теория, диалектика, методология, идеология, политэкономия, экономика.*

Annotation. *There are no significant differences in the time of the 100th anniversary of the revolution and the 200th anniversary of Marx's birth. Their common attribute is the assessment of Marxism as an ideology of socialization of society and the lack of understanding of Marxism by its Orthodox. In their works, there is no understanding of the main thing in Marxism and especially its problems, the solution of which will provide its Renaissance as an ideology of protection of the peoples' interests. Their ideas do not serve to consolidate Marxists. To defend Marxism as an ideology of protecting the interests of the people is possible only based on determining its main attribute – its reliance on philosophy as a method of theorizing Sciences. The main task of the Marxists is to fulfill his intention – to make dialectics (dialectical thinking) accessible to people with common sense. The understanding of all this was the basis for the research of philosophy and dialectical logic as the core of the methodology of economic science, especially political economy, and their use for the development of the version of political economy of the 21-st century.*

Key words: *Marxism, philosophy, philodoxia, science, theory, dialectics, methodology, ideology, political economy, economy***.**

1. В начале третьего тысячелетия впервые возникла опасность самоубийства общества в виду неадекватности науки потребностям его развития и не выполнения ею функции идеологии социального прогресса. А поэтому актуален поиск идей, которые обеспечат научный прогресс и спасут общество. Эту функцию выполнит только марксизм как идеология социализации общества.

2. Марксизм воплотил научные достижения общества XIX века, объяснил на их основе экономическую анатомию общества и прогнозировал его социализацию. Идеи К. Маркса и Ф. Энгельса воодушевили народы на защиту их прав и в XX веке стали идеологией созидания предвиденной ими социально-экономической формации. Но научного задела К. Маркса и Ф. Энгельса оказалось недостаточно для прогресса практики нового образа жизни и не произошло его творческого развития. Камнем преткновения марксизма стали его ортодоксы ввиду его непонимания ими [6, т. 29. с.162] и тем более неспособности его

развития на основе замыслов его основоположников. В результате произошел крах практики нового общества в ведущей его стране.

3. Условием спасения общества и обеспечения его прогресса полагаем осмысление марксизма. Основой этому может быть научное объяснение фундаментальных основ общества. Марксизм – вершина общественной науки, но его не понять без учета всех аспектов жизни общества, прежде всего его научности и идеологической функции. В связи с этим актуален анализ иммунного, нервного и особенно идейного (преднауки, науки и постнауки) регуляторов жизни.

4. Становление марксизма как теоретической науки об общественном развитии активизировало обскурантизм – борьбу с наукой. Господствующие в обществе силы осознали основу теоретизации науки – философию, а поэтому началась её подмена филодоксией. Все это укрепило постнауку как идеологию сохранения социального статус-кво. В результате в обществе господствуют неадекватные потребностям его прогресса знания, начиная с сущности науки, теории, методологии, мышления и т.п. Начался идейный разброд народа и рост обскурантизма. Единственная надежда на когнитивный потенциал марксизма, но им не воспользоваться без понимания его сути и его философской основы.

5. Идеи К. Маркса – результат научных его исследований. А поэтому надо понять сущность науки и постнауки. Средство – теоретическое их объяснение, что предполагает опережающее осмысление теории как научного феномена. Такой подход не приемлет господствующая идеология, признающая теорией любой набор слов. А поэтому не обойтись без науки о науке, которая объяснит теорию как высшую и в целом будущую форму науки. Но такой науки о науке нет! Не является ею и современная философия, хотя именно философию следует признать вслед за К. Марксом основой идеологии социального прогресса. Тем самым констатируется главное в марксизме – его философское основание, необходимость осознания философского проекта науки и причины вытеснения философии филодоксией.

6. К. Маркс и Ф. Энгельс исследовали многие аспекты общества. Ограничимся их экономическими идеями. В чем главный их вклад в экономическую науку? Для его понимания надо ответить на вопрос «что такое наука». В догматизацию науки внес лепту и К. Маркс, воспринявший её как исследования, в которые надо «войти» [7, т.13, с. 9]. Альтернатива данному подходу – наука естьатрибут общества и в неё входить не надо потому, что без нее нет людей. Для ее понимания надо начать с осмысления исходной идейной основы жизни общества. Её исходное – преднаука, как субъективные идеилюдей, возникающие на основе чувственного восприятия ими реальности, и объективные идеи, создаваемые обществом и перенимаемые ими подражанием. Более развитой формой идей следует считать вербализованное идеальное – знания, возникающие стихийно вместе с овладением людьми языком. Главной идейной основой общества является наука – знания, существующие научением предками потомков. Её формы: опыт → доктрины → теории. Только при таком понимании форм науки можно понять порождение наукой философского проекта древних греков и его значение. Они осознали неадекватность доктринальной науки и необходимость новой формы науки, названной ими теорией. Они инициировали разработку философии как науки о науке, которая обеспечит теоретизацию наук. Судьбу философии не определить вне учета ее значения для экономической науки.

7. Экономическая наука (ЭН) возникла вместе с обществом в форме опыта. С Ксенофонта существует доктринальная её форма. Её теоретизацию начал Д. Рикардо, называемую маржиналистами «рикардианским пороком» ввиду её следствия - «закона раздора Рикардо». К. Маркс продолжил ее теоретизацию сознательной опорой на философию. Он применил классическую философию, созданную до него. Этот факт вытекает из его оценки композиции «Капитала» как **триумфа немецкой науки** [7, т. 31, с.154**]**. Важно утвердить эти аспекты марксизма: 1) теоретизация политэкономии 2) на основе философии и прежде всего ее диалектики, 3) созданной до К. Маркса. Идеи

«Капитала» стали идеологией созидания нового образа жизни общества, активизировали борьбу с его философским основанием и филодоксизацию философии.

8. Основы философии заложены 25 веков назад. Её ренессанс в средневековой Европе породил новый её этап, прежде всего синтез диалектики и логики диалектической логикой (ДЛ) ради «практической надобности» по Х. Вольфу. К. Маркс назвал это «обмирщением философии» [7, т. 1, С 309], а Ф. Энгельс – превращением ее в «лучшее орудие труда и острейшее оружие» [7, т. 21. с. 302] народа при защите его интересов. Ренессанс философии достиг апогея в Германии и завершился в ней. Немецкие ее представители не только развили, но и убили ее своей мистикой. Порожденная ими философская эйфория проявилась и у К. Маркса, с юности поверившего в неё и всю жизнь опиравшегося в исследованиях на неё. Аналогичная диалектическая эйфория произошла в нашей стране в 1920-е годы на основе наказа В. И. Ленина – вычленить диалектический метод мышления из «Капитала» К. Марса и с его помощью теоретизировать науки.

9. К. Маркс с юности поверил в философию. Его докторская диссертация по философии посвящена не проблемам познания, являющихся объектом философии, а онтологии (науке). Он опирался на философию при объяснении экономики. Он творчески относился к ней, что проявилось во введении им понятия «превращенные формы», не воспринятого его последователями. Без опоры на данную категорию не продуктивна технология ДЛ. Используя диалектику, К. Маркс осознал ее неадекватность, что стало основанием неосуществленного им намерения – написать руководство по диалектическому мышлению, т.е. ДЛ.

10. При оценке диалектического мышления К. Маркса важно учесть его полемику с П.Ж. Прудоном по поводу диалектики и философии вообще [см. 4]. К. Маркс воспитан германской философией и считал её единственно истинной трактовкой. Его преклонение перед ней имело негативное значение для его работ и судеб философии, что проявилось и в его полемике с П.Ж. Прудоном. Для понимания данного факта надо учесть то как развивается наука. Идейное наследие о диалектике сохранялось не в одной строго детерминированной её трактовке кем-либо, а во многих ее интерпретациях исследователей, акцентировавших разные ее аспекты. Германская версия ее трактовки страдала мистицизмом, что констатировал К. Маркс, и что в конечном счете воспрепятствовало превращению ее в норму обыденного сознания. Что же касается П.Ж. Прудона, то он воспринял иную версию трактовки диалектики, и она оказалась в некоторой мере более плодотворной – позволила ему точнее определить кумулятивный ряд экономического развития. В нём П.Ж. Прудон указал место монополий, чего нет в композиции «Капитала» К. Маркса. А без их понимания не осмыслить тренд и судьбу капитализма. Актуально специальное исследование «Философии нищеты» П.Ж. Прудона и «Нищеты философии» К. Маркса и того, как они практически применяли диалектику… При этом надо учесть мнения некоторых современных марксистов, отрицающих философский аспект трудов К. Маркса, и то, что духовное наследие К. Маркса по проблеме не понято его последователями, не применяется и тем более не развивается…. Здесь достаточно констатировать факт – К. Маркс не вел исследований методов познания, что является объектом классической философии, и не создал никакой особой философии, а поэтому нет «марксистской философии». Данный факт виден и в методе «Капитала», который представляет собой применение приемов классической философии. В целом, марксизм – не философия, но вне опоры на философию нет марксизма. Но «что такое философия»?

11. В «мировой философии» господствует ложная трактовка ее сути – её подмена филодоксией. Её противопоставляют науке и отождествляют с мудростью, которая присуща всем народам с древности, и тем самым игнорируют сущность философии – универсальные методы познания как канон теоретизации наук. В результате философы превратились в филодоксов – конкурентов научных исследователей, считающих себя компетентными гуру общества по любой сфере реальности. Они пишут «философии» любого объекта, но не

исследуют методов их познания. В этом легко убедиться на основе структуры секций отечественных и мировых ее конгрессов – на них 90% секций посвящены не методам познания реальности, т.е. не философские. И все это потому, что в XIX веке философы порвали преемственность с классической философией и перестали осмысливать и созидать исходную, методологическую ее функцию – технологию теоретического, системного, сущностного объяснения реальности, прежде всего диалектическое мышление как когнитивный метод познания. Все это результат социального заказа на убийство философии, что прилежно выполняют филодоксы.

12. Философии нет вне диалектики и логики. Диалектическое мышление создал Платон и только его трудов достаточно для его освоения. Аристотель разработал к нему руководство – аналитику (логику). Диалектику и логику синтезировали в ДЛ средневековые философы, прежде всего Р. Декарт (5 правило для руководства ума) и Г.В. Лейбниц (сориты). А поэтому она существовала не только в Германии. Не все ее исследователи знали ее историю, а поэтому она не стала «лучшим орудием труда и острейшим оружием» [7, т.21. с. 302] исследователей, в том числе марксистов.

13. К. Маркс опирался на германскую версию трактовки философии. Практичность его идей детерминирована применением диалектического мышления, что Ф. Энгельс назвал резондэтром марксизма. У К. Маркса имеются только отдельные мысли о диалектике, а Ф. Энгельс специально её исследовал и его мысли актуальны. В целом, они опирались на познавательные (когнитивные) методы философии, но не создали никакой своей философии и не объяснили технологию ДЛ. А поэтому их последователи не стали марксистами, не в полной мере поняли их мысли, что констатировал В. И. Ленин мыслью «1\2 века спустя…» [6, т.29, с. 162]. Отсюда кардинальность для марксизма наказа В.И. Ленина (вычленить диалектику из «Капитала»), породившего множество попыток решения проблемы, но дискредитировавших её. Не только философы, но и другие последователи К. Маркса, не стали марксистами по резондэтру, что объясняет трансформацию многих из них в немарксистов и антимарксистов в новое время. Соответственно и политэкономы не овладели методом «Капитала» и не поняли «Капитала», не отстояли основы политэкономии и тем более не пошли далее в её разработке как введения в систему экономических наук (СЭН).

14. Относительность науки присуща и марксизму. Основные идеи К. Маркса, в том числе его новации, отражали экономическую практику и науку XIX века. Они перестали быть адекватными обстоятельствам XX века, что требовало их развития, но этого не произошло. Авторитарность советского образа жизни исключила развитие марксизма как науки, а поэтому он потерял идеологическое значение. Все это привело к тому, что по мере усвоения марксизма рос разброд его последователей в понимании духовного наследия К. Маркса. Идеи К. Маркса перестали идейно объединять не только народ, но и его приверженцев. В настоящее время у каждого «марксиста» свой «марксизм», а поэтому нет истинного марксизма вообще. И все потому, что последователи К. Маркса не выполнили его замысел – не написали руководства по ДЛ и не овладели ею как универсальным методом сущностного познания…

15. К. Маркс и Ф. Энгельс непоследовательно применяли философию. Это проявляется в неопределенности трактовке ими многих фундаментальных понятий политэкономии, начиная с производственных отношений, собственности и др. В конечном счете это стало коренной причиной дискредитации «Капитала», предсказанного К. Марксом убийства политэкономии [7, т. 23, с. 17] и подмене ее прикладной наукой о рынке в XX веке. С тех пор господствует идеологизированная доктрина ЭН, нет понимания проблем её систематики и значения общеэкономической науки для СЭН. Все это необходимо исследовать с тем, чтобы продолжить теоретизацию политэкономии. Началом всего этого может быть преемственность с К. Марксом в опоре на философию как универсальный метод теоретизации наук, прежде всего политэкономии. Но современная философия не выполняет данной функции.

16. Относительность идей К. Маркса можно осознать с помощью введенного им понятия «абстрактного труда» для объяснения цен. В его духовном наследии много идей о том, что цены проявляют отношения людей. Для объяснения данного факта он сформулировал понятие «абстрактного труда», что признал своим вкладом в политэкономию. Данные его мысли не изложены теоретически. В результате их не восприняли его последователи. Только ДЛ позволяет теоретически, системно, аналитически объяснить труд как систему отношений людей по поводу созидания цены товаров и как субстанцию цены. Теория цены покажет не только факторы созидания благ, но и их распределения. Важно помочь народу понять цены как важнейшую форму эксплуатации в современном мире и найти средства защиты его прав и интересов. А без этого народ оказывается охлократией, льющей кровь друг друга.

17. К. Маркс не оставил руководства по ДЛ, но его «Капитал» написан в некоторой мере на ее основе, а поэтому по В И Ленину надо её вычленить из него и с её помощью теоретизировать науки. Эта – главная проблема марксизма и основание его резондэтра [1, с. 340]. Но ортодоксы марксизма не осознают и не осмысливают проблему. Многие из них фактически являются прожектерами. Поразительна марксистская закваска их прожектерства. Она свидетельствует о трудно воспринимаемой здравым рассудком идее – «полузнание (иллюзии) опаснее незнания». Они обычно являются «энтузиастами марксизма», прежде всего представителями не ЭН, и не теоретически объясняют экономический строй. В результате господствуют их полу знания и, по Н Некрасову, идет «бой, не понимающих толпы пророков с не внемлющей пророчествам толпой». В результате идейный разброд народа, в чем повинен непонятый марксизм, не объединяющий, а разъединяющий его.

18. Развитие марксизма возможно на основе овладения ДЛ как методом «Капитала» и разработке политэкономии XXI века. Ею не может быть «Капитал». Как и работы предшествующих экономистов, «Капитал» был самодовлеющим трактатом. В нем проявляется не только системность ДЛ, но и Монблан фактов экономической практики, чем гордился К. Маркс. Время таких трактатов прошло, настало время учебных пособий. ЭН все более становится системой стандартных учебных дисциплин, в которой каждая выполняет свою функцию. Их система не возможна без политэкономии. Она должна быть единым учебным пособием для разных уровней развития способностей и дополняться прикладными к ней ЭН, конкретизирующим их идеи. К. Маркс констатировал её крах, который стал фактом – нет более общеэкономической науки, которую заменили прикладной к ней наукой о ценах. Одновременно отбросили ее философскую основу, что провозгласил А. Маршалл. Все это важно оценить для спасения философии как инструмента теоретизации наук и превращения их в идеологию прогресса общества. Главное в марксизме – его опора на философию как метод теоретизации науки, в том числе экономической. В связи с этим начало решения её проблем – спасение **философии как науки о науке её теоретизацией и её усвоением как «лучшего орудия труда и острейшего оружия»** [7, т.21. с. 302].

19. «Капитал» - не философское произведение и не учебное пособие по политэкономии в широком смысле слова, как его использовали ранее. Он – трактат, требующий предварительной экономической образованности и существенных усилий на его понимание. Это фактически последняя версия политической экономии в узком смысле слова, объясняющая анатомию господствовавшего в XIX веке уклада. Последующие обстоятельства не позволили экономистам выйти на понимание собственной сути политэкономии в широком смысле слова как общеэкономической онтологии системы экономических наук. В результате произошла подмена политэкономии прикладной к ней наукой о ценах. Для её разработки надо овладеть не только методологической функцией философии – диалектической логикой, но и ее гносеологической функцией, т.е. осуществить систематику экономических наук для определения места и значения политэкономии в ней.

На основе таких принципов разработана версия учебного пособия политэкономии XXI века «Хозяйство».

20. Обществу грозит гибель. Надо успеть дать ему шанс выжить и тем более развиваться. Его спасет идейная, духовная, научная революция как основание качественного скачка менталитета, интеллекта народа. Наиболее актуально её высказал английский священник Р. Гуккер [3, с. 320-322]. Его идеи вдохновили средневековых философов на поиск того, что обеспечит способность мыслить. Гуккеровскую идею следует конкретизировать мыслями китайского сатирика XX века Лао Шэ: а) гибель фантастического социализма ввиду немыслия народа [см. 5]и б) «у каждого дурака своя логика» (Повесть «Развод»). Ими он раскрыл содержание того, что должно быть сделано – завершить создание технологии сущностного мышления, т.е. ДЛ, и научить народ мыслить, т.е. овладеть ДЛ как универсальным, конкретно-научным методом сущностного познания реальности. Все необходимое для этого имеется, но препятствием оказывается самая неприступная крепость – «черепная коробка» идеологов.

21. Общество спасет духовный прогресс философской, интеллектуальной и научной революцией. И инициировать их могут марксисты, если поймут главное в марксизме – его опору на философию и спасут её. На её основе можно осуществить сформулированную В.И. Лениным задачу – поднять народ до уровня интеллигенции [6, т. 1. с. 305]. Надо завершить «обмирщение» философии по К. Марксу – сделать её лучшим орудием труда и острейшим оружием социализации общества.

22. Философию защищают её одиночки и создают её не те, кого ей специально учили, а её потребители. Полувековое увлечение ею как каноном экономической науки позволило понять её сущность как науки о науке и прикладную к ней ДЛ как органон теоретизации наук. Все это апробировано в определенной мере объяснением экономической практики и обучением ей. Вне опережающего усвоения технологии ДЛ не спасти марксизм как идеологии общественного прогресса. Легко и просто овладеть ею на основе популярного аудио и видео курса «Уроки мышления» www\miit-ief.ru \ студентам \электронная библиотека \ авторская страница (15 уроков по 10-30 минут, общей продолжительностью 5 часов), учебного пособия ДЛ и др. работ [см. 2]

Список использованных источников

1. Воден А. Беседы с Энгельсом. \\ Воспоминания о Марксе и Энгельсе.- М.,1956, с.340
2. Войтов А Г. Слово сильнее оружия. - М.: «Раритет», 2017.
3. Войтов А.Г. История и философия науки. 3-е изд. - М.: ИТК «Дашков и К°. 2007. –692 с
4. Войтов А. Г. История экономических учений. Уч. пособие. – М.: ИТК «Дашков и К°», 2016
5. Лао Шэ. Записки о кошачьем городе. – М., 1982
6. Ленин В.И. ПСС
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

Т.В.Воротилина

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Аннотация: *Статья посвящена исследованию создания и развития института Уполномоченного по правам человека в России. Доказано, что метод материалистической диалектики Карла Маркса актуален не только в науке, но и в деятельности правозащитных структур.*

THE GENESIS AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF MATERIALIST DIALECTICS

Abstract: *the Article is devoted to the study of the creation and development of the institution of the Commissioner for human rights in Russia. It is proved that the method of materialistic dialectics of Karl Marx is relevant not only in science, but also in the activities of human rights structures.*

Практическое применение марксовского метода материалистической диалектики мы наблюдаем сегодня не только в научных разработках, но и в практико-прикладной деятельности, в развитии государственно-правовых процессов, в частности, в функционировании правовой системы России, в деятельности правозащитных структур. В данной статье проанализируем процесс зарождения и развития такого специализированного правозащитного института, как Уполномоченный по правам человека, а также его взаимодействие с другими правозащитными институтами.

Основной задачей современного российского государства является совершенствование демократического правового социального государства. В связи с этим наиболее актуальной и значимой проблемой юридической науки и практики можно назвать формирование эффективного механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим важнейшим достижением демократических преобразований в России является создание дополнительного института обеспечения прав и свобод человека – Уполномоченного по правам человека.

В мировой практике более двухсот лет функционирует институт омбудсмена. Первый омбудсмен появился в 1809 году Швеции. Затем он получил широкое распространение в XX в. в Европе, Новой Зеландии, Танзании, Израиле, Индии, Австралии, странах Латинской Америки и других государствах. За период своего развития институт Уполномоченного по правам человека претерпел ряд изменений. За столь продолжительный период времени он стал эффективным средством защиты прав человека во многих странах мира. Институт Уполномоченного по правам человека не является статичным, он эволюционирует. Динамизм названного института проявляется как в формах своего существования (федеральный Уполномоченный, региональный Уполномоченный, многочисленные специализированные (отраслевые) Уполномоченные), так и в правовом статусе, объеме полномочий, порядке назначения на должность, способе отчетности перед парламентом и гражданами, месте в государственно-правовой системе в целом.

Институт уполномоченного по правам человека успешно функционирует не только на национальном уровне, но и наднациональном (омбудсмен Европейского союза) и корпоративном уровнях (в организациях, на предприятиях, в учебных заведениях). Исходя из этого можно утверждать он осуществляет свою деятельность на макро- и микро- уровнях.

Следует отметить, что для нашего государства такой дополнительный инструмент механизма защиты прав человека, как Уполномоченный по правам человека, появился сравнительно недавно. Ни в дореволюционной России, ни в советский период в нашей стране не складывались предпосылки для его создания. В России институт омбудсмена сформировался почти на два столетия позже, чем в европейских странах. Федеральный Уполномоченный появился 17 января 1994 г., процесс формирования региональных Уполномоченных начался в 1996 г., а специализированные (отраслевые) Уполномоченные стали функционировать с первого десятилетия нулевых годов.

В начале XXI столетия в Российской Федерации наметилась тенденция, присущая мировому развитию института омбудсмена, а именно, стал активно проявляться процесс создания специализированных (отраслевых) Уполномоченных. Так, на федеральном уровне

были учреждены следующие должности специализированных уполномоченных: уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка (с 2009 г.), уполномоченный по правам студентов в Российской Федерации (с 2012 г.), уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (с 2013 г.). На уровне субъектов Российской Федерации были учреждены должности уполномоченных по правам ребенка и по защите прав предпринимателей.

Формирование и развитие института омбудсмена в России протекало в более короткие временные рамки, нежели, чем в европейских государствах, но при этом наблюдается явная рецепция основных характерных черт данного института. В целом институт Уполномоченного по правам человека в РФ в настоящее время сформирован.

Институт Уполномоченного по правам человека в России – важный компонент правозащитной системы наряду с комплексом государственных и негосударственных институтов, осуществляющих правозащитные функции. Это федеральный государственный правозащитный орган, составная часть правовой системы современной России, сочетающий в себе общественные и государственные начала, основной задачей которого является обеспечение правовой безопасности личности, общества, государства, а также продвижение демократических принципов, ценностей, идеалов как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Отметим, что структура правозащитной системы сложна, многогранна и представляет собой организацию ее внутреннего содержания, которая включает следующие взаимосвязанные элементы: правозащитную идеологию, правозащитную политику, институциональные компоненты, правозащитные нормы, правозащитные отношения, правозащитную практику, а также правозащитные методы, способы и специальные правовые средства. Институт отечественного омбудсмена занимает особое место в правозащитной системе современной России, выступает в качестве вспомогательного органа в механизме разделения властей, является дополнительным, а не альтернативным способом защиты прав и свобод личности.

Правовой статус отечественного омбудсмена характеризуется следующими особенностями: он относится к высшим органам государства, однако не входит ни в одну из трех ветвей власти; является органом с правозащитной характеристикой, который создается и используется государством в сфере общих интересов государства и гражданского общества; он независим в системе органов государственной власти, он обладает неприкосновенностью; институт омбудсмена является дополнительным, а не альтернативным способом защиты прав и свобод личности; омбудсмен имеет право рекомендательной деятельности в отношении органов государственной власти и должностных лиц, нарушивших права и свободы гражданина; процедура обращения к омбудсмену проста, он доступен для граждан; в своей деятельности он может руководствоваться не только правовыми нормами, но и правовыми принципами, а также нормами и принципами морали.

Основными формами взаимодействия Уполномоченного по правам человека с органами власти можно назвать следующие: «участие омбудсмена в экспертных советах, организованных органами исполнительной власти; заключение омбудсменом договоров о сотрудничестве с органами государственной власти; представление ежегодного доклада уполномоченного, где указаны нарушения интересов граждан, требующие принятия мер по их устранению; запрос и получение омбудсменом материалов и документации, необходимых для рассмотрения жалоб граждан; получение объяснений от должностных лиц и государственных служащих относительно вопросов, связанных с жалобой; проведение проверки деятельности государственных органов; право безотлагательного приёма омбудсмена должностными лицами государственных органов; беспрепятственное посещение уполномоченным всех государственных органов, участие в заседаниях, коллегиях, комиссиях».[2, с.22]

Взаимодействие Уполномоченного с публичными институтами основано на таких принципах, как добросовестность, единство целеполагания, согласованное действие. Отечественный омбудсмен осуществляет контроль за деятельностью органов власти, на практике это позволяет обеспечивать баланс интересов гражданского общества и государства, а также реализацию правовой политики государства по достижению необходимых правовых стандартов в области защиты прав граждан.

А. В. Мешкова выявила следующие тенденции развития взаимодействия отечественного омбудсмена с публичными органами: «обеспечение систематического расследования нарушений прав и свобод граждан;… развитие сотрудничества с другими правозащитными структурами в рамках взаимодействия…; выполнение медиаторских функций институтом омбудсмена не только между властью и обществом, но также внутри системы федеральных институтов государственной власти; определение баланса взаимодействия института Уполномоченного по правам человека в России с федеральными институтами государственной власти, чтобы каждый субъект данного взаимодействия не испытывал давления со стороны другого субъекта; наделение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации законодательной инициативой и властными полномочиями…». [1, с. 115]

Таким образом, законодательно установленные особенности правового статуса отечественного омбудсмена говорят о том, что он активно взаимодействует как с органами власти, так и с институтами гражданского общества, что и подтверждает выдвинутый нами вначале статьи тезис о том, что метода материалистической диалектики Карла Маркса актуален в практико-прикладной сфере.

Как мы отмечали выше, появление в России института региональных омбудсменов такое же закономерное явление, как и появление федерального омбудсмена. Процесс формирования института регионального Уполномоченного длился двадцать лет, с 1996 года, когда появился первый Уполномоченный по правам человека в субъектах Российской Федерации, по 2016 год, когда региональные омбудсмены были созданы во всех субъектах. Данный институт доказал свою значимость и необходимость, став одним из важнейших элементов в общей системе государственной защиты прав человека и гражданина. Как справедливо отмечает Т.Н.Москалькова, существующий в субъектах Российской Федерации институт омбудсмена «доказал свою значимость и необходимость, став одним из важнейших элементов в общей системе государственной защиты прав человека и гражданина. Его очевидными преимуществами являются географическая близость, территориальная доступность региональных уполномоченных для граждан субъектов Федерации, знание ими социальной, экономической, политической, национальной, правовой и культурной специфики своих регионов, ментальных особенностей проживающих в них жителей.» [3, с. 4]

Подводя итог нашего исследования, можно отметить, что генезис и развитие института Уполномоченного по правам человека в России доказывает актуальность метода материалистической диалектики в государственно-правовой действительности, так как мы наблюдаем развитие названного института во взаимосвязи с другими институтами правозащитной системы.

Список использованных источников

1. Мешкова, А.В. Институт уполномоченного по правам человека: теоретико-методологические основы [Текст] /А.В. Мешкова // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». - М.: Издательство МГОУ. - 2014. - № 2. - С. 115-122.

2. Мешкова, А.В. Проблемы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с институтами власти [Текст] / А.В. Мешкова // Право и безопасность. - 2014. - № 1-2. - С.21-29.

3. Москалькова, Т. Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации

[Текст] / Т. Н. Москалькова //Конституционное и муниципальное право. - 2018. - № 1. - С. 4 – 7.

Гайкин В. А.

КАРЛ МАРКС, ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ, ИСААК НЬЮТОН – ОСНОВАТЕЛИ НАУЧНОГО МЕТОДА В ФУТУРОЛОГИИ

Аннотация: *Автор предлагает принципиально новый методологический подход к прогнозированию развития планетарного сообщества, пионерную футурологическую концепцию. Глобализация, превращая мировое сообщество в единый мирохозяйственный комплекс, не сможет нивелировать этно-социальные различия между Западом и Востоком, уходящие в глубь тысячелетий, закреплённые на генетическом уровне, своего рода «матрицы» двух этносоциальных систем (монголоиды, европеоиды), конфронтация между которыми может привести к расовой войне.*
Ключевыеслова: КарлМаркс, геополитика, футурология, монголоиды, европеоиды, глобализация

Abstract: *The author offers a fundamentally new methodological approach to forecasting of the development of the planetary community, a pioneering futurological concept. Globalization, transforming the world community into a single global economic complex, can not level out ethno-social differences between the West and the East, going back to the depth of millennia, fixed at the genetic level, a kind of "matrix" of two ethnosocial systems (Mongoloids, Caucasoids), a confrontation between which can lead to a racial war.*
Key words: Karl Marx, geopolitics, futurology, Mongoloids, europeoids, globalization

«Царствосвободыначинаетсявдействительности
лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой
внешней целесообразностью, следовательно,
по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы
собственно материального производства».
Карл Маркс

Если к истории человечества применить известный гегелевский закон «отрицание отрицания», то можно выделить три больших этапа (гегелевская триада). Первый начинается с формирования человечества как биологического вида, с появления протолюдей, и заканчивается разделением труда и возникновением первых государств. Второй – «эксплуатация человека человеком» и развитие на этой основе производительных сил. Третий этап начнется тогда, когда мир вступит в постиндустриальную эпоху роботизации, полной автоматизации производства. Второй этап является отрицанием первого (первобытного коммунизма), третий (постиндустриальное общество) отрицает второй этап (эксплуатации, классовой борьбы), возвращая человечество к первому на качественно новой основе.

Как известно, конфронтация, борьба есть закон движения (развития), как биологической, так и социальной формы материи. Таким образом, каждому из вышеуказанных этапов должен соответствовать доминантный тип конфликта. Первый этап бесклассовый (классовой борьбы не было по определению). Доминантным конфликтом была межрасовые конфронтации в Евразии, которая при отсутствии оружия массового уничтожения была не войной на уничтожение, а скорее, выдавливанием чуждого этноса,

борьбой за установление ареалов расового обитания. Они приводили к вытеснению одних рас другими, переделу евразийского материка, заселению Америки, Австралии.

Второй этап (который продолжается и в настоящее время) в развитии человечества начался с появления первых классовых государств в долинах великих рек. Говоря о доминантном для этого этапа типе конфликта (и исходя из гегелевского закона), констатируем замещение расового (внеэкономического) антагонизма экономическим – классовой борьбой, межгосударственными конфликтами, преследующими экономические цели – захват рабов, материальных ценностей, обложение данью. Захват колоний, рынков сбыта. В процессе дальнейшего развития капитализма цивилизационные различия будут уменьшаться. Рыночная экономика с неизбежностью ведет к росту свободы индивида от государства (в том числе и на Дальнем Востоке). Роботизация промышленности в силу единых закономерностей развития техники приведет к однородности экономических структур и процессов как на Западе, так и на Дальнем Востоке.

Гегель считал, что история человечества это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К.Марксу «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». [1] Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю), как лейтмотив развития человечества, реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К.Марксу). Неучастие человека в материальном производстве во времена Маркса казалось фантастикой (станок и рабочий составляли практически одно целое). Сегодня это уже вполне зримое предприятие вследствие развития робототехники (безлюдные заводы), микроэлектроники и т.д. Прогноз К.Маркса,не имевший в серелине 19 века никаких реальных (кроме философских) оснований на наших глазах начинает воплощаться в жизнь.

Человек выходит из «сферы собственно материального производства» (роботизация), освобождаясь от экономической зависимости (как когда-то в неолите племена разрывали путы, связывавшие их с природой, перейдя от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству). Это будет означать, что человечество вступило в третий этап своего развития, так называемое постиндустриальное общество. Теперь, если исходить из гегелевского закона, на первый план вновь должна выступить расовая конфронтация (доминантный конфликт первобытного общества), ибо третий член гегелевской триады повторяет первый, только на другом качественном уровне (причиной конфронтации может стать рост народонаселения, борьба за ресурсы, питьевую воду и др.). В борьбе за место под солнцем именно расовый фактор разделит человечество на два лагеря для нового передела материков.

Если наша концепция расовых войн – это прогноз развития событий в постиндустриальном мире (с конца 21 в.), то Хантингтон рассматривает судьбу человечества в 21 веке. Прогнозируемые им межцивилизационные войны, в современном мире, где доминантный конфликт – экономический, маловероятны. Цивилизация – это религия, культура, традиции, надстроечно связанные с формами экономической жизни, которые в свою очередь определяются географией, климатом. «Выход человека из сферы собственно производства» (выражение К.Маркса) освободит его от экономической зависимости, а значит, опосредованно и от связей с конкретной цивилизацией повысит его всемирность.

Межрасовая война в конце 21 века гораздо реальнее. Поскольку основными оппонентами в расовой войне будут монголоиды и европеоиды, то соответственно, главным театром военных действий будет Евразия. В этой возможной расовой конфронтации европеоиды и негроиды будут вместе по одну сторону баррикад, по другую сторону которых окажется монголоидная (желтая) раса. Известно, что белая и черная расы это образно выражаясь ветви одного ствола, в то время как монголоиды – другое древо. Эти два древа: древний австралоид и древний синантроп имели определенные морфологические различия.

Расовая война обещает стать самым страшным конфликтом, по сравнению с которой Вторая мировая покажется дивизионными маневрами. Главной и единственной целью этого глобального противостояния будет не захват рабов и материальных ценностей, не создание империй или смена общественного строя, а полное уничтожение всего населения расы-антагониста. Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от бронзового топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился чтобы изобрести компьютер - несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие).

«В начале XX столетия временной лаг между сменяющими друг друга индустриальными инновациями составлял 37 лет; после второй мировой войны он составляет четырнадцать лет».[3] Поскольку первый компьютер появился в середине 20-го века, то данное событие можно было бы ожидать в середине 21 века. Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте, выход человечества из сферы производства, а значит вступление человечества в новый (постиндустриальный) этап развития, и как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080 – 2100 гг.) Похожую дату предложил позже меня (возможно независимо от меня?) известный обществовед Гринин, согласно которому, завершающая фаза кибернетической революции приходится на 2060-е, 2070-е годы. Правда в отличие от меня Гринин не даёт никаких логических или математических обоснований этой даты и не связывает комплексную автоматизацию производства с качественно новым этапом человеческой истории [4, с.177].

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003г. английским исследователем была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона.[5]. Ее содержание составляют сложные математические вычисления, которые связаны, либо базируются на астрологическойинформации и библейских сюжетах (Книге пророка Даниила). Согласно гипотезе великого учёного апокалипсис должен наступить в 2060 году. Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080-2100) и И.Ньютона (2060) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан за 400 лет до события! то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%)

Можно ли считать расовые войны неизбежными? Отнюдь. Контртенденцией грядущему расовому соперничеству является усиление экономической и политической интеграции государств, рост взаимосвязи, взаимозависимости их экономик. Многое будет зависеть от того, какой из двух процессов завершится раньше – выход человека из сферы производства или приведение мира к единому экономическому знаменателю. Если первый процесс пройдет быстрее, реальна перспектива создания расовых союзов и балансирования на грани войны. Поэтому приоритетной становится задача создания разнорасовых союзов.

Миссия России в том, чтобы расколоть монголоидное сообщество, привязав к себе монголоидные государства Центральной Азии, Корею и Японию и тем самым опередить Китай в его естественном стремлении создать союз монголоидных государств: Китай, Корея, Япония, Монголия, Центральная Азия. Россия «обречена» на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским союзом и Китаем), снижающего до минимума расовое напряжение между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский транспортный коридор в обход России) это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а в последствии и мира.

Список использованных источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. 2. С. 386, 387.

2. Панов А.Д. Завершение планетарного цикла эволюции // Философские науки 2005. №4. сс.31-50.

3. Хосэ Рамон Ласуэн. Урбанизация и экономическое развитие// Пространственная экономика. 2009. №4. с.121.

4. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Кибернетическая революция и шестой уклад // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. с. 177.

5. Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. 19.06.2007.

А.В.Ерахтин

ГЕНИАЛЬНЫЕ ПРОЗРЕНИЯ К.МАРКСА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕГО ДОКТРИНЫ

Заслуги Маркса в разработке проблем философии и социологии, политической экономии и концепции революционного преобразования общества для воплощения в жизнь идеалов социальной справедливости и гуманизма, получили признание у многих выдающихся мыслителей Запада. Но жизнь показала, что наряду с гениальными прозрениями Маркса, в его учении имеются ошибки и противоречия. Они связаны, прежде всего, с утопичностью некоторых его прогнозов, неоднозначным толкованием истории и механизмов ее развития, полным отрицанием частной собственности. В то же время, творчество Маркса оказало колоссальное влияние на духовное развитие человечества и способствовало созданию социально ориентированной экономики в ряде капиталистических стран.

MARX'S GENIUS INSIGHTS AND CONTRADICTIONS OF HIS DOCTRINE

Marx's merits in the development of the problems of philosophy and sociology, political economy and the concept of revolutionary transformation of society for the realization of the ideals of social justice and humanism have been recognized by many prominent thinkers of the West. But life has shown that along with Marx's brilliant insights, there are mistakes and contradictions in his teaching. They are connected, first of all, with utopian nature of some of his forecasts, ambiguous interpretation of history and mechanisms of its development, complete denial of private property. At the same time, Marx's work had a tremendous impact on the spiritual development of mankind and contributed to the creation of a socially oriented economy in a number of capitalist countries.

Доктрина К.Маркса включает в себя философию, политическую экономию и теорию научного коммунизма. Эти части тесно взаимосвязаны, но не тождественны и обладают определенной самостоятельностью в рамках целостной системы. Наибольшей степенью самостоятельности обладает философия: концепция материализма и диалектики, теория отчуждения и проблема гуманизма, философская методология и материалистическое понимание истории [4, с. 13].

Выдающимся достижением К.Маркса и Ф.Энгельса явилось создание философии диалектического материализма, которая явилась продолжением и обобщением лучших

достижений мировой философской мысли. Вклад Маркса в разработку философии диалектического материализма связан, прежде всего, с критикой метафизического материализма Л.Фейербаха и материалистической переработкой идеалистической диалектики Гегеля. Маркс освободил диалектику Гегеля от идеализма и мистики, поставил ее на материалистическую основу, и использовал для анализа общества, основанного на товарном производстве, в своей работе «Капитал». В «Тезисах о Фейербахе» Маркс дает критику предшествующего материализма: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме о б ъ е к т а, или в форме с о з е р ц а н и я, а не как ч е л о в е ч е с к а я ч у в с т в е н н а я д е я - т е л ь н о с т ь, п р а к т и к а, не субъективно. Отсюда и произошло, что д е - я т е л ь н а я сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой» [7, т. 3, с. 1]. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс дали развернутую критику недостатков материализма Фейербаха, прежде всего, - это созерцательность, метафизичность, идеализм во взглядах на общество.

Гениальным прозрением Маркса явилось материалистическое понимание истории, которое заложило основу научного понимания общества. Главное открытие Маркса в области философии истории состоит в том, что общественное бытие определяет общественное сознание. Благодаря этому стало возможным само материалистическое понимание истории с ее различными аспектами, начиная от роли труда в очеловечивании обезьяны, кончая объяснением происхождения семьи, частной собственности, классов и государства. Маркс открыл движущие силы и законы общественного развития, объяснил с научных позиций историю человеческого общества, раскрыл сложную зависимость его духовной жизни от материального бытия. Взятая в целом историко-философская концепция Маркса позволяет постичь то, что не способна сделать никакая другая историческая теория. Социальная философия Маркса была и остается методологической основой исследования всех общественных наук.

Важнейшей категорией социальной философии Маркса явилось понятие общественно-экономической формации, которое дало объективный критерий для периодизации всей истории, т.е. для обществ, стоящих на различных ступенях своего развития. Объективный характер общественного развития находит свое выражение в открытом Марксом *законе соответствия производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил*. Согласно этому закону, материальное производство функционирует эффективно лишь тогда, когда его производственные отношения соответствуют производительным силам. Поэтому каждому уровню развития производительных сил должна соответствовать своя, только ему присущая, система производственных отношений. Переход от одного способа производства к другому носит объективно-необходимый характер и детерминируется противоречиями между производительными силами и производственными отношениями.

Согласно формационной концепции Маркса, история человечества совершается путем последовательной смены общественно-экономических формаций. Переход от одной формации к другой обусловлен сменой форм собственности на основные средства производства, происходящей под влиянием прогресса производительных сил. Согласно Марксу, западноевропейское общество в своей истории прошло через первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную формации и находится в капиталистической формации в преддверии коммунистической.

С позиций диалектико-материалистического подхода написан «Капитал» - главный труд Маркса по политической экономии. В нем Маркс раскрывает механизм капиталистической эксплуатации наемного рабочего и показывает несправедливость капиталистического производства. Суть капиталистической эксплуатации связана с тем, что

часть труда рабочего, затраченного на производство товара, присваивается капиталистом в форме прибавочной стоимости. Маркс верил в возможность установить новый справедливый порядок для всего человечества.

Мечта о равенстве и социальной справедливости проделала долгий путь от утопий Платона и проповедей Христа до социалистов-утопистов. Маркс по новому ставит вопрос о социальной справедливости. В учении научного коммунизма он разрабатывает теорию революционного устранения социального зла и несправедливости в обществе для воплощения в жизнь идей гуманизма. Он разработал теоретическую модель коммунизма и дал научное обоснование выдвинутой идеи. Коммунизм, по определению Маркса, есть общество, которое «обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека» [7, т. 19, с. 100]. Переход от капитализма к коммунизму он связывал с пролетарской социалистической революцией, которая неизбежно приведет к созданию государства диктатуры пролетариата.

Переход от одной формации к другой есть социальная революция, т.е. коренная ломка старой системы экономических отношений и охраняющей ее надстройки и замена их новыми отношениями. При этом Маркс различает революцию как замену одной системы отношений другой и форму, в которой эта замена может произойти. Так, например, говоря о переходе от капитализма к социализму, он вполне допускал возможность перехода России к социализму мирным путем через крестьянскую общину. Пролетариат, по мнению Маркса, мог бы обойтись без насилия, если бы капиталист сам вернул то, что он несправедливо присвоил. Пролетариат согласился бы даже на то, чтобы выкупить у капиталиста средства производства. Но капиталист на это не пойдет, он не отдаст без сопротивления, приобретенные им богатства. Тогда, во имя восстановления справедливости, ради ликвидации отчуждения как глобального зла, пролетариат должен экспроприировать капиталистическую собственность.

Социальная революция порождается внутренней логикой самого общественного производства, его противоречиями и потребностями. На основании открытого им экономического закона Маркса сделал вывод: социализм – не выдумка мечтателей, а та форма общественной организации, которая неизбежно придет на смену капитализму. Принципиальное отличие социалистической экономики от капиталистической в том, что ***социалистическая экономика ориентирована на потребности и интересы общества; капиталистическая – на интересы отдельного потребителя, целью капиталистической экономики является прибыль***. Бизнес пойдет туда, где выше норма прибыли. Поэтому он требует полного невмешательства государства в его хозяйственную деятельность. Бизнес по своей внутренней природе, по самой своей сути асоциален, безроден и бесчеловечен. Безнравственную суть частной собственности Маркс очень ярко охарактеризовал в «Капитале»: «при 100 процентов прибыли он [капитал – А.Е.] попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами. Даннинг» [7, т. 23, с. 770]. Правоту Маркса подтверждает сама история капитализма, его бесчисленные преступления перед человечеством [1].

Вклад Маркса в философию и социологию сегодня общепризнан. Многие направления современной философской и социологической мысли признают свою родственную связь с ним, называя себя неомарксистами и постмарксистами. Влияние марксизма легко обнаружить в целом ряде философских, экономических и социологических школ и течений западной мысли XX века. Философы, экономисты, социологи и историки, придерживающиеся самых различных взглядов, дают высочайшую оценку его вклада в развитие философии и наук об обществе. Так, философ-экзистенциалист Ж.-П.Сартр в «Критике диалектического разума» заявляет: «… Я говорил и повторяю, что единственно верная интерпретация человечества дается историческим материализмом» [10, с. 7].

Представитель другого философского направления, неофрейдист Э.Фромм пишет: «Маркс – это фигура всемирно-исторического значения… Марксу удалось соединить духовное наследие гуманизма эпохи просвещения и немецкого идеализма с экономической и социальной реальностью и тем самым заложить основу новой науки о человеке и обществе, опирающейся на факты, проникнутой в то же время духом западной гуманистической традиции» [11, с. 300-301]. Не сомневаясь в гуманистическом импульсе, лежащим в основе марксизма, К.Поппер подчеркивает: «Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают». [9, т II, с. 98]. Материалистическое понимание истории, разработанное Марксом и Энгельсом, К.Ясперс называет теорией, «имеющей эпохальное значение». [13, с. 124]. Ему вторит М.Хайдеггер, полагая, что «марксистский взгляд на историю превосходит другие исторические теории» [12, с. 207]. С большим уважением отзывался о Марксе выдающийся русский философ Н.А.Бердяев. В конце своей жизни он писал: «Особая чувствительность к марксизму у меня осталась и доныне…». И далее: «Маркса я считал гениальным человеком и считаю сейчас» [3, с. 118]. Один из крупных современных философов Т.Иглтон, проводя анализ философских работ Маркса, приходит к выводу: «Его материализм был вполне совместим с глубокой приверженностью морали и духовным ценностям … Его взгляды на природу в целом и на среду нашего непосредственного обитания по большей части поразительно опередили его время». [6, с. 295]. По словам известного французского социолога Р.Арона, «Капитал» представляет собой начинание грандиозное и – я придаю словам точный смысл – гениальное, ставящее целью прояснить одновременно способ функционирования, социальную структуру и историю капиталистического строя». [2, с. 163-164]. Эти высказывания самых авторитетных мыслителей XX века, которые можно продолжать до бесконечности, позволяют сделать вывод, что Маркс утвердился в общественной мысли на Западе как неотъемлемый элемент научной и культурной традиции.

Учение Маркса создавалось в XIX веке и на нем лежит отпечаток той эпохи. В.И.Ленин был не прав, заявляя, что теория Маркса «отлита из одного куска стали», что она характеризуется «замечательной последовательностью и целостности взглядов». В период перестройки в СССР в обществоведческой и научной публицистике четко обозначилась тенденция искать глубинные корни деформаций социализма в «доктринальных изъянах» или даже полной непригодности марксизма. Наиболее острая и обстоятельная дискуссия в отношении творчества Маркса, акцентирующая внимание, как на позитивные, так и на негативные стороны его учения, была представлена в сборнике «**Марксизм**: pro и contra» [8]. В учении Маркса можно обнаружить три рода идей: те, которые были ошибочными уже изначально; те, которые отражали современные Марксу реалии, но не могли предугадать их изменения; наконец, те идеи, которые сохраняют свою силу и поныне и, по-видимому, будут сохранять ее в обозримом будущем. Одно из главных обвинений Марксу со стороны современных его критиков состоит в том, что он недооценил живучести капитализма, возможности эффективного использования им в своих интересах достижений науки и техники, да и саму вероятность его дальнейших трансформаций. Действительно, Маркс неоправданно абсолютизировал современные ему формы капитализма, без достаточных оснований распространив их на будущее. Вторая половина XIX века в Европе - это время революций, национальных войн, острой классовой борьбы. Что мог сказать мыслитель о путях освобождения человечества, опираясь на практику своего века? Он и сказал, что только через классовую борьбу, через революцию лежит путь к освобождению человечества. Тем более, что реальная история, современниками которой были основоположники марксизма, подтверждала выводы и прогнозы теории. В 1825 году происходит первый экономический кризис капитализма, в 1836-1837 – второй. Кризис 1846 -1848 гг. стал предтечей революций 1848 года, в ходе которых пролетариат заявил о своих интересах. Наконец, Парижская коммуна, в которой Маркс увидел прообраз грядущей пролетарской коммунистической революции. Имея возможность наблюдать одну из стадий развития

капиталистического общества, а именно первую стадию зрелого машинизированного капитализма, Маркс и Энгельс сочли некоторые его негативные черты – например, анархию производства, абсолютное или хотя бы относительное обнищание пролетариата – неустранимыми свойствами капитализма вообще. И как показал XX век, решительным образом ошиблись.

Абсолютизация тогдашней капиталистической действительности была ошибочной, но реальность, тем не менее, была реальностью, глубокий анализ которой позволил Марксу и Энгельсу сделать ряд конкретных предсказаний, полностью осуществившихся в дальнейшем. Например, в 1887 году Энгельс предсказал неизбежность мировой войны, а в 1878 году писал: «Россия – это страна, которая, я думаю, в ближайшем будущем будет играть наиболее важную роль… в далеком Петербурге произойдет событие, которое, в конце концов, должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны» [7, т. 19, с. 123-124, 252]. Наконец, в 1883 году Маркс и Энгельс предсказывают, что «Россия, это Франция нынешнего века. Ей закономерно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства» [7, т. 21, с. 490].

Рассуждая о тех или иных чертах будущего общества, Маркс иногда покидает почву не только окружающей его реальности, но и научного социализма. *Революционер сосуществует в Марксе с ученым и это нередко приводит его к противоречиям.* Одно из наиболее глубоких противоречий марксистской доктрины состоит в неоднозначности толкования Марксом истории и механизмов ее развития. С одной стороны, Маркса можно рассматривать как историка-материалиста, противника волюнтаризма, сторонника эволюционной концепции. Вожди второго, реформистского Интернационала, делавшие ставку на естественный ход развития, на самопревращение капитализма в социализм, подкрепляли свою позицию Марксом. Действительно, Маркс и Энгельс не раз писали о том, что самоотрицание, саморазрушение капитализма – автоматический процесс. В знаменитом предисловии «К критике политической экономии» Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточного простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» [7, т. 13, с. 7]. Но с другой стороны, Маркс первым среди мыслителей Нового времени призвал философов вмешиваться в естественный ход событий. Его философское кредо известно: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [7, т. 3. с. 4]. После событий Парижской коммуны 1871 года деятельное, волевое начало в его учении окончательно берет верх над материализмом. Под впечатлением героизма парижских коммунаров он приходит к выводу, что нет никакой необходимости ждать полного экономического самоисчерпания капитализма, что противоречия в надстройке, взрыв недовольства обгоняют процесс развития противоречий в базисе. Сознание, воля людей становятся в теории самостоятельным субъектом исторического творчества. Маркс прямо говорит о пролетарских революциях как о процессе созидания новой истории. Именно вера Маркса в то, что воля и сознание пролетарских революционеров в состоянии изменить естественный ход событий, давало Ленину право считать себя ортодоксальным марксистом. Когда меньшевики говорили ему, что русский капитализм недозрел, что большевистская стратегия и тактика расходятся с учением о необходимости самоисчерпания капитализма, он, отстаивая свою правоту, ссылался на Маркса, утверждавшего, что революции являются «локомотивами истории». И в этом отношении Ленин был прав. Если марксизм позволяет ускорять ход событий, то почему бы не попытаться, обладая силой возмущения масс, ускорить переход России от ненавистного капитализма к желанному социализму.

Это противоречие Маркса не могло не сказаться и на сроках осуществления социалистической революции, которую предсказывали Маркс и Энгельс. С одной стороны,

коммунизм представляется ими как общество с таким уровнем развития производства, который недоступен современному капиталистическому укладу. В работе «Экономические рукописи 1857-1859 гг.» Маркс предполагал отмирание товарно-денежных отношений на очень высоком уровне развития производительных сил. Здесь же он говорил о необходимости воспитания у рабочих привычки работать сверх того, что необходимо для поддержания их жизни. По его прогнозам, для этого потребуются не десятилетия, а века капиталистической дрессировки. Но с другой стороны, Маркс допускал возможность отмирания товарно-денежных отношений даже на том уровне развития производительных сил, которым обладала Франция в 1881 году. А знаменитые слова «Манифеста»: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» - были сказаны еще в 1848 году. Маркс и Энгельс ожидали коммунистическую революцию на протяжении всей своей жизни.

Одной из центральных идей марксизма является положение об уничтожении частной собственности и замене ее на общественную собственность на средства производства. На этом пути мыслилось решение одной из главных задач марксизма – уничтожение эксплуатации человека человеком. Маркс считал, что частная собственность и связанная с ней конкуренция, неконтролируемая стихия рынка с неизбежностью порождают анархию производства, экономические кризисы, обнищание пролетарских масс. Поэтому решение этих проблем он видел в замене частной собственности общественной, установление планомерной организации производства и распределения. В «Манифесте Коммунистической партии» прямо говориться о том, что социализм в принципе исключает частную собственность. «Коммунисты, - пишут Маркс и Энгельс, - могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [7, т. 4, с. 438]. Маркс и Энгельс настаивали на обобществлении средств производства, потому что последние, с их точки зрения, несовместимы с объективной логикой развития технологии. Рост производительности труда невозможен без машин, а машина по самой своей природе предполагает коллективный труд. Новым, что нельзя было предвидеть в теории, оказалось то обстоятельство, что технический прогресс не вытеснил всех без исключения единичных орудий труда. Во многих случаях научно-технический прогресс способствовал значительному усовершенствованию орудий труда, приводимых в действие одним человеком, а тем самым создал новую материальную основу для сохранения такого труда. Даже капитализму на высоких стадиях его развития не удалось вытеснить мелкое производство. Оказалось, что прогресс ведет как к массовому поглощению мелких предприятий, так одновременно и к их массовому «рождению». Доля мелких предприятий в США, Германии, Франции, Японии и других развитых странах велика, многие из них носят семейный характер, обходятся без использования наемного труда.

Конечно, частная собственность явилась источником многих зол в истории человечества, но, вместе с тем, связанный с нею личный интерес был и остается мощным двигателем общественного прогресса. Рынок – это не изобретение капитализма, он появился на заре человеческой цивилизации, а связанная с ним конкуренция, поощряет инициативу, талант, изобретательность и предприимчивость. ***Принципиальное значение имеет не собственность как таковая, а использование ее в качестве инструмента эксплуатации чужого труда и источника обогащения***. В справедливом обществе правом распоряжаться крупной собственностью и результатами общественного труда должно принадлежать обществу. В этом Маркс, безусловно, прав.

Многие идеи и принципы, разработанные Марксом, сегодня входят в построения не только леворадикальных, но и неоконсервативных теоретиков и идеологов. Более того, если мы почитаем сегодня западную футурологию – Д.Белла, Э.Тоффлера, Р.Арона, З.Бжезинского и др., - то увидим, что очень многие черты той «постиндустриальной эры», или «технотронного общества», которое они сегодня пытаются нарисовать, анализируя ростки этого нового общества в современном западном мире, в общем, были предсказаны Марксом более 150 лет тому назад. В частности, Маркс выявил тенденцию к усилению

общественного характера труда. Фундаментальная идея его философских и социальных исследований состояла в том, что научно-техническая революция и превращение науки в производительную силу общества взламывает узкие рамки классовых и национальных отношений, создает условия для раскрепощения человека, превращает историю человечества во всемирный процесс, который он обозначил как социализм и коммунизм.

Теория Маркса оказала колоссальное влияние на духовное развитие человечества. Под влиянием идей коммунизма произошли глубокие изменения в системе государственно-монополистического капитализма. Без марксизма и вообще всей социал-демократической и коммунистической мысли капитализм не стал бы тем, чем он является в настоящее время. В частности, социалистические ростки проявляются в рыночной экономике в результате усиления плановых начал и социально ориентированной экономики. Ряд западных стран с эффективной экономикой и высоким уровнем жизни (особенно Австрия, Германия, Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия) выделяются наибольшей выраженностью многих признаков социалистичности: развитой системой социальной защиты населения, решенностью в значительной степени проблемы бедности, элементами производственной демократии, укоренившимися в массовом сознании идеалами социальной справедливости. Не случайно многие отечественные публицисты пишут, что марксизм реализовал себя на 80%, но, к сожалению, не в нашей стране. Когда волна европейской революции, вызванная мировой войной и событиями в России захлебнулась, сам факт существования СССР и социалистического лагеря способствовал превращению революционного процесса в эволюционный.

Верно, конечно, что современный капитализм качественно отличается от капитализма эпохи Маркса. Но эксплуататорская сущность капитализма не изменилась. Рабочие более или менее нормально живут в развитых капиталистических странах, но постоянно борются за свои права. В подавляющем же большинстве государств они влачат жалкое существование. Современная глобализация ведет к обострению противоречий между развитыми и слаборазвитыми государствами. Она усиливает неравенство и несправедливость. Поэтому вполне можно согласиться с И.А.Гобозовым, который анализируя природу капиталистического строя, делает вывод: «Таким образом, общий анализ буржуазного общества, данный Марксом, остается в силе, и вряд ли его удастся кому-либо опровергнуть» [5, с. 72].

Список использованных источников

1. Алпатов В.,Гросул В.. Дробан А.. Янчук И. и др. Черная книга капитализма. М.,2007.
2. Арон А. Этапы развития социологической мысли. М., 1996.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
4. Глядков В.А. Феномен марксистской философии. М., 2001.
5. Гобозов И.А. Куда катиться философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу. М., 2005.
6. Иглтон Т. Почему Маркс был прав. М., 2012.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955 – 1981.
8. **Марксизм**: pro и contra. М.. 1992.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.
10. Sartre J.-P. Critique delaraison dialectique. Paris, 1960. p. 134. Цит. по: Гобозов И.Ф. Сартр и марксизм //Философия и общество. 2006, № 2.
11. Фромм Э. Душа человека. М., 1992.
12. Хайдеггер М. Время и бытие. М.. 1993.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.. 1994.

Ефимова З. Е.

ОТ ГЕРБА К ЛОГОТИПУ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу функционирования герба и логотипа в социуме, преемственности магических символов, носителей экстралингвистических универсалий, призванных осуществлять различные функции в конкретной социальной среде. Как греб, так и логотип являются носителями экстралингвистических универсалий, будучи семиотическим аспектом различных знаковых систем в проявлении сигнификативных функций. Общеизвестно, что семиотика возникла на стыке нескольких дисциплин. В конце XX века философские концепции все больше обращают внимание на знаковость культуры. Семиотика начинает восприниматься как универсальное явление социальной жизни. Оказалось, что язык стал социальной структурой, вложенной в модели действия и в интерпретации.*

Ключевые слова: *герб, логотип, преемственность, геральдика, медиальность, семиотика.*

Summary: *The article is devoted to the functioning of the coat of arms and the logotype in the socium, succession of magic symbols, bearers of extralinguistic universals, called for realization of different functions in the definite social media. As the coat of arms so the logotype are the beares of extralinguistic universals, being the semiotic aspect of the various sign systems in the manifestation of the significative functions. It is well known that semiotics appeared at the junction of several disciplines. At the end of the XX century philosophical concepts pay more attention to the symbolism of culture. Semiotics starts to be accepted as a universal phenomenon of social life. It turned out that the language became as a social structure inserted into the models of action and in the interpretation.*

Key words: *coat of arms, logotype, succession, heraldry, media, semiotics.*

Поскольку культура — это совокупность знаковых систем, с помощью которых человечество поддерживает свою сплоченность, оберегает свои ценности и своеобразие своей культуры и её связи с окружающим миром. Семиотика входит важным компонентом в систему современного научного знания. Семиотические аспекты анализа оказываются применимы и к другим сферам жизнедеятельности человека — быта, в том числе жилища, идеологии и политики.

Объект изучения: герб и слоган.

Функционирование символики. Культура, порожденная определенной общественно-экономической формацией, как отмечал Карл Маркс, обладает классовыми особенностями, общими для различных народов и государств, находящихся на определенной стадии исторического развития. Форма, в которой проявляется культура в классовом обществе в современном мире, характеризуется менее ярко-выраженными национальными отличиями и особенностями. К ним прежде всего относится семиотическая, знаковая сторона языка, что ярко представлено в логотипах разных компаний и организаций: имеется в виду торговых компаний, спортивных мероприятий, международных институтов.

Актуальность обусловлена интересом к проблемам раскрытия значения в контексте восприятия обществом различных эпох. Рассмотрение данных вопросов имеет как теоретическую, так и практическую значимость.

Цель работы — показать значимость гербов и логотипов в прошлом и настоящем.

Задачи настоящего исследования состоят в том, чтобы

-проследить историю возникновения и развития гербов и логотипов;

-определить значение гербов и логотипов для теории коммуникации, лингвострановедения, лингвокультурологии;

-охарактеризовать основные особенности;

-попытаться раскрыть основные значения, проследить изменения и выявить причины.

Избранная для рассмотрения проблематика находится на стыке нескольких научных дисциплин, что и определяет теоретическую значимость работы.

Практическая ценность исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы при чтении курса «Теория коммуникации», Лингвострановедение, Лингвокультурология, Семиотика, История английского языка.

Предметом исследования избраны гербы и логотипы.

Обычай избрания отличительного знака имеет глубокие корни и распространен повсюду в мире. Самые близкие родственники гербов это знаки и символы, которые называются «тотемами».

Тотем происходит от слова «ототем» из языка племени оджибве североамериканских индейцев и означает понятие «его род». Обычай тотемизма состоит в избрании родом или племенем какого-либо животного или растения в качестве прародителя и покровителя, от которого все члены племени ведут свое происхождение.

Прообразы гербов — различные символические изображения, помещаемые на военные доспехи, знамена, перстни и личные вещи — применялись еще в древности. Древние германцы раскрашивали свои щиты в разные цвета. Римские легионеры имели на щитах эмблемы, по которым можно было определить их принадлежность к определенной когорте. Особыми изображениями украшались римские знамена — vexilla (отсюда происходит название науки о флагах — вексиллологии).

Также использовались значки — signa — в виде различных животных — орла, вепря, льва, минотавра, коня, волчицы и других. По этим фигурам, часто относящимся к истории Рима, военные части иногда получали названия.

Герольды систематизировали знания о гербах, выработали общие принципы и правила, их составления и распознавания и в конечном счете создали науку «гербоведение» или «геральдику».

Геральдика является неотъемлемой частью каждого государства, герб был понятен и неграмотному человеку. Возможно, что гербы изначально появились сначала на печатях, а затем на уже оружии и одежде.

Логотип носит глобализационный характер. Гербы размещались не только на оружии, но и на зданиях (над входом), на экипажах, утвари, убранстве помещений, мебели, посуды, на фамильных гробницах и склепах, на книгах, картинах. Важная роль отмечается при чеканке монет.

Фактор родового самосознания

Геральдика имеет дело с описаниями и изображениями гербов, предоставляющих лица, учреждения и местности.

Являясь фактами материальной культуры, предоставляют возможность изучения текстов, которые в свою очередь позволяют сформулировать знания о месте и времени событий, о действующих лицах.

В данном случае используется свойство языка служить посредником между всеми семиотическими системами, позволяя самым экономным способом передавать мысли и чувства.

Общеизвестно, что факты физической, духовной материальной культуры, культуры личности, общества или коллектива сами по себе не являются словом, но обязательно отражаются в слове в виде имен — номенклатурных названий фактов культуры. Это и есть роль номенклатурных названий фактов культуры — служить средством фиксации и систематизации фактов культуры.

Факты языка являются культурными объектами, носителями информации о других фактах культуры неязыкового характера. Место фактической логики заступила определенная знаковая инерция.

Особенности геральдики.Гербовые элементы и атрибуты

Венок — древнейший символ награды, почета, эмблема бессмертия, а следовательно величия (в государственных гербах державного величия) постепенно превратился в символ награды. Венок по латыни — Корона. Корона триумфалис лавровый венок.

Гербы — декоративная роль

Фигуры делятся на: естественные, искусственные и мифические.

От репрезентативной потребности владельцев идет смешение ролей из-за усложнения политической формы трансформировались культурные стереотипы. Девиз привносит большую свободу в знаковую практику.

Эмблемиотическая специфика девизов обозначает определенные качества (королевского дома) сплоченности, упорядоченности — символ определенной меры его самостоятельности. Данная специфика может служить ключом к ответу.

Культура герба как личного знака с конца XII столетия отразила всеобщую взаимоидентификацию: человек, род, владение оказались слиты в единый образ. Герб идентифицировал человека через род и землю. Правом на герб хозяин делился с родней. Функция герба – это роль опознавательного знака или знака собственности.

Геральдика – это, прежде всего, традиции и культура эмблемы, знака, обозначающего социальную идентичность, персону, статус , а также цельность и преемственность. Известно, что геральдика претендует на статус цельного культурного явления, простирающегося через рубежи временные и географические. Герб становится элементом как служебным, так и организующим.

В основе массовости общественной жизни лежат материальные факторы, как например,стандартизированное и конвейерное производство, унифицированное образование, тиражированная информация.

Повседневные стандарты и стереотипы. Функциональная функция языка быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры.

Задача изучить способы, которыми язык воплощает, хранит и транслирует культуру. Языковые знаки выполняют функцию языка культуры, что выражается в способности языка отображать культурно-национальную ментальность ее носителей.

Необходимо отметить, что массовая культура несет реальную угрозу, среди всего прочего прослеживается условность примитивной символики (логотипа).

Геральдика может рассматриваться как систематизация информации фактов культуры. Теория культуры оказывается связанной с практикой глобального моделирования, что в свою очередь переносится на логотип

Культура как универсальная технология человеческой деятельности. Коммуникативное значение в культурной жизни общества.

Культура полна символами. В символах отображения, даны были знаки иного мира в этом мире.

Леви-Строс говорит, что истолковывая многообразные социальные, культурные, художественные и мифологические построения как сообщение или «знак»; как составную часть системы общественной коммуникации и существования.

Б. Эльбрюнн отмечает, что логотип как знак – посредник между социальными единицами (индивидуумами, организациями). Б.Эльбрюнн выделяет следующие функции логотипа: фатическую, экспрессивную, референтивную, импрессивную , поэтическую, металингвистическую.

В нашем случае применима медиальность как привязанность смысловыражения к определенному формату, способу выражения.

Чернявская В.Е. дает следующее определение медиальности: «медиальность есть характеристика всех форм материального проявления знаков, несводимая только к технически осложненному каналу передачи информации». Чернявская В.В. считает, что значительный воздействующий потенциал комплексного поликодового текста содержится в его формальной организации отмечает появление нового современного формата функционирования гуманитарного знания.

Медиальность как канал кодирования информации пришел в лингвистику из основополагающей работы К.Шеннона и У. Уивера (1949). Традиционно разделяется

оптический/визуальный канал кодирования информации, акустический, кинетический/тактильный, ольфакторный каналы. Они сосуществуют вместе с языковым каналом/кодом передачи информации. Медиальность мотивирует углубленные исследования фундаментальных вопросов о взаимоотношении между материальным форматом коммуникации и когнитивными процессами. Как известно, формат является фактором выдвижения определенного смысла, при этом актуализируется не отдельными языковыми средствами, но коммуникативным форматом в целом.

Как отмечается ленинско-марксистская философия, одна из закономерностей развития культуры состоит во взаимосвязи и взаимодействии составляющих ее элементов. Это взаимодействие может проявляться как в сравнительно короткие, так и в длительные промежутки времени, оно может быть прямым и косвенным. Развитие человечества, его достижения влекут за собой прогресс во всех направлениях, что в свою очередь отражается на формах культуры и быта, что в нашем случае можно проследить в преемственности логотипа и геральдики. В эпоху глобализации логотип представляет собой явление массовой культуры, при этом инкорпорирует элементы геральдики. Необходимо отметить, что если геральдические символы носили национальный характер, то логотипы – международный и массовый.

Список использованных источников

1. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008 г. – 528 с.
2. Маркс К. и Энегльс Ф.. Собрание Сочинений, т.19. – М: Издательство политической литературы, 1974 г. – 405 с.
3. Пастуро М. Геральдика: Геральдические образы. Фигуры геральдики. М.: Астрель, Изд. АСТ, 2003 г. – 144 с.
4. Пастуро М. Символическая ситория европейского средневековья. СПБ: Александрия, 2013 г. – 448 с.
5. Чернявская В.Е. Поликодовость VS«логоцентризм» в речевом воздействии.Филологические науки №2,2016 г. С.2-10
6. Эльбрюнн Б. Логотип. СПБ: Нева, 2003 – 217с.

М.В. Клёцкин

ЦЕННОСТЬ И ТРУД В КОНЦЕПЦИЯХ ГЕГЕЛЯ И МАРКСА

Annotation: *The article is devoted to comparing the understanding of the role of practice in the formation of the value world of the individual in the concepts of Hegel and Marx. It is argued that work "removes" (denies) the external objectivity of existing being, and creates a new one in which the unconscious attitudes of the individual, interpreted as value and volitional, are translated into reality. Being is always suitable for something, and thus exists as a value. Evaluation is the moment of practical activity: labor is the realization of a value relation, the realization of a goal immanent to the very being of the individual. The value of a thing is determined, therefore, by its role in the work activity, the result of which is the truth revealing the real significance (value) of the thing. Man asserts himself in the world through work and at the same time individualizes this world. Marx highlights the most important aspect of understanding values - their consumption. Consumption is the final goal (telos) of the entire assessment process, since the needs of the individual are satisfied in consumption. The will to action always has content and, often unconscious, ultimate goal. The liberation of the individual takes place in a conscious activity to translate his essential needs into a social reality. This is the essence of the historical process. To achieve this goal is possible only through the transformation of things. The substantial (material) factor of the historical process is unity with the "spiritual", since the realization of needs is largely due to the existence in which the individual exists.*

Аксиологические представления Гегеля изложены в неявном виде. Специально изучением вопроса о ценностях он не занимался, что не помешало ему, однако, с удивительной глубиной показать суть и природу ценностного отношения. В «Феноменологии духа», немецкий философ предлагает совершенно новое для новоевропейской философии понимание движущих сил познания и развития бытия. Самосознание индивида в наличном бытии выступает сначала как *вожделение*, неосознанное ещё, но требующее реализации желание потребить, подчинить и т.д. Осуществить это желание возможно только через *труд,* то есть через сознательную целенаправленную деятельность индивида. Труд подразумевает негацию наличного бытия в процессе его использования. Только так возможно стать господином над наличным бытием. Действительность, изначально, – это поле деятельности для использования пригодного материала с целью реализации неосознанного сначала вожделения индивида. Если предзаданное положение вещей не удовлетворяет индивида, оно уничтожается («отрицается»), или с помощью «раба», осуществляющего волю господина, или самостоятельно.

Наличное «для-себя-бытие» индивида, требующее негации, но не изменяемое из-за рабского страха перед переменами, Гегель назвал «самостоятельным сознанием». Раб не решается что-то менять, он подавляет свою волю и подчиняется воле господина. «Поэтому*истина* самостоятельного сознания есть *рабское сознание*. Правда, это последнее проявляется на первых порах *вне* себя и не как истина самосознания… оно как *оттесненное обратно* в себя сознание уйдет в себя и обратится к истинной самостоятельности» [3, с. 102]. Раб испытывает абсолютный страх перед необходимостью действовать самостоятельно, перед истиной, страх за всё своё существо. Однако, в какой-то момент, инстинкт самосохранения (основанный на страхе смерти) заставляет принимать решение действовать, он заставляет отрицать имеющееся наличное положение дел, возвращаясь (но уже сознательно, через *труд*) к своей целостности, становясь господином. Труд «снимает» (отрицает) внешнюю предметность наличного бытия, и создаёт новую, в которой бессознательные установки индивида, осмысляемые как ценностные и волевые, воплощаются в действительность.

«Освобождение» приходит с решимостью подчинить себе реальность, уничтожив её, пойдя для этого на смертельный риск. «Труд… есть *заторможенное* вожделение, *задержанное* (aufgehaltenes) исчезновение, другими словами, он *образует.* Негативное отношение к предмету становится *формой* его и чем-то *постоянным,* потому что именно для работающего предмет обладает самостоятельностью» [3, с. 103]. И *ценностью*, добавим мы. Мощь бессознательного вожделения являет себя через героический пафос, страшную неведомую силу, толкающую к само-от-верженным поступкам, к отречению от своего рабского Я – от устоявшегося индивидуального бытия. Другими словами, необходимость выживать заставляет сознание осваивать мир в соответствии с внутренними потребностями («вожделением»), заставляет трудиться, преобразовывая реальность и используя предметы наличного бытия для потребления. «Стихия, где вожделение и его предмет друг к другу равнодушны и самостоятельны, есть *живое наличное бытие;* удовлетворение вожделения снимает это бытие, поскольку оно принадлежит предмету вожделения» [3, с. 185]. Созданное в результате снятия бытие также со временем отрицается и создаётся новое, ещё более совершенное – процесс описываемый Гегелем как диалектический «закон отрицания отрицания».

В труде складывается знание о конкретном предмете, его «форма» – знание предмета как его «значимость-для» *вценностном отношении*. Единичные вещи («сингулярности») становятся и существуют для сознания, прежде всего как значимости. Наличное бытие всегда для чего-то пригодно, и таким образом существует как ценностное. *Оценивание – это момент практической деятельности: труд есть реализация ценностного отношения, реализация цели, имманентной самому бытию* (онтологически единому с сущим). «Сознание теперь в труде, направленном вовне, вступает в стихию постоянства

[наличное бытие] … работающее сознание приходит, следовательно, этим путем к созерцанию самостоятельного бытия *как себя самого*»[3, с. 103]. В труде раб становится господином, «растворяя» внешний мир в бессознательной самости своей души, реализуя вожделение и делая сущее понятным настолько, насколько это необходимо для удовлетворения вожделения и реализации ценностного отношения как «должного». Познание становится, таким образом, одним из аспектов труда как социальной формы реализации ценностного отношения.

Ценностное отношение, формируя структуру наличного бытия, проявляется как кантовское «долженствование». По мнению Гегеля, долженствование является внутренним основанием суждения, привносит в него «необходимость», отличающую истинные суждения от «мнений». Таким образом, оно становится критерием истины, хотя и не проявляется непосредственно. Истина, фиксирующая «согласие некоторого содержания с самим собой», осмысливается *как результат* осуществления должного. То есть основывается на осознании того, какими и для-чего должны быть вещи. В логическом анализе внешняя форма вещей становится ничтожной, обнажая суть их бытия. Это всецело ценностно ориентированный процесс познания сущего, образующий, для достижения «свободы» индивида, различные смысло-формы. В психологическом аспекте, труд снимает психические препятствия для «текучести» энергии бессознательного. В наличном бытии («жизни», по одному из гегелевских определений) сознание отчуждено от бытия в качестве «различённого момента» и пытается возвратиться в своё единство с самим собой. Снимая, тем самым, противоположность между мыслящей и протяжённой субстанциями. «Удовлетворение вожделения есть, правда, рефлексия самосознания в себя самого или достоверность, ставшая истиной» [3, с. 97].

Ценность вещи определяется, таким образом, её ролью в трудовой деятельности, результат которой и есть истина, открывающая подлинную значимость (ценность) вещи. Человек утверждает себя в мире, с помощью трудовой деятельности и одновременно индивидуализирует этот мир. Впоследствии эта глубокая мысль Гегеля легла в основу теории Маркса, а также учения Ницше о сверхчеловеке и переоценке всех ценностей. Практическое отношение индивида к мироокружному сущему (моментом которого является ценностное отношение) порождает и преобразовывает структуру наличного бытия. Наука, как и другие формы мировоззрения, формируются в соответствии с ценностными установками, как одна из форм реализации стремления человека утвердиться в мире. Поэтому и какое-либо научное положение получает статус истины только тогда, когда способствует такому утверждению. Это, конечно, не единственный, но существенный критерий истинности познания.

Карл Маркс не ставил целью создать философскую теорию ценности, он лишь схематично обозначил, следуя гегелевской концепции и даже используя её терминологию, ключевые аксиологические понятия, используемые в политэкономии, где ценность товара прямо связана с удовлетворением потребности. «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности… Дело также не в том, как именно удовлетворяет данная вещь человеческую потребность: непосредственно ли, как жизненное средство, т. е. как предмет потребления, или окольным путем, как средство производства» [4, с. 35]. Выявляя тесную связь Wert [ценность] и Wurde [достоинство] «по этимологическому происхождению и по смыслу», К. Маркс делает вывод о том, что «это слово относилось к вещам, продуктам труда в их натуральной форме», и лишь «впоследствии оно в неизменном виде было прямо перенесено на цены, т. е. на стоимость в ее развитой форме, т. е. на меновую стоимость» [6, с. 388]. Маркс выделяет важнейший аспект понимания ценностей – их потребление. «Потребительная стоимость [ценность] осуществляется лишь в пользовании или потреблении» [4, с. 36]. Потребление и есть конечная цель (телос) всего процесса оценки, поскольку в потреблении удовлетворяются потребности индивида. «Наконец, вещь не может

быть ценностью, не будучи предметом потребления» [4, с. 41] – это важнейшая для аксиологии исследования мысль Маркса. Ценные вещи ценны постольку, поскольку удовлетворяют потребности индивида в процессе их негации (потребления).

Полезность вещи открывается и меняется в ходе истории. Мы не будем далее рассматривать сугубо экономическую теорию меновой стоимости товара, упомянем лишь, что измеряется она количеством созидающего экономическую ценность труда: «Как же измерять величину его [блага] стоимости [ценности]? Очевидно, количеством содержащегося в ней труда, этой "созидающей стоимость [ценность] субстанции". Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем» [4, с. 38].

Вспомним, что Гегель понимал исторический процесс как деятельность «абсолютного духа» (absolute Geist) – сущей целостности души и сущего-самого-по-себе. Например, в «Философии истории» он пишет, что, хотя «в истории мышление подчинено данному и сущему, основано на нем и руководится им» [2, с. 63], но всё же в фундаментом исторического процесса является дух (Geist). Важнейшей характеристикой духа является его разумность. «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно» [2, с. 64]. Под разумом имеется в виду не только сознательное мышление, но мышление в целом. Исторический процесс совершается через сознательную деятельность индивида, но не исключает неосознанного мышления, задающего направление этой деятельности. Казалось бы, это утверждение Гегеля противоречит первому, говорящему о фундаментальности сущего. Но «господство разума» здесь означает господство сознания, неосознаваемо подчинённого сущему в целом.

Исходит Гегель, на наш взгляд, из парменидовского принципа тождества бытия и мышления («одно и то же быть и мыслить»). При этом, мышление не понимается только как сознательное (рассудочное), но имеет и бессознательный компонент. Такое единство, судя по всему, Гегель и называет «разумом» в случаях, когда хочет подчеркнуть его сознательную составляющую, и «духом», когда подчёркивает его неосознаваемую сущностность. И часто он эти два понятия отождествляет. «Дух, его разумная и необходимая воля, руководил и руководит ходом мировых событий: изучить дух, поскольку ему принадлежит эта руководящая роль, является здесь нашею целью» [2, с. 63].*Историческое событие совершается людьми, как любая другая практика, сознательно, но фундируется сущим неосознанно.* В разуме и через разумную деятельность бытие становится действительным и реализует свою неосознаваемую сущность как истинную действительность своего исторического существования. В этом смысле разум (целостность мышления) является субстанцией всемирной истории, точнее говоря – одной из субстанций. Ведь если разум это единственная субстанция, то сущее-само-по-себе перестаёт быть фундирующим бытие началом движения.

Для Гегеля исходная форма становления и различения действительности – это временение. «Время есть начало отрицания в чувственном» [2 , с. 124]. Время – начало отрицания непосредственной и неосознанной данности чувственного. Мы делаем вывод, что *историческое событие существует лишь в индивидуальном бытии, в рамках его исходной формы различения – временения.* Кроме того, к этому определению следует добавить, что каждое явление в определённый момент времени обладает ценностью, так как эта явленная сущность *для чего-то* подходит или не подходит. *Временение происходит вместе с оцениванием и, так или иначе, является реализацией ценностного отношения.* Являясь исходной формой процесса различения, временение задаёт структуру истолкованности сущего, рамки его бытия. Строго говоря, сущее-само-по-себе неисторично и вневременно, *исторично только индивидуальное бытие-в-мире – душа.* Бытие развивается во времени, но само время не субстанционально, а «есть не что иное, как число движения по отношению к предыдущему и последующему» [1, с. 149]. Исходя из вышеизложенного, дадим такое определение временения: *временение – фундаментальный способ различения бытия сущего,*

задающий количественную меру движения цельного сущего относительно настоящего его состояния.

Мы должны быть благодарны Гегелю и за открытие важнейшего фактора исторического процесса – освобождения человека, раскрытия его сущностных сил. «Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [2, с. 72]. Свобода реализуется как осуществление потребностей: «Мы рассматриваем внутренний, в себе и для себя сущий, духовный процесс как необходимое, а, напротив, то, что в сознательной воле людей представляется их интересом, приписываем свободе» [2, с. 78]. Движение сущего-самого-по-себе есть необходимость, определяющая абсолютная сила потребностей бытия индивида. Осознанная необходимость представляется индивиду как свобода действия по реализации необходимости приспособления к движению и изменению сущего. Индивид, изменяя сущее, достигает истины своего бытия. Таким образом он реализует свою свободу и в результате окружающий его мир становится действительным воплощением свободы – самостоятельности индивида. Душа или, если угодно, целостный «дух» является сущностной основой, истиной и всем бытийным содержанием исторического процесса. История есть история развития целостного духа и достижения им своей сакральной цели – действительности свободы (истины).

Впоследствии младогегельянец Маркс несколько упростил концепцию своего учителя. Если Гегель выделял в качестве движущей силы истории свободу духа и её осознание, то Маркс выделял в качестве основополагающих *только* экономические отношения (то, что мы называем «социальное сущее-само-по-себе»). Но опыт развития истории показал, что смена социально-экономических отношений не меняет природу человека. Всё, что мешает *свободной* реализации человеческих устремлений, рано или поздно уничтожается. Следует заметить, что всякие попытки сделать науку философию орудием идеологической или политической борьбы обречены на неудачу, так как философия стремится к «снятию» частных и сиюминутных интересов, и смотрит на действительность «sub specie aeternitatis» (с точки зрения вечности).

Гегель также подчёркивает момент удовлетворения в процессе реализации свободы: «Бесконечное право субъекта заключается в том, что сам он находит удовлетворение в своей деятельности и в своем труде… ничего не происходит и ничто не производится без того, чтобы действующие индивидуумы не получали удовлетворение» [2, с. 75]. Если то, что Гегель называл «свободой» *в себе* лишь потенциально и бессознательно, то реализация такой «свободы» руководствуется принципом удовлетворения потребности. Свобода обнаруживается в действии, в нём же истина существования индивида становится действительной. «Сокровеннейшее, бессознательное стремление, и все дело всемирной истории заключается … лишь в том, чтобы найти себя, прийти к себе и созерцать себя как действительность» [2, с. 77].

Историческое развитие не есть процесс хаотичный и бессмысленный. Воля к действию всегда имеет содержание и, часто неосознаваемую, конечную цель. Гегель назвал это содержание «сознанием свободы» [2, с. 105]. «Освобождение» индивида происходит в сознательной деятельности по воплощению своих сущностных потребностей в социальную действительность. В этом *суть* исторического процесса. Достичь этой цели возможно только через преобразование сущего, через создание «удобной» реальности. Субстанциональный (материальный) фактор исторического процесса составляет единство с «духовным», так как реализация потребностей во многом обусловлена сущим в котором существует индивид. Карл Маркс в предисловии «К критике политической экономии пишет в связи с этим: «Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [5, с. 7].

Список использованных источников

1. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1981. – 613 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – 480 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа.– М.: Наука, 2000. – 495 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7 / Под ред. А.И. Малыш. – М.: Политиздат, 1987. – 811 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 19. – М.: Политиздат, 1961. – 671 с.

Е. Н. Коробкина

ТВОРЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА МАРКСИЗМА. ОТ ЧЕЛОВЕКА БУНТУЮЩЕГО – К ПОЭЗИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ.

Аннотация. *В статье исследуется отражение идеологии марксизма в художественных и философских текстах: вторая половина 20 века – начало 21 века. Марксизм как творческая парадигма: преломление символов отрицания, свержения, бунта в философии экзистенциализма, поэзии сюрреализма во второй половине 20 века – до поэзии преодоления начала 21 века. От бунтующего человека Камю – к поэзии преодоления «одномерного человека» Маркузе – к преодолению наследия «культурного марксизма» средствами литературного творчества.*

THE CREATIVE PARADIGM OF MARXISM. FROM MAN'S REBELLION TO POETRY OF OVERCOME.

Summary. *The article examines the reflection of Marxism ideology in literary and philosophical texts: the second half of the 20th century – the beginning of the 21st century. The Marxism as a creative paradigm: the refraction of the symbols of denial, overthrow, rebellion in the philosophy of existentialism, the poetry of surrealism in the second half of the 20th century – to the poetry of overcoming the early 21st century. From the rebellious man Camus - to the poetry of overcoming the «one-dimensional man» Marcuse - to overcoming the heritage of «cultural Marxism» by means of literary creativity.*

Скорый поезд
Поезд ушёл в Петербург.
Герр Питер капусту квасит
И заедает кислый салат
Сосиской, и вяло шнапсит.

Гретхен стирает носки,
Молча полощет в шайке
Маленькие ползунки,
Кричат во дворе попрошайки.

Поезд ушёл в Петербург.
Бюргер осоловело
Храпит в ночном колпаке.
И никому нет дела,

Что снится ему кабачок,
На столике кружка пива.

А маленький дурачок
Рожицы строит игриво.

Поезд ушёл в Ленинград.
Герр Ленин приходит к Карлу
Во сне герра Питера, что храпит,
У Карла он гладит карлу.

А карла, устав от дневных затей,
Во сне герра Питера входит
В комнату Гретхен, крадёт носки
И с ними куда-то уходит.

А сон герра Питера мыслю я,
Качаясь в душном вагоне
Состава, ушедшего в Ленинград,
И я же стою на перроне.

И мыслю свой сон о своём двойнике,
Что сон герра Питера мыслит,
В котором герр Ленин гладит носки,
Что карла украл у Либкнехт.

И я же пишу в своём дневнике
О том, что стою на перроне
И мыслю свой сон о своём двойнике,
Качающемся в вагоне.

И только герр Питер не мыслит, а спит
И видит, что некий карла
Забрался в комод и украл носки,
Их гладит герр Ленин у Карла.

А Карл, молча глядя на эти носки,
Пыхтит потихоньку и курит.
В мозгу его вспыхнули две строки
О духе, что где-то бродит.

А призрак не призрак, но мой двойник.
Вот в Петербург он едет.
Герр Ленин в Европе гладит носки,
Бюргер во сне ими бредит.

Вот призрак замыслил для бюргера явь.
Герр Питер от сна очнулся,
В ночном колпаке он к комоду пошёл
И на носки наткнулся.

«Так, значит, их карла у нас не украл,
И не было Ленина с Марксом», -
Вяло подумал, но вслух не сказал

Герр Питер, пропахший шнапсом.

Призрак-двойник по вагону бредёт,
Он по Европе не бродит.
Бюргера мыслит и Гретхен зовёт,
А в Петербург идёт поезд.

Гретхен пришла и, увидев носки,
Бюргера похвалила:
«Милый мой герр, ты погладил носки?
С твоей стороны это мило».

Герр Питер с носками в руках постоял
И отошёл к комоду,
Вяло подумал, но вслух не сказал,
Что карла им мутит воду.

Да кто бы ни гладил эти носки:
Герр Ленин, герр Питер иль карла,
Ведь, главное, вспыхнули две строки
В мозгу господина Карла.

Призрак, задумавшись, клеит куски,
И по Европе не бродит.
Кто же погладил для Гретхен носки?
А в Петербург идёт поезд.
Елена Коробкина [3, с. 214-216]

Фигура Карла Маркса идеологией, и призраком, и симулякром в течение 200 лет будоражит умы: от немецких пивнушек до окраин Поднебесной. Возникновение парадигмы марксистской идеологии, манифеста свержения ряда идей, отразились в умах бунтующих поэтов и в их художественных текстах.

Как следствие главных постулатов Маркса: свержение идеи Отца, Отечества, Семьи, Религии, реорганизация материального мира по принципам новой марксистской идеологии: карательная в России – отцом русской революции Владимиром Лениным.

И удивительный писатель Андрей Платонов, превративший в мистерию пространства построение нового коллективного мира. Единственный апологет в России, создавший мир «Чевенгура» [5] как организацию материи из глубин древнего духа, из глубин Кабирийских мистерий, давший право образам из бездны, из хаоса, развернувшись в уничтожении старого мира, творить новый мир. Коллективное бессознательное, получившее право, строить жизнь не по принципам материализма, а по законам организации пространства в духе древних мистерий. Столь странная метафизика не духа, но материи, полученная в наследство российской республикой как факт нового бытия.

Если сам господин Маркс окуклился в самом факте своих идеологем, будучи европейцем по существу, будучи фигурой Отца, он стал Отцом Факта. Но следствия его идей, подхваченные отцами-идеологами: Ленин и русская революция, Мао и великий коллективизм Китая, Маркузе и поступательное свержение всех традиционных ценностей в европейском сообществе, полная реорганизация самого общества изнутри, в частности, создание новой идеи семьи, нового гендера, предполагающего множество новых вариантов пола, множество ликов любви и семьи. В частности, как пример нового европейца применим новое понятие «квир». Это явление языка, в первую очередь, но заметим, что новые

ценностные ориентации европейского общества предполагают, в первую очередь, новые лингвистические теории.

В кои-то веки захотелось разобраться в терминологии однополой любви и расставить чёткие акценты. Помог мне в этом известный советский сексолог Игорь Семёнович Кон. Кто из студентов-медиков советских времён не учился по его учебникам? Но что творится в нашей современности, исполненной эротической многоликости? Для начала мне захотелось смысловой определённости. «Любовь небесного цвета» И. С. Кона стала для меня не только медицинским, но, в большей степени, семантическим путеводителем.

Итак, лингвистический экскурс.

«Между прочим, в русском языке смысловое, семантическое неравенство «гомо» и «гетеро» выражено сильнее, чем в английском, французском и немецком. Употребляемый в тех языках термин «гомосексуальность» имеет точный аналог в «гетеросексуальности». Слово «гомосексуализм» звучит сильнее, потому что «гетеросексуализма» не бывает, а всякий «изм» — что-то странное и подозрительное. То же самое с окончанием «ист». По-английски и по-французски можно сказать о человеке, что он гомосексуал или гетеросексуал, прилагательное и существительное выражаются одним и тем же словом. В русском языке есть только слово «гомосексуалист», «гетеросексуалистов» нет. Одно только безобидное окончание — и уже дискриминация» [1, с. 105].

Ну, что же, как филолог, не подверженный влиянию негативных подводных течений в русской речи, дабы отказаться от языковой дискриминации, отрину окончание «ист» и выражу глубочайшие респекты слову «гомосексуал». Вот только в двадцать первом веке от этого слова веет стариной далёкой.

Ибо ещё в середине прошлого века западноевропейские и американские гомосексуалы, дабы преодолеть оскорбительную «медикализацию» своего состояния назвали себя новым словом — «гей» (gay).

Вот этимологическая справка об этом слове. Буквально оно по-английски значит «весёлый», но не только это. В провансальском наречии 13-14 вв., на языке трубадуров, оно обозначало куртуазную рыцарскую любовь, которая нередко была однополой, а также означало искусство поэзии и любви. В Англии 17 в. слово «gay» обозначало легкомысленного повесу, а применительно к женщинам (несколько позже) — проститутку (женщина лёгкого поведения = «весёлая женщина»). В начале 20 в. слово «гей» стало кодовым словом английской гомосексуальной субкультуры, затем перекочевало в США. В начале 1990-х это слово получило распространение в России. Слово «гей» стало политическим и идеологическим символом гомосексуального движения второй половины прошлого века.

И, наконец, скажем о знаковой составляющей теории инаковости, одного из направлений в современном западном литературоведении, — о слове «квир» (queer).

Эмоциональная нагрузка слова зависит не столько от его происхождения, сколько от контекста его употребления. Одно из самых оскорбительных английских жаргонных названий гомосексуала — «queer» (буквально — кривой, странный, извращённый, фальшивый), в противоположность «straight» (прямой, нормальный). В 1990-х годах некоторые американские геи стали демонстративно называть себя квирами, подчёркивая, что гордятся своей ориентацией. Здесь мы видим, как преодолевается негативная семантика слова-проклятия «квир», как этот перформатив, утверждаясь в речи, принимает иной окрас — «имя», которым гордятся, слово-благословение. С точки зрения новой, эпохи постмодерна, эклектической многоликости, в том числе, и сексуальной, «квир» является ещё и понятием из смыслового ряда, объемлющего многообразие ликов современной любви.

Скажем в заключение, что дискриминация в языке является мощным толчком для революционных преобразований — посредством языка же. Те, кто удостаивался лишь оскорбительной клички, в разные эпохи становились в авангарде мощных культурных преобразований.

Имён предостаточно: Оскар Уайльд, Артюр Рембо, Вирджиния Вулф…

Итак, рассмотрев некоторые современные символы европейского общества, мы можем сделать заключение, что в основе их, исторически, лежит европейская марксистская парадигма: начатое в начале 20 века в Европе разрушение основ общества в целом, семьи, в частности, превзошло все ожидания, традиционная структура была полностью реорганизована: из сообщества добропорядочных мещан в государство квиров.

Вспомним же позицию самого Маркса. Когда Маркса обвиняют в том, что он хотел уничтожить семью, он отвечает: «Семью уничтожили вы сами. Где ваши былые добродетели? За пределами добродетели я ничего не вижу, кроме материи, и я, Маркс, берусь организовать эту материю, я организую ее принудительно и технично» [2, т. 45, с. 230]

Смог ли сам герр Маркс принудительно и технично организовать материю, дабы спасти былые добродетели, или организовать мир в соответствии с ценностями не патриархального, но нового капиталистического общества? Увы. Сам господин Маркс остался Фактом Отца, Отцом Факта принудительной организации материи, и вне всех тех следствий, которые извлеки из его постулатов отцы-продолжатели.

На знаменах французской революции 1968 года был великий лозунг: «Маркс, Мао и Маркузе!» Французская молодежь, совершив, принудительную реорганизацию материи согласно идее Маркса в соответствии с учением Маркузе, создало общество многоликих квиров постмодерна фактически, буквально, с гендерным штампом в паспорте.

Карательная реорганизация пространства Лениным дала ряд художественных феноменов переосмысления в русской литературе и философии, в частности, метафизическое продление материального в мир древних коллективных мистерий, странный симбиоз коллективного социализма и первобытного общественного строя, в мирах Андрея Платонова.

В современном же опусе русского поэта Елены Коробкиной прослеживается преодоление постмодернистской эклектики начал.

«В своих стихотворениях автор поэтически переосмысливает многоликий мир древних и современных философских учений, внося в эту тему свое индивидуальное, личностно-творческое видение. Елена, безусловно, отталкиваясь от объективно существующей реальности философского знания, совершает краткий экскурс в суть тех идей, которые владели умами мыслителей на протяжении всей истории философии.

Погружение ли в зыбкие дали эллинского мира, мира, где естественно и органично переплетаются реальная жизнь и волшебные мифы. Но это погружение современного альтернативного поэта. В мире его воображения есть место и поэзии Блока, и средневековым европейским легендам, и постмодернистской игре, и сюрреалистическим видениям. Мы, дети своей эпохи, но мы всегда будем находиться под очарованием прекрасной Эллады, и всегда будем идти на ее зов.

Наше странное время характерно и упорными попытками возродить это милое религиозное, христианское мировоззрение. Двадцать первый век!!! Впрочем, еще, кажется, кто-то из французских просветителей сказал: «… даже если Бога и нет, его следовало выдумать, чтобы поддерживать в людях стремление к нравственности». Нравственность?!! Ортодоксальная иудейская и, соответственно, христианская религия зиждется, прежде всего, на отсутствии критического мышления. Ее кредо – запрет познания, отсутствие какого бы то ни было самостоятельного мышления вообще. Древние греки пришли в ужас от поклонения иудеями Богу, проклявшему и обрекшему на страдания людей только потому, что те осмелились, вопреки Его воле, вкусить плод от древа познания. И эллины, потомки Александра Македонского, стали почитать Змея (Офиса), как носителя света разума, и осуждать Яхве, как злого демона, попытавшегося лишить людей понимания разницы между добром и злом.

Поэты – наследники быстротекущего культурного времени. Греческий величественный гекзаметр, греческое удивительное ощущение мира, греческое неутолимое стремление к красоте познания…

Так отчего же не стать подобно Елене, создавшей «Цезуру», хоть на мгновенье мятежным офитом?

Творчество Елены объединяет и переплетает в себе все эти три составляющие, хотя, на мой взгляд, будущее все же преобладает. Каково бы ни было содержание ее стихов, Елена всегда стремится вперед, в те миры сознания, которые не подвластны анализу стандартного, «заштампованного» мышления; миры многоинтервальности, миры «исключенного третьего», миры «реальности высшего плана». Стремление вперед и стремление к будущему в поэзии почти синонимы. Елена идет вперед, Елена преодолевает, Елена борется. Борется с банальностью, косностью, бессмысленностью голого формотворчества, засилием бездуховности и легкого, не требующего от художника ни ума, ни таланта, ни образования, но зато такого притягательно эффектного постмодернизма. Елена борется с несовершенством мира тем, чем способен бороться настоящий поэт. Елена борется своими стихами» [4].

Такова манифестация поэзии преодоления, такова творческая парадигма поэта-авангардиста 21 века, переосмысливающего наследие столетий, и как следствие преодолевающего постулаты «культурного марксизма».

Список использованных источников

1. Кон И. С. Любовь небесного цвета. - М., Продолжение жизни, 2001 - 205 с.

2. Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Издание второе, Изд-тво полит лит-ры, Москва, 1971, Т. 45 – С. 227-372.

3. Никифоров Е. Г. Сентиментальная командировка в Германию и Францию, или в Тулу с самоваром. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2006. – 228 с.

4. Пенясова Н. «Поэзия преодоления» Елены Коробкиной. – Лит. Портал «Книгозавр» - URL-адрес: http://knigozavr.ru/2008/11/12/konkurs-2-penyasova-natalya-poeziya-preodoleniya-eleny-korobkinoj/?fbclid=IwAR3SICIyYwoAkjVEvH9DztLY14E0C64FmcSpMmEVTQRxbYaR5mY_5owOBDM

5. Платонов А. П. Чевенгур / Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. - М., 1988. - 560 с.

Корсунский А.Г.

АНТИНОМИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *Статья посвящена исследованию генезиса политических антиномий в рамках философского анализа фундаментальных имплицитных социальных противоречий. Актуальность темы исследования обусловлена практической потребностью в философском осмыслении природы социальных противоречий, которые содержат следы антиномии в своей основе. Такое философское осмысление, в свою очередь, необходимо для адекватной оценки сложившихся политических тенденций и построения релевантной модели развития социальных отношений. Целью статьи является экспликация основных факторов, влияющих на поляризацию в обществе, автором выделяется ряд дестабилизирующих моментов в социокультурном контексте современного общества и даётся их детальный анализ с позиций социальной философии. В статье дан некоторый исторический экскурс философского понимания политического, связи политики с концептуальными представлениями. Особое внимание, в рамках поставленной задачи по экспликации антиномий, автор уделяет концептам справедливости и свободы. Затрагивается тема влияния личности на определённые политические нарративы, однако вместе с тем рассматриваются и её концептуальные представления. Политика рассматривается не как*

мёртвая система концептов, а как живое историческое самосознание, – такой подход является принципиальным, нитью Ариадны для изложенных в статье проблем. Политические концепты исследуются проспективно, с учётом телеологической составляющей, что позволяет расширить горизонт возможных философских интерпретаций. Результатом исследования является обоснование связи формирующихся в обществе наличных политических, социальных противоречий и имплицитных концептуальных мировоззренческих оснований, даётся экспликация этой связи через телеологические интерпретации. Основные итоги проведённого в статье исследования могут быть использованы в области социальной философии.

***Ключевые слова**: антиномии, социальные концепты, телеология.*

PHILOSOPHICAL ASPECT OF CONCEPTUAL POLITICAL ANTINOMIES

***Annotation**: The article is devoted to the study of the genesis of political antinomies within the framework of a philosophical analysis of fundamental implicit social contradictions. The relevance of the research topic is conditioned by the practical need for philosophical comprehension of the nature of social contradictions, which contain traces of antinomy in their basis. Such philosophical comprehension, in turn, is necessary for an adequate assessment of the current political tendencies and the construction of a relevant model for the development of social relations. The purpose of the article is to explicate the main factors influencing polarization in society, the author identifies a number of destabilizing moments in the sociocultural context of modern society and provides their detailed analysis from the standpoint of social philosophy. The article gives some historical outline of the philosophical understanding of the political, the connection of politics with conceptual representations. Particular attention is paid to the concepts of justice and freedom in the framework of the task of explicating antinomies. The subject of the influence of the individual on certain political narratives is touched upon, however, at the same time, its conceptual representations are also considered. Politics is viewed not as a dead system of concepts, but as a living historical identity, such an approach is a principled, a thread of Rent for the problems outlined in the article. Political concepts are explored prospectively, taking into account the teleological component, which allows us to move away to expand the horizon of possible philosophical interpretations. The result of the research is the substantiation of the connection of political, social contradictions and implicit conceptual worldviews emerging in a society, the explication of this connection through teleological interpretations is given. The main results of the research carried out in the article can be used in the field of social philosophy.*

***Key words**: antinomies, social concepts, teleology.*

Многие современные исследования в социальной философии, направленные на объяснение актуальных проблем и построение модели будущего развития, характеризуют общественные и политические явления как противоречивые, трудно предсказуемые. Социальные процессы в современном обществе отличаются своей сложностью, неоднозначностью. С другой стороны, политика являет себя и как живая деятельность, и как историческая логика. Разнообразие взглядов, плюрализм мнений, всевозможные разногласия культур, традиций и, конечно, глобализация питают мысль и дух современных политических течений [9]. Фуко писал: «Я полагаю, что отношения между философией и политикой являются непрерывными и фундаментальными» [19, с. 721]. Социальные и политические проблемы общества остро нуждаются в своём философском обосновании и прояснении.

Социальное изменение протекает в двусторонне направленном процессе в открытой системе и по этой причине, никогда не может привести к четко определенной конечной цели. Социальные проблемы требуют многих усилий и нетривиальных ответов. Осознание проблематичности поставленных задач делает их политическими вызовами. Подходы к

решению таких вызовов по необходимости должны учитывать противоречия в законе общественного развития. Противоречия, зачастую, являются следствием контрадикторных отношений между ценностными мотивами, а также эпистемологическими основаниями, которые сложились в рамках концептуально целостных, но экзистенциально несовместимых условий социального бытия. Для прояснения данной задачи, недостаточно воспользоваться логикой той или иной теории социальной философии, необходимо обратится к концептуальным основаниям самой парадигмы.

Философия стремится помыслить своё иное, достигнуть «рефлексивного согласия со своим внешним» [4, с. 10]. Антиномии общественно-политических процессов мы сможем понять только исследовав коллективные цели, коллективные интенции, проанализировав те обобщающие факторы, которые повлияли на направление и темп социального развития. Понять формирование присущей определённой исторической эпохевидение будущего, понять логику конструирования политических принципов и задач можно только обратившись к исследованию характерных для этого общества социальных концептов, играющих важную роль в коллективных интенциях и задающих специфическое для данного общества видение исторической перспективы. Необходимо учитывать «нерефлексивный цикл обратной связи», «причинно-следственные петли» [3, с. 54]. Ни один из концептуальных подходов в социальной философии не способен непротиворечиво объяснить весь спектр социальных тенденций, ни одна политическая концепция не способна дать компромиссных целей и приемлемого видения будущего для всех классов, групп, слоёв общества, так-как сама парадигма социальных отношений содержит в качестве своих элементов «противоречия в законе», в законе развития – антиномии.

Перефразируя известное выражение, можно было бы сказать, что концепты не выходят на улицы, — историю делают не концепты, — историю творят люди, однако это не совсем так, люди руководствуются в своих действиях определённым концептуальным пониманием. Определённое концептуальное понимание у людей формируется и поддерживается целой системой институций, предписывающих готовые клише и их возобновляющих.

Синергия социальных факторов приводит к тому, что социальное пространство быстро меняется, возникает множество автономных арен для политического действия отдельных акторов.

Для всестороннего раскрытия предмета нашего исследования, необходимо затронуть область феноменологии и философии личности в рамках интеграции этих подразделов исследования в основной лейтмотив социальной философии, раскрывающий антиномичность общественно-политического развития.

Вокруг темы «политических антиномий» можно найти множество асимптотических рассуждений и аргументаций, это своеобразная «инфракрасная область» для социологии и политической философии. Но уже сейчас видны наметившиеся большие изменения в построении методологии философских исследований и понимании философских оснований. Перед тем как построить «храм достоверности», стоит уделить внимание понятию политического факта [6]. «Факты — это далеко не элементарный, а наиболее сложный, самый искусственный и коллективный по своей природе строительный материал, какой только есть!» [14, с.105]. Большие изменения коснулись понимания причины, казуальных факторов, теперь «фактор —это один актор в цепи акторов, а не причина, за которой следует ряд проводников» [10, с. 83].

Рост социальной энтропии выступал лейтмотивом социального познания от времён античности до современных исследований. В античности о социальной разнородности говорил Аристотель, спустя века, обратившись к его наследию Э. Дюркгейм писал: «Элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы. Государство – не то же, что военный союз» [5, с. 87]. Марксистская и неомарксистские концепции в исполнении Альтюссера также сосредотачивают своё внимание на фундаментальных социальных и

экономических различиях в обществе, и считают такие различия способствующими возрастанию социального отчуждения. Теоретические работы Альтюссера вполне можно рассматривать как «политическое вмешательство в сферу теории» [17, с. 54].

Антиномии присущие политике возможно обнаружить лишь с помощью анализа телеологии государства, детального рассмотрения сущности его истинных целей.Télos являлся неотъемлемой частью самой сущности древнего Полиса, отражением структуры его социальных концептов.

Для политического мышления античных философов было характерно, что все они относили политику в сферу практической разумной деятельности. Предназначение политики проясняется лишь тогда, когда ее télos возможно связать с основополагающими принципами самой античной философии, со платоновским концептуальным стремлением к благу. Однако и тут не всё так однозначно. Дональд Дэвидсон утверждал, что убеждения, предпочтения объясняющие действия, а также вся телеология субъекта могут зависеть от ошибок и невежества индивидуума [18].

Политика, понятая как телеология «общественных дел», как поиск высших целей, их конструирование на базе имеющихся социальных концептов справедливости и свободы, уже очерчивается в «Политике» Аристотеля: «Поскольку, как мы видим, всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим» [1, с. 214].

С позиции античной философии, человек становится гражданином, обретает свою социальную значимость, благодаря приобщению к целостности государства: «О том, кто имеет участие в законосовещательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином данного государства» [1, с. 154]; очевидно, что граждане наделяются некоторыми социальными полномочиями: поскольку граждане причастны управлению обществом.

В свою очередь ощущение себя членом общества, гражданином Полиса даёт импульс раскрытию особых «добродетелей» участия в управлении обществом;такие «добродетели» выражаются посредством социальных концептов свободы и справедливости,непосредственно влияют на взаимоотношения между правительством и гражданами. Политическое мышление в античности ведётся в направлении от интересов полиса к конкретному гражданину, а не наоборот. Подобный формат политического мышления обусловлен античной культурной спецификой.

Проблематизацию концептов всеобщей воли, верховной власти находим в работах Руссо; уже в «Женевских рукописях» он пишет о «бездне политики в государственном устройстве» [13, с. 131]; сознаёт всю сложность и многомерность политической системы.Согласно Руссо, государственная власть базируется на общественном компромиссе, представляющим виртуальный конструкт и воздействующий на реальный социум [13]. На неформальной основе такого компромисса базируется реальное право, придающее статус легитимности наличной силе, при этом предполагается свобода граждан, однако в рамках устоявшегося значения концепта «свобода» и эта свобода, благодаря своему размытому пониманию и абстрактному характеру предназначена сглаживать существующие отличия в условиях жизни, доступности социальных и экономических ресурсов, причастности к власти, — такова сущность политической казуистики.

Руссо в некоторых моментах своей политической философии продолжал логику Аристотеля.В дальнейшим эту эстафету перехватил Гегель.Маркс, основываясь на «Философию права» Гегеля, направил свою критику на западную политическую философию и актуальное ему государственное устройство.

Для Гегеля, государство вбирает в себя всё множество индивидуальных волевых актов, направленных на выражение личной свободы: как разумная, целенаправленная, универсальная реализация такой свободы. Однако вместе с тем, антиномично основной тенденции, существуетособая форма политического отчуждения.

Сущность государства, его разумное предназначение проявляет себя в кризисные моменты истории, когда возникают флуктуации общественно-политического развития, посредством очень непростых решений.Невозможно, говоря о политическом векторе развития, не прибегнуть к концепту «*решений исторической значимости»,* то есть решений, кардинально трансформирующих основные характеристики социума, решений, имеющих далеко идущие исторические следствия. Политика предполагает историческое самосознание и готовность к ответственным решениям, имеющим следствия для всего социума, при этом важно понимание основных социальных концептов. В объективных отношениях господства-подчинения человек проявляет собственную субъективную духовную волю и формирует соответствующее политической сфере некое специфическое «сознание» [8].

Результаты политических решений обретают свой смысл в будущем развитии, объективные их оценки возможны только ретроспективно, в результате рефлексии, политика же осуществляется путем «проспекции», проецирования, имеет поступательное движение, иначе говоря она имплицитно содержит в себе и трудновыполнимую попытку прояснить смысл текущей исторической ситуации, разобраться в потоке современных социальных явлений и, с другой стороны жёсткую приверженность определённым политическим взглядам.Такая ситуация не может не порождать противоречий. В некотором отношении, политика наиболее ярко проявляет себя в ситуации социального кризиса, в «переломных», узловых моментах истории.

Большинство авторов сходятся во мнении, что определение политического обязательно включает в себя момент волевого принятия решения, кроме того, всякое политическое решение предполагает эманацию власти. Но необходимо добавить, что политическое решение полагается и конструируется в рамках актуальных социальных концептов, их установившейся «естественной» интерпретации данным обществом.

Изучая социальные антиномии, важно рассмотреть как эпистемологический аспект условий их формирования, так и практический аспект их политической реализации. Стремясь понять как динамику протестного движения, так и его фундаментальные теоретические следствия, будем иметь своей целью оценку их взаимозависимости, спросив, как повлиял на теорию социального движения исторический контекст, и наоборот: как теория сформировала предпосылки для конкретных политических действий.

Социальные антиномии порождают противоречивую, так называемую «спорную политику», которая фокусируется прежде всего на формировании общественных установок. Такая политика касается общественных требований, обязана выражать интересы социума, что приводит к скоординированным усилиям от имени общих интересов или программ, в которых правительства участвуют в качестве целеполагающих акторов, инициаторов претензий или третьих сторон.

Чтобы осветить соответствующие процессы политических антиномий, рассмотрим несколько концептуальных механизмов, посредством которых формируются коллективные субъекты, с возможностью:

• формулировать согласованные политические дискурсы;

• создавать социальные сети и функциональные организации;

• перемещаться по постоянно колеблющимся структурам политических перспектив, чтобы продвигать свои материальные, идеологические и / или культурные интересы и идентичности вопреки действиям оппонентов, обладающих превосходными материальными и институциональными ресурсами.

В традиционной социальной и политической науке (особенно в 1950-х и начале 1960-х годов) коллективные действия в основном рассматривались как пример политически

экстраординарного состояния:феномены, отражающие аберрацию, дезориентацию и социальную декомпозицию. Внутри этого огромного архипелага постоянно возникающих явлений социальные движения рассматривались как просто наиболее заметное выражение процессов, которые были по существу предполитическими, патологическими и в конечном итоге нерациональными. Естественно, в таком контексте ключевой вопрос: почему возникают случаи социальных антиномий? Однако новое философское осмысление политических предпосылок в корне изменило этот вопрос.В той мере, в какой сущность социальных антиномий искажается в призме подхода структурного или классового доминирования,в той же мере новый подход не только не противопоставляет коллективные интересы индивидуальным стремлениям, но и представляет собой ключевую координацию политики и общественной жизни в целом.

Социальные антиномии требуют принятия политических мер для социально-экономической, политико-институциональной и/или символико-культурной перестройки, которая, если она будет реализована, улучшит доступ отдельных граждан к политической системе. «Спорная политика» в основном выступает в качестве «неофициальной» политики: такая политика, хотя и находится в постоянном и плотном взаимодействии с государством и другими официальными органами, является в первую очередь надинституциональной. «Частные» политические субъекты, которые представляют интересы определённых социальных групп, лишены обычного доступа к политической системе, правительственным агентам и ресурсам. Что же касается формирования системы знаний в современном обществе, А. Заман развивает положение Фуко о том, что современные науки, касающиеся человеческой деятельности, претендуют на универсальные научные истины, но фактически выражают лишь этические и политические установки конкретного общества [20]. С другой стороны, люди в значительной мере подвержены когнитивным иллюзиям, «иллюзиям принятия решения» [16].

Если наше рассмотрение антиномий общественного-политического развития релевантно основным социальным тенденциям, если история государства выглядит и более рациональной и, одновременно, болееподвержено влиянию страстей, чем отдельный индивид, то следствием будет проблематизация задачи общественного *контроля* над государством. Вопрос общественного контроля, как и проблему рациональности государственных политических решений,нельзя редуцировать лишь до проблемы социально-экономических отношений.

Проблема общественного контроля, как и проблема рациональности государственных политических решений, выражаются в необходимостивыработать адекватные механизмы действенного институционального формата. Концепт справедливости определяет функцию общественного контроля, сам же концепт «контроля» напрямую связан с одной их фундаментальных антиномий политического бытия ипретендует на *практическое* разрешение данной антиномии; предполагается, что государство не должно сосредотачивать всю полноту власти; предполагается, что государство осуществляет должное управление, организацию и создаёт условия для того, чтобы индивид мог проявить себя в качестве существа политического; и при этом предполагается, что диктатура становится недопустимой.

Правильно проблематизировать вопрос политического контроля смогли лишь те политические философы, которые предварительно осознали саму специфику политики и смогли эксплицировать имманентно присущие ей антиномии. Были выделены два важнейших аспекта политически здорового государства: свободное и независимое общественное мнение, а также независимое правосудие.

Эти два аспекта имеют первостепенную важность, именно концепты *справедливости* и *свободы* лежали в основе большинства общественно-политических антиномий, нашедших своё выражение в протестных движениях и революциях;политические протестные выступления вдохновляли не только экономические и социальные интересы, цели были в

первую очередь политическими; иначе говоря, протесты были инспирированы новым социальным «отчуждением», отчуждением политической власти от гражданского общества. Вопрос политического отчуждения, обрисовывается уже в «Горгии» [11], и является проблемой не-истинности бытия и явления, сопряжён с мистификацией. Эта же проблема заостряется в отношении власти к действительной, позитивной свободе отдельных граждан, в отношении к концептам справедливости и свободы. Реализация себя, даже в свободном обществе, не является простым процессом, однако участие в политическом том или ином институте даёт его члену доступ к определённым ситуациям и возможностям действия [7]. В таком случае «ситуация действия представляет себя как область актуальных потребностей в согласовании и возможностей действия...» [15].

Отдельно стоит подчеркнуть вклад политики патернализма в формирование антиномий. Патернализм зачастую носит нормативный характер, однако философские его основания являются достаточно спорными. А. Рубинштейн замечает: «патернализм в любой форме, включая либертарианский, асимметричный и политику мягкого подталкивания, основан на нормативном стандарте, на знании что должно быть» [12]. Свой вклад в формирование политических антиномий вносит и финансовая сфера, о чём содержательно пишет *Арриги [2]. Именно финансовые отношения, имущественное право вносят значительные ограничения, можно сказать фреймируют, концепты справедливости и свободы.*

Согласно поставленным задачам, в статье был проведён философский анализ концептуальных политических антиномий. В качестве эмпирических данных для такого анализа послужили исторические и социальные факты, наблюдения и интерпретации философов-современников описываемых событий. удалось эксплицировать связь между формированием противоречий в определённом социуме на концептуальном уровне и их практической реализацией в политической деятельности. Так на концептуальном уровне выявлено и изучено противоречие «рациональных» (утилитарного свойства) побуждений коллективных действий культурным экспрессивным импульсам. На уровне политической реализации выявлен и изучен двоякий характер социальных движений, являющихся как продуктом структурной детерминации так и результатом преднамеренных стратегических действий. Показана тесная коэволюционная связь двух уровней, предполагающая сложные взаимные влияния и петли обратной связи.

Список использованных источников

1. *Аристотель*. Политика. // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т.3; М.: Мысль, 1984. С. 302–456.
2. *Арриги Д.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территориябудущего, 2007. 211 с.
3. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2005. 452 с.
4. *Деррида Ж.* Поля философии. М.: Академический Проект, 2012. 312 с.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 332 с.
6. *Корсунский А.Г.*Дискуссионные вопросы экономической методологии и их философские основания // Экономические и гуманитарные науки. 2017. №6 (305). С.3-16.
7. *Корсунский А.Г.* Коллективная интенциональность // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С.26-30.
8. *Корсунский А.Г.*Политический дискурс в работах современных французских философов // Дискурс-Пи. 2016. №1 (22). С. 108-111.
9. *Корсунский А.Г.* Свобода как философский концепт и как политическая практика // Вестник Томского государственного университета. 2018; – № 41. – С.57-64.
10. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

11. *Платон.* Горгий // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1968. С 157-191.
12. *Рубинштейн А. Я.* Методологический анализ теории опекаемых благ. М.: Институт экономики РАН, 2014. 64 с
13. *Руссо Ж.Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. 704с.
14. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М.: Идея-Пресс, 1999. 220 с.
15. *Хабермас Ю*. От критической теории к теории коммуникативного действия. Ульяновск: Изд-воУльяновскогогос. техн. ун-та, 2001. 134 с.
16. *Ariely D.* The Hidden Forces That Shape Our Decisions Publisher Harper Collins. San Francisco: Cooper & Company, 2008. 280 p.
17. *Badiou A.* Louis Althusser. L.: Verso, 2009. 54p.
18. *Davidson D.* Actions, Reasons and Causes // Journal of Philosophy, 1963, №60. 685–700 pp.
19. *Foucault M.* L'éthique du souci de soi comme pratique de la liberté // Dits et écrits: 1954–1988. Tome IV:1980–1988. Paris: Gallimard, 1994. 721 p.
20. *Zaman A.* The Normative Foundations of Scarcity// Real-world economics review. 2012. №61. 22-39 pp.

С. В. Краснов

ПРИМЕНЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА ЮРИДИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Возможность применения марксистской диалектики при изучении юридических явлений у многих вызывает сомнение. И это сомнение справедливо, учитывая многолетний печальный опыт общения ученых с пресловутой "материалистической диалектикой", которая агрессивно навязывала свои догмы науке. Это, однако, не закрывает дороги попыткам применения в научных исследованиях разнообразных форм диалектики. Речь идет, прежде всего, о применении в научных исследованиях методологических принципов диалектики и основных диалектических категорий. Это возможно, поскольку марксистская диалектика оформилась на основе обобщения значительного фактического материала. Обобщения эти касались не отдельной области знаний, а многих сторон природы и истории, познания и практики на достижения отдельных как мыслителей, так и современного научно-технического прогресса.

В качестве главных методологических принципов марксистской диалектики выступают следующие требования:

Принцип единства логики, диалектики и теории познания.

Принцип объективности;

Принцип конкретности;

Принцип всесторонности;

Принцип историзма;

Принцип развития.

Единство логики, диалектики и теории познания[10 с. 127].

Тезис о единстве диалектики, логики и теории познания означает рассмотрение индивидуального процесса познания как воспроизведения основных ступеней общеисторического процесса познания, а также в выработке взгляда на теорию познания как на учение о познавательных отношениях субъекта и объекта, в которых сам объект выступает и постигается в разных формах. Реализация такого понимания теории познания позволяет вскрыть познавательную функцию философских категорий как общих определений объекта и вместе с тем как ступеней его познания. В диалектике категории

рассматриваются как общие определения объекта и в своей систематической связи, как ступени познания, образуют тождественное содержание теории познания[9, с.56].

Процесс использования марксистской диалектики в юридических исследованиях на первый взгляд выглядит очень просто нужно лишь поставить ее "с головы на ноги", "перевернуть", и все стало на свои места: сформулированные Гегелем законы развития "Абсолютной идеи" станут "законами развития материальных систем". Однако тот, кто представляет себе дело, таким образом, глубоко ошибается. Для того чтобы установить, что в диалектике относится к особым формам развития знания, а что к всеобщим формам развития материальных систем, что является действительно всеобщим, а что интерпретацией особого как всеобщего– для всего этого необходимо было выйти за сферу самого мышления и заняться изучением действительности: природы и общественной жизни, в частности юридических явлений. В конце концов, диалектика - это, прежде всего применение диалектического способа мышления к изучению природной и общественной жизни. Необходимой предпосылкой создания диалектики не как философско-спекулятивной теории, а как философской теории развития, является преодоление идущего от Гегеля догматического отождествления диалектики и онтологии, расчленение предмета диалектики как теории развития и диалектической логики (диалектики как теории познания), создание диалектики как науки о всеобщих законах развития природы, общества и мышления. Поэтому совпадение диалектики, логики и теории познания есть не абстрактное тождество, а диалектическое единство разных по предмету изучения, но генетически связанных между собой отраслей философского знания[6, с.87].

Объективность рассмотрения требует при исследовании любого объекта исходить из самого объекта, и не из нашего мнения об этом объекте, т. е. необходимо подчинять наше мышление о предмете самому предмету, внутренней логике взаимосвязи и взаимозависимости его сторон, а не подчинять предмет мышления нашему мышлению, не находится при изучении объекта в плену у нерефлексивных представлений.

Принцип объективности рассмотрения, используемый в познании юридических явлений, включает в себя также требование не только изучать собственно явления, но доходить в исследовании до сущности этих явлений, открывать закономерности, которым они подчиняются. Этот принцип означает также требование различения предмета и знания об этом предмете, а главное - четкого различения экономических и идеологических отношений, объективных и субъективных факторов экономической и социальной жизни, различения того, что в экономических явлениях - от общественного бытия и что от общественного сознания.

При этом вовсе не обязательно признавать одни факторы (отношения) в качестве "первичных", а другие "вторичных" (хотя так или иначе, речь об этом заходит). Мы лишь должны четко понимать, что является в экономической жизни объективными факторами, во что обуславливается многочисленными видами общественного сознания. Только в такой принцип объективности в состоянии правильно ориентировать субъекта в познании социальных явлений.

Важнейшим следствием принципа объективности рассмотрения является требование не идти от вторичных явлений к их причинам, а наоборот, исходя из первичных явлений, из причин, выявлять все возможные следствия[7, с. 230]. Например, при прогнозировании экономического роста исходят из того, что он является вторичным явлением по отношению к другим экономическим явлениям, выступающим в качестве его причины. Отсюда следует вывод, что экономический прогноз есть вторичное прогнозирование, отражающее изменения в будущем других экономических явлений, влияющих на экономический рост. Прогнозирование экономического роста, поэтому должно идти вслед за прогнозами явлений, процессов существенно влияющих на динамику, структуру, характер развития экономики. Поэтому вначале должен быть составлен прогноз, относящийся к первому звену причинно-

следственной системы – динамике, структуре, характеру развития экономики - т.е. к области причин, а уже затем и на основе этого – ко второму звену – к последствиям.

Принцип конкретности требует, чтобы мы при изучении объекта исходили из особенностей этого объекта, в частности из специфических условий его существования, а принципы и методы исследования, выработанные в рамках общей методологии науки использовать лишь в качестве ориентиров, направляющих познание на выявление его внутренней природы. Принцип конкретности в работе юриста означает, в частности, что при построении версии должны приниматься во внимание не любые факты, а лишь те, что относятся к данному делу. Кроме того, характер данной версии должен соответствовать логическим средствам, применяемым для её построения. Так, версия, построенная с помощью индукции будет, как правило, менее общей, чем та, что получена при помощи дедукции. Принцип конкретности означает также то, что в исследовательской деятельности выбор способа доказательства зависит от особенностей области исследования[5, с.22].

Важнейшим принципом диалектического метода является всесторонность рассмотрения, который означает требование рассматривать объект во всех его связях и отношениях. Действительно. Познание предмета невозможно без изучения всех его сторон, без охвата всех связей предмета с окружающим миром. Конечно, такое познание есть скорее идеал, чем реальная практика. Мы никогда не сможем полностью реализовать это требование полностью, но принцип всесторонности предостережет нас от ошибок и омертвения". Этот принцип следует из диалектических понятия системы как всеобщей связи вещей и явлений. В самом деле, если предмет представляет собой систему, т.е. единство взаимосвязанных сторон, свойств и т.д., если он находится в многочисленных связях с другими предметами, то, чтобы познать предмет, необходимо охватить все эти связи и отношения[8, с.76].

В юридической практике принцип всесторонности исследования предполагает учет всех обстоятельств дела, всего исходного эмпирического материала. Версия или гипотеза должна дать рациональное объяснение всем собранным фактам, не допуская никаких исключений. Если версия строится с учетом лишь части фактов, тех, что согласуются с выдвинутым предположением, и игнорирует те факты, которые ей противоречат, то она не может считаться надежной. Будучи односторонней, а значит, и необъективной, такая гипотеза обычно уводит следствие в сторону от истины. Всесторонность также требует построения всех возможных в конкретных условиях версий. Поскольку первичный материал в любом эмпирическом исследовании, как правило, бывает неполным, он тем самым дает представление лишь об отдельных фактах или зависимостях между явлениями. Этого недостаточно, чтобы выявить всю цепь взаимосвязей, необходимо предложить все возможные объяснения, необходимо построить ряд версий, по-разному объясняющих неизвестные обстоятельства. Часто у исследователя возникает искушение заниматься лишь одной, наиболее правдоподобной версией, игнорируя другие. Это задержать расследование или привести к судебной ошибке.

Справедливости ради, стоит заметить, что следование принципу историзма и утверждение всеобщей историчности применительно ко всему сущему одна из доминирующих тенденций постклассической философии[1, с.302]. Историчность ныне предстает понятием, аккумулирующим главные параметры изменчивой жизни. Принцип историзма требует рассматривать объект в его развитии, самодвижении, изменении, т.е. изучать его возникновение, переходы от одних стадий развития к другим вплоть до настоящего времени, с тем, чтобы предсказывать его будущие состояния. Принцип историзма является следствием принципа всеобщего развития. Действительно, если все в мире находится в движении, изменении, то для того чтобы познать то или иное явление, нужно изучить процесс его изменения, его развития. Вместо простого собирания фактов изменения, принцип историзма ставит на первый план идею исторической изменчивости. Поэтому историчность и есть сама идея процесса, а не его описание. Особенно важную роль

принцип историзма играет в познании юридических явлений. Он помогает исследователю не затеряться в массе фактов, цифр и т.п. Он помогает не растеряться перед лицом громадного разнообразия борющихся мнений. Этого не случится, если исследователь не забудет проследить основные исторические связи между фактами, количественными показателями и т.п.

С точки зрения историзма необходимо смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем оно стало теперь. Факты необходимо рассматривать в общем контексте той или иной исторической эпохи. Не следует модернизировать исторические события, так же как не следует экстраполировать сегодняшние экономические факты и процессы в будущее. Историзм, ставит во главу угла принцип уникальности, несравнимости исторических состояний и непреложности к ним каких бы то ни было неисторических масштабов оценки[2, с.158].

Принцип историзма не сводится к требованию воспроизвести историю исследуемого объекта в том виде, в каком она совершалась в действительности. Этот принцип требует выявлять, прежде всего, закономерности смены одних этапов развития объекта другими. Это в свою очередь позволяет научно объяснить свойства и связи объекта, раскрыть его сущность и предсказывать, с определенной степенью вероятности, его будущее развитие. Образцом историзма является метод изложения Гегелем истории философии, при котором ни одна философская теория не отбрасывалась без разбору, а, наоборот, всякое философское направление получало у него законное место, органически входя в исторический прогресс развития мысли.

Суть принципа развития может быть выражена в следующем: в любом явлении имеют место сочетались прогрессивные, регрессивные и статические изменения, но любое явление или само совершает прогрессивное развитие, или совершает его в составе другого явления. Развитие экономики, взятое в целом, отличается безусловной прогрессивной направленностью, восхождением от низшего к высшему. Оно есть развитие, т.е. прогрессивное движение по восходящей спирали, движение противоречивое, включающее в себя отступления, возвращения назад. Однако в целом это движение от форм простых экономических форм к формам более сложным, от примитивных экономических систем к высокоорганизованным.

Диалектика предполагает рассмотрение всех явлений и процессов не только как находящихся в системе всеобщей взаимосвязи и взаимообусловленности, но и как постоянно развивающихся. Понятие "развитие" в философской литературе определяется как "закономерное качественное изменение материальных и идеальных объектов, характеризующееся как направленное и необратимое"[3, с.34]. Именно направленность и необратимость отличают развитие от простых изменений. Изменения вследствие направленности и необратимости могут накапливаться и, достигнув некоторой определенной "меры накопления", дать качественно новое состояние объекта, не только не сводимое к его прежнему состоянию, но даже отрицающее его.

Применительно к экономике это означает, что их сущность современных экономических явлений может быть понята только из их развития. Только в процессе развития сущность не только проявляется в явлении, но и может быть отделена от него. Только в процессе развития сущностные моменты экономических процессов могут быть отделены от их формы, т.е. всего несущественного, преходящего, неважного. Все конечное, временное, что не несет в себе ничего необходимого для развития экономических и социальных процессов образует, по терминологии Гегеля, "только историческое", внешний слой исторической реальности, лишенный разумности и истинного. Именно поэтому все "действительное" - т.е. существенное, сущностное, в том числе и в юридических явлениях действительно разумно, а все разумное - т.е. истинное и необходимое - действительно.

Диалектика исходит из того, что совершающиеся изменения имеют своей подоплекой качественно - количественное взаимодействие. В самом деле - не только вещи, но и явления, и процессы (в том числе экономические) отличается чем-либо от других вещей, явлений и процессов. Если данный предмет для нас ничем не отличается от всякого другого, то тогда невозможно говорить и о нашем познании этого предмета. Если же мы познаем данный предмет (процесс, явление), то, следовательно, он есть для нас нечто, а если нечто, то нечто определенное, а если нечто определенное, то, значит, определенная совокупность тех или иных свойств. Совокупность всех свойств в их целостности и есть качество. Поэтому, если мы действительно познаем нечто, то мы, следовательно, обладаем и знанием качества этого нечто, то есть определенности, выделенной из окружающего мира.

Процесс развития сочетает в себе единство непрерывного и прорывного. Непрерывные изменения, т.е. постепенные количественные изменения, и неразрывно связанные с ними изменения отдельных свойств в рамках данного качества обозначаются понятием эволюция. Однако в более широком смысле это понятие применяется для обозначения развития систем, имеющих глобальный характер, например эволюция звезд, эволюция растительного и животного царств, а также самого человека. Непрерывность в развитии системы выражает ее относительную устойчивость, качественную определенность, а прерывность – ее переход в новое качество. Абсолютизация того или иного момента в развитии системы является ошибкой. Утверждение только прерывности ведет к нарушению связи, взаимодействия, а утверждение обратного, то есть сплошной континуальности (непрерывности), исключает качественный переход. Системы развиваются ритмически и рождение чего-то нового представляет собой процесс взаимопревращения количественных и качественных изменений. Основой этого процесса взаимопревращения выступает постепенное накопление количественных изменений в системе, а также постоянное качественное обновление ее структурных элементов[4, с. 201]. Существует многообразие количественных изменений. Это изменение и числа элементов объекта, и объема информации, и скорости движения, и степени проявления того или иного качества и т.п. Любое из этих количественных изменений ведет к появлению нового качества.

Появление нового качества – это, по существу, появление нового предмета с новыми закономерностями жизни, с новой мерой, в которой заложена уже иная количественная определенность. При этом глубина качественных изменений может быть различной: она может, как ограничиваться уровнем данной формы движения, так и выходить за его пределы. Процесс становления нового качественного состояния противоречив, он есть единство уничтожения и возникновения, бытия и небытия, отрицания и утверждения. Мера, выражающая единство количества и качества как применительно к предметам, для которых характерно простое превращение в пределах данного уровня организации системы, так и границам перехода с одного уровня организации системы на другой, является как бы межевым знаком процесса развития.

Список использованных источников

1. Бабушкин В. У. О природе философского знания. М.: Наука, 1978.- 208 с.
2. Барг М. А. Категории и методы исторической науки. Москва: Наука, 1984. — 315 с.
3. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., Высшая школа, 1963.- 120 с.
4. Кузнецов В. И. Труды по методологии науки. М., **Наука**, 1975. - 296 с.
5. Михайлова И. Б. Методы и формы научного познания. Мысль, 1968. - 111 с.
6. Налетов И. З. Конкретность философского знания. М., Мысль, 1986 – 240 с.
7. Никифоров А. Л. Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. — 280 с.
8. Подкорытов Г. А. О природе научного метода. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988.—. 224 с.

9. Шевырев В. С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984. — 232 с.

10. Шептулин А. П. Диалектический метод познания. М., Политиздат, 1983. — 320 с.

А.И. Курицын

КРАЙНЕ ПРАВЫЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В. В РАБОТАХ В.И. ЛЕНИНА.

Анализ и изучение особенностей формирования и возникновения черносотенного движения, фактически начинается с самого момента формирования данного политического направления. Возникнув как объединение салонных кружков правых деятелей, оно достаточно быстро получило определённую поддержку различных сил и набрало достаточно влияния для того, что бы заявить о себе.

Появившись в самый разгар революции 1905-1907 гг., черносотенцы ярко заявили о себе наиболее неприкрытым требованием борьбы с революцией любым способом и, не стесняясь в средствах. Выступая последовательными противниками революции как абсолютно недопустимого явления, правые, естественно, не могли не привлечь внимание всех революционных сил.

Первый, самый краткий анализ политической деятельности правых (и не только) В.И. Ленин делает ещё в сентябре 1906 г., указывая, что «… и открытая революционная борьба в форме стачки, восстания и т. п., и новая избирательная кампания потребуют от нашей партии ясного и отчетливого определения своих отношений к различным партиям, а это возможно лишь на основании научного, т. е. классового анализа их». На основании данного подхода, автор выделяет пять основных типов политических организаций того времени: черносотенцы, октябристы, кадеты, трудовики и социал-демократы [8, т.14, с.21-22].

Требования правых сохранения и укрепления самодержавия, вступали в прямое столкновение со стремлением широких слоев населения к демократизации, поддержанного революционными и либеральными партиями. Поэтому именно эти организации, наряду с остальными противниками самодержавия стали главными «врагами» и противниками правых партий и организаций.

Разъясняя свою позицию, правые отмечали, однако, что ни какой Манифест 17 октября, ни какие «свободы», ни в коем случае не ограничивают власть императора, самодержавие должно оставаться «незыблемым, каким было и встарь, и должно всегда оставаться таковым для блага и процветания России» [1, т. 1, с. 190]. В частности, по этому поводу, В.И. Ленин пишет, что черносотенцы «хотят не «конституции 17-го октября», как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия. В их интересах — вся та грязь, темнота и продажность, которые процветают при всевластии обожаемого монарха. Их сплачивает бешеная борьба за привилегии камарильи, за возможность по-прежнему грабить, насильничать и затыкать рот всей России» [8, т.14, с.26].

Анализируя как программные положения черносотенцев, так и последующею эволюцию взглядов В.И. Ленина на деятельность правых политических организаций, можно констатировать, что он одним из первых совершенно справедливо заметил, что Союз русского народа (как крупнейшая партия правых) «вовсе не против представительных учреждений вообще… Союз русского народа стоит за существование Гос. думы в роли «помощницы» [10, т. 21, с. 278]. В частности, именно на это указывал один из лидеров Союза русского народа Н.Е. Марков в своих показаниях Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства: «мы толковали действующий закон именно в том смысле, что конституции нет, а есть народное представительство» [4, т.6, с. 191]. И он же писал в официальном органе СРН газете «Земщина»: «можно быть недовольным 3-й, 4-й Думой, 20-

й, разгоните их, выберите настоящую, русскую, но, как учреждение, Государственная Дума необходима: без этого России не существовать» [3, с. 35].

Одним из важнейших программных положений монархистов, было признание православия «основою русской жизни» [1, т. 1, с. 190]. По мнению черносотенцев, само существование русского народа невозможно без признания главенствующей роли в жизни империи православия как фактически государственной религии, одного из столпов общества, монархии, традиций, без которых невозможно стабильное и процветающее развитие России. Естественно, всё это представлялось атеистически настроенным партиям и группам, в том числе и социал-демократам – как большевикам, так и меньшевикам неприемлемым, вредным, и недопустимым.

Важным камнем преткновения различных политических сил в годы Первой русской революции, необходимо указать национальный вопрос – один из самых сложных и противоречивых в российской действительности начала XX в. Именно неспособность царского правительства его решить тем или иным способом – или признав равенство всех народов вне зависимости от каких-либо политических, культурных или религиозных ограничений, и тем самым предоставить представителям всех национальностей право культурно-национальной автономии (а в перспективе – и политической), или используя существующий аппарат насилия и принуждения проводить жёсткую политику русификации, что, по мнению, В.И. Ленина, противоречило бы, прежде всего интересам именно русского народа [7, т.24, с. 295].

Правительство Николая II, остановившись на различного рода полумерах, в конечном счёте подвергалось – критике как левыми, так и правыми, так и не определившись с каким-либо окончательным решением данной проблематики, и испытывало как недовольство правых – требовавших решительных действий – так и левых, настаивавших на дальнейшей демократизации политической жизни вообще, и национальных отношений в частности.

Среди наиболее известных лозунгов правых начала XX в., можно указать такие, как «Россия для русских» [11, т.1, с. 169] и «единство и неделимость России» [1, т. 1, с. 191]. Родившись в весьма сложное и политически неоднозначное время революционных потрясений, по мнению правых, они стали символом политических требований и притязаний русского народа, как их понимали ведущие черносотенные организации, в частности Союз русского народа.

Признавая, что «русская народность, как собирательница земли Русской, создавшая великое и могущественное государство, имеет первенствующее значение в государственной жизни», правые определяли значимость народов Российской империи «сообразно степени готовности отдельной народности служить России и русскому народу в достижении общегосударственных задач» [2, с. 278].

Отдельно отмечалось, что вне зависимости от региона Российской империи, и населяющих его народов, государственным языком должен быть русский язык [12, с. 412]. Именно против этого, мы находим у В.Л. Ленина самые решительные возражения, в частности, в работе «Нужен ли обязательный государственный язык». Рассуждая о позиции правых, он пишет что аргументы «черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России». [7, т.24, с.293]

Необходимо отметить, что признавая неизменную важность национального вопроса для России периода политических трансформаций начала XX в., всё же важно помнить, что наиболее сложным, важнейшим вопросом оставался аграрный. Так, именно он, в конечном счете, спровоцировал кризис как первой так и второй Государственных Дум, привёл к

известному третьеиюньскому перевороту, а в конечном итоге определил симпатии многомиллионного крестьянства Российской империи во время Февральской и Октябрьской революций.

Черносотенцам, претендовавшим на всесословный характер, было крайне принципиально сформировать такую аграрную программу, которая удовлетворила бы и крестьян, и прежде всего помещиков. Поэтому выступая за расширение «крестьянского землевладения», черносотенцы отмечали, что «всякая собственность, в том числе и земельная, должна быть неприкосновенна» [1, т. 1, с. 193]

Таким образом, правые сразу исключали любые возможные варианты принудительного наделения крестьян землей, включая в том, числе, и такой, как обязательный выкуп земли у помещиков, с последующей передачей крестьянам.

По мнению черносотенцев, крестьяне могли надеяться на справедливое решение земельного вопроса только на основе царских распоряжений и манифестов, а соответственно – только царь и может помочь крестьянам, и поэтому им следует не участвовать в любых аграрных волнениях, но надеяться на царскую волю [11, т.1, с.169].

Следуя в русле проводимой П.А. Столыпиным аграрной политики, правые настаивали на том, что необходимо передать крестьянам на выгодных для них условиях все государственные сельскохозяйственные земли. Учитывая то, что большинство таковых земель находились в азиатской части империи, преимущественно на Дальнем Востоке и Сибири, это фактически была поддержка курса царского правительства на организацию переселения крестьян в слабо освоенные регионы империи.

Одной из действенных мер, по мнению правых, должна была стать покупка земли (в том числе и сервитутов) у частных владельцев за счёт государства, с последующей льготной продажей крестьянам. Также предполагалась организация ускоренного порядка продажи земли для тех крестьян, которые стремились продать свою землю, и заняться несельскохозяйственными работами. Необходимой мерой, по мнению черносотенцев, было устранение чересполосицы, которая в значительной степени затрудняла эффективное использование земли.

Черносотенцы считали, что государство должно сократить своё вмешательство во внутренние дела крестьянских общин, сократив регулированию к разумному минимуму. [1, т. 1, с. 194-195]

Однако предлагаемые меры, как известно, не нашили широкой поддержки у крестьянства, так как не решали самой главной проблемы –

наделение крестьян землёй. В.И. Ленин обращается к этой проблеме несколько раз, отмечая, в частности в своей работе «Крестьянство и выборы в IV Думу» [6, т.21, с. 198-200], а также в известной статье «О черносотенстве» [9, т. 24, с.18-19] то, что именно невозможность решить аграрный вопрос в рамках официальной политики царского правительства и привёла к массовому оттоку из правых партий крестьян, и как следствие, катастрофическое падение численности данных партий в период с 1907 г. по 1912 г. [5, с.32]

Подводя, таким образом, определённый итог политическим взглядам правых, будет уместно процитировать мнение В.Л. Ленина, в котором он, фактически, выразил отношение к черносотенцам революционно-демократического лагеря, «программа Союза русского народа повторяет, в сущности, старый лозунг времен крепостного права – православие, самодержавие, народность» [10, т. 21, с. 277].

Список использованных источников:

1) Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную Думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН и обязательная для всех отделов // Правые партии: документы и материалы, 1905-1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т. 1 Правые партии 1905-1910 гг. С. 190-197

2) Избирательная программа для выборов в Государственную Думу, объединившихся «Русского собрания», «Союза русского народа» и их единомышленников //

Правые партии: документы и материалы, 1905-1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т.1 Правые партии 1905-1910 гг. С. 277-279

3) Информация Русского Собрания в газете «Земщина» // Правые партии: в 2 т. / редкол. Ю.И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2 Правые партии 1911-1917 гг. С. 35

4) Допрос Н.Е. Маркова от 24 июля 1917 г. // Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. 6: Допросы и показания гр. П.Н. Игнатьева, гр. С.И. Велепольского, Н.В. Плеве… [и др.]. М.-Л.: Госиздат, 1926. С. 175-206

5) Кирьянов Ю.И. Численность и состав крайних правых партий в России (1905 — 1917 гг.): тенденции и причины изменений / Ю.И. Кирьянов // Отечественная история. 1999. № 5. С. 29-43

6) Ленин, В.И. Крестьянство и выборы в IV Думу / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912 гг. С. 198-200

7) Ленин, В.И. Нужен ли обязательный государственный язык / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Госполитиздат, 1968. 1973. Т. 24: Сентябрь 1913 – март 1914 гг. С. 293-295

8) Ленин, В.И. Опыт классификации русских политических партий / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1972. Т. 14: Сентябрь 1906 – февраль 1907 гг. С. 21-27

9) Ленин, В.И. О черносотенстве / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Политиздат, 1973. Т. 24: Сентябрь 1913 – март 1914 гг. С. 18-19

10) Ленин, В.И. Политические партии в России / В.И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. М.: Госполитиздат, 1968. Т. 21: Декабрь 1911 – июль 1912 гг. С. 275-287

11) Листовка Союза русского народа. К русскому народу! // Правые партии: документы и материалы, 1905-1917 гг.: в 2 т. М.: Росспен, 1998. Т.1 Правые партии 1905-1910 гг. С. 168-170

12) Устав общества под названием «Союз русского народа» // Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. / сост. А. Черновский. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 411-418

Е.К. Кушнерева

«ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РАДИКАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В РОССИИ В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ»

Аннотация: *The article is devoted to the study of radicalization of national communities in the North Caucasus in Russia in the early 1990s, using K. Marx's formative approach. The tasks include –the definition of ideology-logical causes of Islamic radicalism in the North Caucasus in the early 90's years of the twentieth century, as well as consideration of specific manifestations of Islamic radicalism in the North Caucasus in the early and mid-90-ies. The result was certain of was-having already experienced a way to overcome the radicalization of religion is considered by the economic and political factors and the historical background to the formation of a radicalization of Islam in the North Caucasus.*

Ключевые слова: *Ваххабизм, исламизм, радикализм, Северный Кавказ, постсоветский период, мюридизм, мусульмане, формационный подход, К. Маркс, Россия.*

Формационный подход изучения этнической истории, т.е. марксистская теория наций является актуальным исследовательским методом и по сей день. В данной работе, вопрос

коснется причин радикализации ислама на территории Юга России. Здесь малые народности, удаленной от городской среды, которых не затронула урбанизация, находятся на более низкой стадии формационного развития. Об этом может судить традиционный уклад жизни и культуры. По Марксу, базис общества определяет надстройку, что в совокупности является культурой, политикой и общественным мировоззрением [8, с.55-89]. Дойдя в развитии по сути до коммунистического строя – народности Северного Кавказа восприняли это наиболее болезненно его крушение. Резкое изменение политико-социального уклада привели к отбрасыванию этносов Северного Кавказа в доиндустриальную стадию развития, на тот уровень, в котором они вошли в состав России в XIX веке. Т.е. в эпоху разложения родового строя, с его патриархальным рабством, бесправием женщин, трайбализмом и всеобщей коррупцией госаппарата. Начался активный поиск альтернативной идеологии, противостоящей вестернисткому выбору России. Формационная теория позволяет рассмотреть экономическое развитие данных сообществ Северного Кавказа и найти корень тех событий, которые отразились в длительной войне, терактах, и т.д.

Россия в постсоветский период в 90-е годы, помимо проблем приближающегося развала, пережила появление радикального исламизма, который, в условиях перестройки, прикрывался установками ислама. В дальнейшем, на этой базе развивался религиозно – политический экстремизм и терроризм. Причины появления, история образования, идеология и дальнейшее развития этих феноменов является основной проблематикой данного исследования. Сразу следует упомянуть, что исламский радикализм не отождествлен с исламом. Исламизм – явление больше политизированное, нежели религиозное [4, с. 207-209]. Религия здесь стоит под идеологическими принципами, оправдывающее значение массового террора.

Цель данной статьи – это определение исторических и социально-экономических причин радикализации ислама на территории СССР и РФ, с использованием формационного подхода К.Маркса. В задачи входит:

- определить идеологические основы причин возникновения исламского радикализма на Северном Кавказе в начале 90-хгодов XX века.
- рассмотреть конкретные проявления исламского радикализма на территории Северного Кавказа в начале и середине 90-х годов.

Проблема терроризма затрагивала Россию еще в царский период, с появлением революционно настроенных обществ, участниками которых являлось славянское население, как правило, центральной части России. Однако, идеология терроризма XIX – начала XX веков затрагивала убийство конкретных личностей из представителей правящей элиты.

Современный же терроризм направлен на уничтожение целых «враждебных народов». Радикальный исламистский радикализм стремиться распространить свои доктрины, а его конечная цель носит глобальный характер – исламизация всего мира. В этом плане он выступает как форма террористической идеологии и практики [1, с.55-67]

Сферой научного интереса радикальный ислам становиться с 80-х годов XX века у многих ученых как историков, так и социологов, политологов и философов. Целый ряд исследователей относили радикальный исламизм к проявлению фундаментализма, в том числе Малашенко А.В. относил исламизм к практическому проявлению второго. Игнатенко А.А. признавал причины радикализации ислама в эндогенности и причины такого в России на территории Северного Кавказа – влияние деятельности исламистов-радикалов и экспорта исламизма из вне. Многие отечественные и зарубежные исследователи говорили о разной степени интенсивности проявления сепаратизма в исламе. В том числе, Р.Г. Ланда еще в середине 90-х гг. сделал прогноз о том, что «...одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и регионализм» [5, с. 267]. То есть, существует проблема единства между этническим и религиозным сознанием, раскол которого усугубил распад СССР.

В советское время общество воспитывалось на идеалах социализма, коммунизма. Поэтому до ухудшения социально-экономического положения в России национальные и религиозные проблемы не приобретали острого характера, а в дальнейшем они и во все по вышеперечисленным идеалам должны были отмереть.

Ваххабизм стал распространяться на территории юга России в больших масштабах в связи с предшествующим упадком СССР и идей социализма, а также национальными конфликтами и кровавым разделением территории. Следствием этого стали всяческие расколы мусульманского общества в 80-е – 90-е годы на территории Северного Кавказа, Таджикистана, Узбекистана и Поволжья. Расколы происходили на почве разных трактовок учения пророка Мухаммеда и самого Корана. Позднесоветская интеллигенция выбрала вестернистский путь развития страны, но жителям, проживавшим на изучаемой территории, был такие перспективы исторического выбора были не приемлемы. Историческое наследие, культура, и т.д. делали такой выбор невозможным.

Как следствие, в исламских регионах позднесоветской и постсоветской России началось возрождение национального самосознания, связанного с традиционной идеологией, а именно с исламом. Однако формы поиска исламской идентичности оказались неоднозначными.

После событий 1991 года процессы раскола в исламском обществе обострились. Идеи социализма потерпели крах, происходил развал страны и население особо уязвимое искало альтернативу. Присутствовали негативные настроения по отношению к власти, так как уже новообразованная Россия посягала на религию и культуру. Агрессия выливалась не только на правящие слои, но и на русское население, уничтожение которого активно поддерживал Дудаев, уже после прихода его к власти. Ослабление властной структуры и бездействие правоохранительных органов в 1991-1994 привело к оттоку русского населения, но Грозный продолжал оставаться наполовину русским городом. В 1996-1999 годах сращивание государственной власти в Чечне с криминальными организациями принесло еще большой отток славянского населения [6, с. 305-306]. Новые реалии, которые Северный Кавказ не смог принять на момент распада СССР нашли своё отражение в идеях неоваххабизма.

Ещё до распространения ваххабизма, во время Кавказской войны (1817—1864) получило популярность в суфизме такое явление как мюридизм, который заключался в полном подчинении имаму. Его развитие на территории Северного Кавказа затруднило ход войны, из-за своей массовости. На данный период общества Северного Кавказа находилось на общинной стадии развития. Это выражалось в традиционных ценностях, уклада жизни и, таким образом, нашло свое отражение и в политико-экономической деятельностью правящей элиты. Посягательство на традиции и обычаи, попытки России ввести свои законы, которые не были тождественны с ними, встречали агрессию. Общества Северного Кавказа наиболее религиозны, поэтому через религию наиболее лучше харизматичному Шамилю удавалось убедить народ в посягательстве на их культуру. Это еще раз доказывает политический аспект радикального ислама. Данное явление было выражено и в событиях Чеченской войны, правда здесь на смену мюридизму пришел неоваххабизм, на мой взгляд, боле консервативный. Желая добиться отделения Чеченской республики Ичкерия, Басаев создал в 1995 году свою приступную группировку, в ответ на разоружение федеральных сил незаконных вооруженных формирований. Между группами боевиков были распределены ряд городов в России, где должны проводиться теракты. Захватом большого количества заложников, террористы надеялись таким образом воздействовать на органы власти РФ, преследуя цель независимости. Если вдаваться в подробности терактов, в основном условие освобождения заложников являлось вывод российских войск из Чечни. Вся деятельность боевиков проходила под лозунгом «Война за веру!». Следует отметить, что Шамиль Басаев изначально был отрицательно настроен к идеям и принятию ваххабизма в Чечне. Но уже в 1999 году, он стал союзником одного из идеологов религиозного ваххабизма Эмиром Хоттабом, отказавшись от самой идеи светской Ичкерии.

Общим, между ваххабизмом и мюридизмом является идея джихада – вооруженное распространение ислама и в результате он должен стать господствующей религией во всем мире. Очевидно, что идеи джихада оставались «тлеть» в сознании населения Северного Кавказа. И в новых условиях кризиса и крушения Советского Союза они получили идеологическую и политическую подпитку, трансформировавшись в неоваххабизм.

Возвращаясь к вопросу о начале 90-х годов, стоит задаться вопросом: почему наибольший процент радикальных течений ислама распространен на Северном Кавказе (на протяжении нескольких веков)? Урбанизация в этом районе шла в замедленном темпе развития и большой процент сельского населения жили в бедности и были малограмотными, вкупе с положительной динамикой рождаемости. Такая прослойка жителей уязвима ко всякого рода радикальным проявлениям, находясь в поиске некой защиты у активного пропагандиста религиозного учения. Эти люди обладали харизмой, а также необходимым количеством материальных ресурсов, необходимой для призыва к вооруженной борьбе против «неверных». Как было уже сказано, главная причина – это развал СССР и, следовательно, разочарование в идеологии коммунизма-ленинизма. Другой важный момент, что в террористических актах, направленных на сопротивление колонизаторской политики России участвовало и славянское население, принявшее ислам ваххабитского толка. Это же отмечает и А.И. Вольский, который являлся одним из руководителей российской делегации, отправленной на переговоры в Чечню с Дудаевым после теракта в Будённовске: «А охрана у Дудаева состояла не из чеченцев - целиком из украинцев. Когда шашлык принесли, один, помню, спрашивает: "Вам хай пожирнее?" Я человек простой, говорю: "Ты давай по-русски". Он покачал головой: "Нэ можемо, нэ розумием". Я не стал интересоваться с Западной они Украины или Восточной. Видно было, что люди нанятые и хорошо проверенные. Не примитивные головорезы. Никто из них не выдал, где Джохар скрывался, так его найти и не сумели»[1].

Ваххабизм, как идеологическое течение зародилось в XVIII веке и основателем стал Мохаммед Абд аль-Ваххаб. Стоит назвать главные принципы, которые он разработал в рамках своего учения:

1. Таухид - самый главный принцип – это единобожие и монотеизм. Вера в Аллаха
2. Тавасуль – между Аллахом и верующим человеком не может быть посредников. Запрет на посещение захоронений и любых мест поломничества
3. Такфир – обесценивание религиозных обрядов. Мохаммед Абд аль-Ваххаб говорил, что недостаточно соблюдать все обряды и предписания – «это не сделает тебя мусульманином». Истинными мусульманами он называл тех, кто является приверженцами только его учения, остальные являлись «неверными».
4. Иджтихад» и «таклид - можно руководствоваться толкованиями священных текстов любой богословской школы-мазхаба, если это толкование идёт в русле воззрений Учения аль-Ваххаба[2].
5. Бид’а – обвинение в адрес халифа Усмана в разного рода «нововведениях», противоречащих поступкам и преданиям Мухаммеда. По-другому, ваххабиты отрицают новшества, вносимые в ислам.

Однако, необходимо обратить внимание, что ваххабизм отрицает национальную дифференциацию как таковую. В то же время на Северном Кавказе в начале 90-х годов началось активное национальное развитие, в том числе и прикрытое своеобразной исламской идеологией. В этом плане, неоваххабизм потерпел серьезное поражение. Достаточно вспомнить, что все годы конфликта в Чечне, этнически близкие чеченцам ингуши оставались нейтральной стороной, вторжение отрядов чеченских боевиков в Дагестан в 1999 году

[1]http://www.voinenet.ru/mneniya-i-otsenki/publitsistika-o-voine/700.html
[2]http://www.e-reading.club/bookreader.php/1023265/Myurid_-_Vahhabizm_V_Rossii._Teoriya_i_praktika_terrora.html

встретило ожесточенное сопротивление местного исламского сообщества. Этнический принцип возобладал над религиозным.

В рамках формационной теории, можно предположить вероятные варианты выхода из такого кризиса:

- Прежде всего это борьба с бедностью
- Борьба с трайбализмом
- Борьба с коррупцией в правящих кругах
- Поддержка процессов просвещения населения

Тем не менее, данная общность не развивается по принципу «от низшего к высшему». Исторический процесс здесь происходит скачкообразно. Другая особенность – это урбанизация. Создание индустриальных рабочих мест позволит и решить проблему бедности и занятости и просвещения. Пока комплекс проблем Северного Кавказа не будет разрешен, соответствующая доиндустриальная стадия развития сообществ будет провоцировать протестный экстремизм, в том числе прикрытый религиозными лозунгами, что и соответствует по К. Марксу раннефеодальному сознанию.

Список использованных источников

1. *Добаев И. П.* Ваххабизм как социально-политический феномен в Саудовской Аравии и на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. — 2001. — № 3. — С. 56-67.
2. Добаев И.П. Новый терроризм в мире и на юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2005 – С. 1-15.
3. Добаев И.П., Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе: влияние внешних факторов / Южнороссийское обозрение. Выпуск N 74.; Москва ; Ростов н/Дону: "Социально-гуманитарные знания", 2013.
4. Игнатенко А.А. Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре «Исламизм: глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им. М.В. Ломоносова. - М., 2000; Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001; Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. - М., 1998 - С. 207-209.
5. Ланда Р.Г. Ислам'в истории России. - М., 1995 - С. 267
6. Поляков К.И. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А.Малашенко и М.Б.Олкотт; Моск. Центр Карнеги. - М,, 2001 - С. 305-306.
7. Семёнов Ю. И. Марксова теория общественно-экономических формаций и современность. — 1998.
8. Семёнов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. — М., 1978. — С. 55-89.
1. http://www.voinenet.ru/mneniya-i-otsenki/publitsistika-o-voine/700.html
2. http://www.ereading.club/bookreader.php/1023265/Myurid__Vahhabizm_V_Rossii._Teoriya_i_praktika_terrora.html

И. Г. Ломко

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ К. МАРКСА

Аннотация *Точка зрения Маркса на революцию основана на его интерпретации истории человечества в целом. Согласно его учению, развитие общества сопровождается периодическими конфликтами классов, которые, обостряясь, ведут к революционным переменам. Классовая борьба порождается неразрешимыми противоречиями, присущими любому обществу. Источник противоречий кроется в экономических изменениях*

производительных сил. В относительно стабильном обществе существует баланс между экономической структурой, общественными отношениями и политической системой. С изменением производительных сил противоречия нарастают, что приводит к открытому столкновению классов и в конце концов к революции.

Данную модель К. Маркс применял и к предшествующей феодальной эпохе, и к тому, как он предвидел будущее развитие промышленного капитализма (экономический порядок, основанный на погоне за личной прибылью и конкуренции между фирмами за право продавать свои товары). Такая система порождает разрыв между богатым меньшинством, контролирующим промышленные ресурсы, и обездоленным большинством наемных рабочих. Наконец противоречия между старой феодальной и новой капиталистической экономикой обострились настолько, что приняли форму непримиримых конфликтов между нарождающимся классом капиталистов и феодалами-землевладельцами. Итогом этого процесса явились революции, самой важной из которых стала Французская революция 1789 года. К. Маркс утверждал, что вследствие подобных революций и революционных изменений, произошедших в европейских странах, классу капиталистов удалось прийти к власти. Приход капитализма порождает новые противоречия, которые со временем приведут к следующей серии революций, вдохновленных идеаламисоциализма и коммунизма.

Автор пришёл к следующим выводам:

1. Теория революции, разработанная К. Марксом, не только имеет научную ценность, но и сформировала реальные революционные процессы, совершившиеся в XX веке. В большинстве западных стран (исключением являются Соединенные Штаты) существуют политические партии, которые считают себя социалистическими или коммунистическими.

2. Источником развития социума выступает борьба между антагонистическими общественными классами. Согласно К. Марксу, общества разделяются на классы, владеющие неравными ресурсами. Поскольку существует сильно выраженное неравенство, то наблюдается различие интересов, которое оказывается «встроенным» в социальную систему. Конфликты интересов в определенный момент превращаются в активную борьбу между классами, которая может породить процесс радикальных (революционных) перемен.

3. Исторический материализм усматривает корни социальных изменений во взаимодействии человека с материальной средой. Человеку свойственно активное отношение к миру, стремление управлять им и подчинять своим целям. Ключом к пониманию социальных изменений, утверждал К. Маркс, являются способы, используя которые, люди создают все более сложные и совершенные системы производства. К. Маркс описал этот процесс как рост производительных сил. Перемены, происходящие в производительных силах, вызывают напряжения в институтах надстройки, и чем эти напряжения сильнее, тем настоятельнее необходимость полной и всесторонней трансформации общества. Борьба классов становится все более острой и приводит в конце концов либо к распаду существующих институтов, либо к переходу к новому социальному порядку посредством политической революции.

4. К. Маркс, впервые в мировой истории, рассмотрел народные массы, пролетариат – двигателем исторического прогресса. Социальные изменения могут происходить не только как процессы постепенного развития, но и как революционные потрясения. Периоды постепенной перестройки производительных сил и других институтов сменяются фазами резких революционных трансформаций.

Автор считает необходимым подчеркнуть, что теория революции К. Маркса как общий подход к анализу социальных изменений имеет существенные ограничения. Никакая «однофакторная» теория (К. Маркс преувеличил роль, которую в произошедших изменениях сыграли чисто экономические факторы) не может объяснить всех социальных перемен. Как правило, выделяется ряд важнейших политических, военных и культурных факторов,

влияющих на социальное изменение и приводящих к революциям. Спорным остаётся вопрос о том, что социалистическая система с необходимостью заменит капитализм.

Ключевые слова: *политическая революция, социальная революция, социальные изменения, классовый антагонизм, исторический материализм, промышленная демократия.*

Lomko I.G.

THEORY OF REVOLUTION K. MARX

Abstract *Marx's point of view on the revolution is based on his interpretation on the history of mankind as a whole. According to his teaching, the development of society is accompanied by periodical conflicts of classes, which, escalating, lead to revolutionary changes. The class struggle is generated by intractable contradictions inherent in any society. Economic changes of the productive forces are the source of contradictions. In a relatively stable society there is a balance between the economic structure, social relations and the political system. With the change of productive forces, contradictions are growing, which leads to an open clash of classes and in the end to a revolution.*

This model Marx applied to the previous feudal era, and to how he foresaw the future development of industrial capitalism (an economic order based on the pursuit of personal profit and competition among firms for the right to sell their goods). Such a system creates a gap between the rich minority that controls industrial resources and the disadvantaged majority of wage workers. Finally, the contradictions between the old feudal and new capitalist economies were sharpened to such an extent that they took the form of irreconcilable conflicts between the emerging capitalist class and the landowning feudal. The outcome of this process was a revolution, the most important of which was the 1789 French Revolution. K. Marx argued that as a result of such revolutions and the revolutionary changes that had taken place in European countries, the capitalist class was able to come to power. The arrival of capitalism gives rise to new contradictions that will eventually lead to the next series of revolutions inspired by the ideals of socialism and communism.

The author came to the following conclusions:

1. The theory of revolution, developed by K. Marx, not only has scientific value, but also formed the real revolutionary processes that took place in the XX century. In most Western countries (with the exception of the United States), there are political parties that consider themselves socialist or communist.

2. A source of social development advocates struggle between antagonistic social classes. According to Karl Marx, societies are divided into classes that own unequal resources. Since there is a strongly pronounced inequality, there is a difference in interests, which is «embedded» in the social system. Conflicts of interests at a certain moment turn into an active struggle between classes, which can spawn a process of radical (revolutionary) change.

3. Historical materialism sees the roots of social change in the interaction of man with the material environment. A person has an active attitude towards the word, the desire to control it and subordinate it to its goals. The key to understanding social change, Karl Marx argued, are the ways in which people create increasingly complex and sophisticated production systems. K. Marx described this process as the growth of productive forces. Changes in the productive forces cause tensions in the institutions of the superstructure, and the stronger these tensions, the more urgent the need for a complete and comprehensive transformation of society. The struggle of classes is becoming more acute and in the end leads either to the collapse of existing institutions or to the transition to a new social order through a political revolution.

4. K. Marx, for the first time in world history, considered the masses of the people, the proletariat – the engine of historical progress. Social changes can occur not only as processes of gradual development, but also as revolutionary upheavals. The periods of gradual restructuring of

the productive forces and other institutions are replaced by phases of sharp revolutionary transformations.

The author considers it necessary to emphasize that the theory of the revolution of K. Marx as a general approach to the analysis of social change has significant limitations. No «single-factor» theory cannot explain all social changes (K. Marx exaggerated the role that purely economic factors played in the changes). As a rule, a number of important political, military, and cultural factors are identified that influence social change and lead to revolutions. The question remains that the socialist system will necessarily replace capitalism.

Keywords: *political revolution, social revolution, social change, class antagonism, historical materialism, industrial democracy.*

К. Маркс родился в Германии в 1818 году, но большую часть жизни провел в Великобритании, где созданы его основные работы. Он не мог посвятить себя университетской карьере, поскольку еще в молодости его политическая деятельность привела к конфликту с германскими властями. После краткого пребывания во Франции он поселился в Британии. Большая часть его трудов посвящена экономическим темам, но поскольку он всегда стремился связать экономические проблемы с социальными институтами, его работы глубоки в социологическом, философском, политическом плане.

Описанию революций посвящено множество теорий, что не удивительно, если учесть, какую важную роль в мировой истории они играли в течение последних двухсот лет. Теория политического насилия Чалмерса Джонсона, концепция Джеймса Дэвиса, связавшего революцию с ростом экономических ожиданий, и, наконец, интерпретация коллективного протеста, предложенная Чарльзом Тилли.

В данной статье мы рассмотрим теорию революции К. Маркса, который жил задолго до того, как осуществились революции, вдохновляемые его идеями. Следует отметить, что его теория касалась не только анализа условий, приводящих к революционным преобразованиям, но и указывала пути, как способствовать данным преобразованиям. Какой бы ни была их самостоятельная ценность, идеи К. Маркса оказали громадное влияние на перемены, произошедшие в двадцатом веке.

Точка зрения К. Маркса основывается на том, что он называлматериалистическим пониманием истории: источником социальных перемен являются не идеи и ценности, которых придерживаются люди, а экономические причины. Они в свою очередь, связаны с классовыми конфликтами, представляющими собой движущую силу развития истории. Если выразиться словами К. Маркса вся человеческая история является историей классовой борьбы, так как она неизбежно приводит к социальной революции и переходу к новому общественному строю» [4, с. 419–459]. Для К. Маркса класс – это группа людей, находящихся в одинаковом отношении ксредствам производства, с помощью которых они обеспечивают свое существование. Отношения между классами носят характер эксплуатации и антагонистичны по своей сути. Помимо двух основных классов существуют так называемыепереходные классы. Это классовые группы, которые сохранились от прежних производственных систем и которые могут существовать еще очень долго после того, как старые системы распались. Большое внимание К. Маркс уделяет расслоению внутри классов. Вот некоторые из примеров такого расслоения:

1. В среде высшего класса нередко возникает конфликт между финансовым капиталом (банкирами) и промышленниками
2. Интересы представителей малого бизнеса и владельцев или управляющих крупных корпораций также существенно различаются. И те и другие принадлежат к классу капиталистов, но политика, проводимая в интересах большого бизнеса, не всегда выгодна малому.
3. Внутри рабочего класса имеются люди, долгое время остающиеся безработными, и условия их жизни значительно хуже, чем у большинства остальных

рабочих. Как правило, эти группы состоят в основном из представителей этнических меньшинств.

Концепция класса у К. Маркса указывает на экономическое неравенство, которое является объективным фактором общественного устройства. Классовая принадлежность определяется не представлением людей о своей социальной позиции, а объективными условиями, позволяющими одним группам получать преимущественный по сравнению с другими доступ к материальным благам.

Наиболее важными изменениями для К. Маркса были изменения, связанные с развитиемкапитализма. Капитализм является системой производства, радикально отличающейся от предшествовавших типов экономического порядка, поскольку он предполагает производство товаров и услуг для продажи широкому кругу потребителей. Обладатели капитала – фабрик, машин и крупных сумм денег – образуют правящий класс. Основная же масса населения составляет класс наемных рабочих, или рабочий класс, который не имеет собственных средств существования, а должен наниматься на работу к собственникам капитала. Капитализм, таким образом, – это классовая система, при которой конфликт между классами распространен повсеместно.

Согласно К. Марксу, капитализм в будущем будет вытеснен социализмом или коммунизмом, и социалистическое общество будет бесклассовым. В работе «Критика Готской программы» К. Маркс уточнил, что бесклассовому коммунистическому обществу предшествует классово-неантагонистическое социалистическое общество, которое он рассматривал в качестве первой фазы коммунизма. [1]. В своем письме к И. Вейдемейеру от 05.03. 1852 года К. Маркс писал «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1. Что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства; 2. Что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата; 3. Что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [2, с. 427].

По нашему мнению, К. Маркс имел в виду не полное исчезновение различий между индивидами, скорее он говорил о том, что исчезает раскол общества на небольшой класс, монополизирующий экономическую и политическую власть, и массу трудящихся, практически ничего не имеющих от созданного их усилиями общественного богатства. В новой экономической системе будет господствовать общественная собственность и будет установлен более эгалитарный и предполагающий всеобщее участие социальный порядок.

К. Маркс считал, что изучение развития и возможностей капитализма должно указать средства для его активного преобразования путем использования политических действий. Еще в работе «Тезисы о Фейербахе» мы находим кредо К. Маркса «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [3, с. 4]. Поэтому философские наблюдения К. Маркса были тесно связаны с его политической программой, которая оказала чрезвычайно сильное воздействие на весь двадцатый век. Более трети мирового населения принадлежало к обществам, правительства которых претендовали на то, что их вдохновляют идеи К. Маркса.

К. Маркс был одним из первых авторов, осознавших, что разделение труда отчуждает людей от их работы: промышленные рабочие практически никак не влияют на характер выполняемых заданий, внося лишь небольшую часть в процесс изготовления целого продукта, и совсем не могут повлиять на то, кому и как он в конце концов продается. Работа, таким образом, становится чем-то *чуждым,* заданием, которое рабочий должен выполнить, чтобы получить вознаграждение, но которое по сути своей их совершенно не привлекает.

К. Маркс видит основное противоречие в самой идее современного общества. С одной стороны, развитие промышленности создает необыкновенное богатство, гораздо большее, чем в обществе любого предшествующего типа. С другой стороны, огромная масса людей, чей труд является источником богатства, лишены какого-либо реального контроля над выполняемой работой.

Из чего складывается отчуждение труда? «Во-первых, работа является внешним по отношению к рабочему, не является частью его природы, и, следовательно, он не реализует себя в ней, но отрицает, испытывая при этом чувство унижения, а не удовлетворения, не развивает свои духовные и физические силы, а оказывается изнуренным физически и опустошенным духовно. Рабочий, следовательно, чувствует себя уютно только в часы досуга, тогда как на работе он чувствует себя бесприютным. Во-вторых, его работа является не добровольным, а вымученным, подневольным трудом. Она не является удовлетворением фундаментальной человеческой потребности, а только становится средством для удовлетворения других потребностей. Отчужденный характер работы проявляется сразу же в том, что, как только исчезает физическое или другое принуждение, ее бегут как чумы. Мы приходим к тому, что человек (рабочий) чувствует себя свободным только в своих животных отправлениях, таких, как еда, питье и размножение, а также когда он находится в своем жилище и украшает себя, в то время как в своих человеческих отправлениях он низведен до животного. Животное становится человеком, и человек превращается в животное» [6, p. 124–125].

Для Марксаотчуждение связано не только с чувствами безразличия или враждебности к работе, но со всей структурой промышленного производства в условиях капитализма. Отчуждение выражается в отсутствии у рабочих фактического контроля над условиями своего труда.

Рабочие и капиталисты вступают во все более обостряющийся конфликт. В конце концов, движения трудящихся и политических партий, представляющих интересы рабочих масс, бросают вызов власти капиталистов и свергают существующую политическую систему. Если позиции доминирующего класса особенно прочны, то для совершения необходимых перемен, как утверждает К. Маркс, следует применить насилие. «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир…Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [4, с. 459]. При других обстоятельствах процесс перехода власти может совершиться мирно, посредством парламентской акции, и революция не понадобится.

В XIX веке К. Маркс указывал, что право граждан на участие в политической жизни заканчивается у ворот фабрики. Политическая демократия, считал он, должна быть дополнена демократическими правами в промышленности. Эти идеи были восприняты правительствами ряда современных государств и владельцами предприятий. Самоуправление является одним из принципов немецкой промышленности, рабочие которой имеют право выбирать директоров, они обладают своим голосом в решении вопросов о персонале предприятий. По шведским законам рабочие должны быть представлены в директорском корпусе тех компаний, где занято более ста человек. Рабочие-директоры имеются также в Норвегии.

Существуют серьезные свидетельства в пользу того, что в организациях, где рабочие влияют на процесс принятия решений, наблюдается высокий моральный уровень и хорошая производительность труда. В одной из первых аналитических работ по системам промышленной демократии, в которой описано семнадцать экспериментов Пол Бламберг пришел к выводу, что «увеличение участия рабочих в принятии решений порождает чувство удовлетворения своей работой и другие благотворные последствия. Так, изучение опыта кооперативов по производству фанеры на севере Западного побережья Соединенных Штатов показало, что фирмы с кооперативной системой оказываются на 30-50% эффективнее традиционных компаний того же размера, работающих в этой области» [5, p. 123].

Однако капиталисты в Германии не поддержали предложение К. Маркса по внедрению идей промышленной демократии (самоуправление, организация профсоюзов на предприятиях, привлечение пролетариата к совместной собственности на средства производства) для решения проблемы отчуждения мирным путём. В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают: «рычагом социального

переворота является политическая революция, в результате которой политическая власть перейдёт в руки пролетариата. Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как государственный класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, которые…неизбежны как средство для переворота во всём способе производства» [4, с. 446]. Получается, что политическая борьба рассматривались К. Марксом как средство для достижения экономической свободы пролетариата, и вменялась ему в обязанность. «Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путём революции он превращает себя в господствующий класс и …силой упраздняет старые производственные отношения, то вместе с ними он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще, а тем самым и своё собственное господство как класса. На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [4, с. 447].

К. Маркс ожидал, что в некоторых западных странах революции могут произойти уже при его жизни. Позднее, когда стало ясно, что этого не случится, он обратил свое внимание на другие регионы, в частности, Россию. Он писал, что революция будет успешной только в том случае, если распространится и на другие западные страны. При этом условии революционное правительство России сможет использовать развитую экономику Европы и обеспечить быструю модернизацию в стране.

На основании вышеизложенного, можем сделать ряд выводов:

1. Теория революции, разработанная К. Марксом, не только имеет научную ценность, но и сформировала реальные революционные процессы, совершившиеся в XX веке. В большинстве западных стран (исключением являются Соединенные Штаты) существуют политические партии, которые считают себя социалистическими или коммунистическими.
2. Источником развития социума выступает борьба между антагонистическими общественными классами. Согласно К. Марксу, общества разделяются на классы, владеющие неравными ресурсами. Поскольку существует сильно выраженное неравенство, то наблюдается различие интересов, которое оказывается «встроенным» в социальную систему. Конфликты интересов в определенный момент превращаются в активную борьбу между классами, которая может породить процесс радикальных (революционных) перемен.
3. Исторический материализм усматривает корни социальных изменений во взаимодействии человека с материальной средой. Человеку свойственно активное отношение к миру, стремление управлять им и подчинять своим целям. Ключом к пониманию социальных изменений, утверждал К. Маркс, являются способы, используя которые, люди создают все более сложные и совершенные системы производства. К. Маркс описывает этот процесс как рост производительных сил. Перемены, происходящие в производительных силах, вызывают напряжения в институтах надстройки, и чем эти напряжения сильнее, тем настоятельнее необходимость полной и всесторонней трансформации общества. Борьба классов становится все более острой и приводит в конце концов либо к распаду существующих институтов, либо к переходу к новому социальному порядку посредством политической революции.
4. К. Маркс, впервые в мировой истории, рассмотрел народные массы, пролетариат – двигателем исторического прогресса. Социальные изменения могут происходить не только как процессы постепенного развития, но и как революционные потрясения. Периоды постепенной перестройки производительных сил и других институтов сменяются фазами резких революционных трансформаций.

5. Автор считает необходимым подчеркнуть, что теория революции К. Маркса как общий подход к анализу социальных изменений имеет существенные ограничения. Никакая «однофакторная» теория (К. Маркс преувеличил роль, которую в произошедших изменениях сыграли чисто экономические факторы) не может объяснить всех социальных перемен. Как правило, выделяется ряд важнейших политических, военных и культурных факторов, влияющих на социальное изменение и приводящих к революциям. Спорным остаётся вопрос о том, что социалистическая система с необходимостью заменит капитализм.

Список использованных источников

1. Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. – Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1961. – Т. 19. – С. 9–32 (670 с).
2. Маркс К. Письмо к И. Вейдемейеру от 05.03. 1852 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1962. – Т. 28. – С. 422–428 (767 с).
3. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1955. – Т. 3. – С. 1–4 (629с).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы. – 1955. – Т. 4. – С. 419–459 (615 с).
5. Blumberg P. Industrial democracy: the sociology of participation / P. Blumberg. – London: Scribners. – 1968. – 254 p.
6. Marx K. Alienated labour // Karl Marx: early writings. – Hannondsworth: Harper and row Publishers. – 1963. – 486 p.

Р.С. Лунёв

ГРАЖДАНСКИЕ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫЕ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Аннотация: *Сознательность масс является необходимым условием строительства социалистического общества. Поэтому гражданские права ребёнка заложены в изначальном воспитании в новом обществе. Борясь за право на образование для всех работающих детей и подростков, К. Марк и Ф. Энгельс выступали как решительные сторонники общественной организации воспитания. Основоположники марксизма, выявив социальную сущность гражданского, семейного и трудового воспитания и обусловленность его материальными условиями жизни общества, вскрыли его роль и место в общественной-правовой жизни как при капитализме, так и в условиях социалистического строя.*

The consciousness of masses is a necessary condition of construction of socialist society. Therefore the civil rights of the child are put in initial education in new society. Fighting for the right for education for all working children and teenagers, K. Mark and F. Engels acted as resolute supporters of public organization of education. Founders of Marxism, having revealed social essence of civil, family and labor education and conditionality his material living conditions of society, have opened his role and the place in public-legal life both under capitalism, and in the conditions of a socialist system.

К. Марск (1818-1883) и Ф.Энгельс (1820-1895) – основоположники учения научного коммунизма, В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что воспитание определяется общественными отношениями; они выяснили, что цели и задачи воспитания, его содержание к методы изменяются в различные эпохи, а в одну и ту

же эпоху различно понимаются различными общественными классами. Огромное влияние, которое завоевывает себе в деле изучения права социологическое направление, и, в частности, методы исторического материализма, заставляют с особым интересом отнестись к содержанию и развитию правовых понятий у основоположников материалистического понимания общественных явлений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Мы вправе говорить об обоих мыслителях, не отделяя одного от другого, ввиду того, что воззрения их на природу права и юридического мышления, как и в других областях, были в существенном одинаковы и служили друг другу взаимным дополнением. Правда, оба великих материалиста прошли не одинаковый путь в смысле юридической подготовленности.

Будучи сыном адвоката, Маркс естественно, получает в Бонне и Берлине юридическое образование, хотя, по его собственным словам, «занимался юриспруденцией лишь как подчиненной дисциплиной наряду с философией и историей» [4, с. 68]. Первые попытки юношеских работ Маркса посвящены метафизике права и развитию идей в римском праве. В дальнейшем он переходит к позитивным юридическим наукам и уделяет им также немало внимания [4, с. 69].

Особенный интерес представляют ранние воззрения Маркса на развитие собственности и положительного права из обычного, в которых под идеалистической терминологией уже чувствуется будущий теоретик классовой борьбы. Маркс, отвергая возможность существования наряду с законом обычного права привилегированных, вместе с тем выступает в защиту обычного права нищеты.

«Обычное право привилегированных по своему содержанию противоречит форме закона... Разумное обычное право при господстве общих законов есть не что иное, как привычка к законному праву, ибо право не перестало быть обычаем потому, что стало законом, оно перестало быть только обычаем. Обычай становится разумным, потому что право превратилось в закон, потому что обычай стал государственным обычаем. Обычное право, как отдельная область наряду с законом, имеет потому разумное оправдание лишь там, где право существует наряду и помимо закона, где обычай есть предвосхищение закона. Об обычном праве привилегированных сословий поэтому не может и речи быть. Закон признает не только их разумное право, но часто даже неразумные притязания... закон предвосхитил все возможные выводы из их права... Но если это обычное право привилегированных является обычаем, противоречащим понятию разумного права, то обычное право нищеты противоречит только обычаям положительного права... Форма закона не противоречит ему, оно только еще не получило ее...» [4, с. 71]. «Источник всякого обычного права бедных заключается в неопределенном характере некоторых видов собственности, не делающих ее ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью в смешении частного и публичного права, выступающем перед нами во всех средневековых учреждениях... Рассудок уничтожил промежуточные неустойчивые виды собственности, прибегнув к заимствованной из римского права категории гражданского абстрактного права; законодательный разум тем более считал себя вправе уничтожить обязательства этой неустойчивой собственности по отношению к беднейшему классу, что он уничтожил и его государственные привилегии... Обычаи, являющиеся обычаями многочисленного бедного класса, с верным инстинктом умеют затронуть собственность с ее неоформившейся стороны». И Маркс видит в собирании валежника в частновладельческих лесах вполне законное проявление «захватного права» бедности, которая «в самой своей деятельности находит оправдание своего права» [4, с. 71].

Следует сказать, что К. Маркс и Ф. Энгельс дали глубокую и разностороннюю критику буржуазного воспитания. Они установили, что господствующие эксплуататорские классы превращают воспитание в орудие угнетения трудящихся, в средство укрепления своего классового господства.

На основании изучения огромного фактического материала Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии», К. Маркс в «Капитале» дали подлинную картину всех сторон воспитания, которое получают дети рабочих в капиталистическом обществе, а также ужасающих условий жизни трудящихся и членов их семей.

В соответствии с Гражданским и Семейным кодексами сегодня ребенок имеет право на реализацию своих семейных прав.Особенность реализации прав ребенка состоит в том, что наряду с ним самим в распоряжении его правами участвуют законные представители или учреждения, на которые законом возложена обязанность по охране его прав. Реализация семейных прав включает в себя форму, способы, средства, пределы и другие явления юридического и фактического порядка. Содержание поведения детей или законных представителей как лиц, участвующих в реализации прав детей, составляют семейные права ребенка, права и обязанности родителей (лиц, их заменяющих).

Бесспорно, права принадлежат ребенку. Однако он в силу физической и умственной незрелости не всегда способен самостоятельно определять свое поведение. Лишь в случаях, предусмотренных законом, он может самостоятельно реализовать некоторые семейно-правовые возможности.

В своих наученных исследованиях К. Маркс говорит, что непосильный, изнурительный фабричный труд женщин в условиях капитализма приводит неизбежно к разрушению семьи. Не имея минимальных средств для существования, родители-пролетарии вынуждены отдавать своих детей в раннем возрасте внаем капиталистам. Маркс отмечал, что на лондонских шелковых мануфактурах девятилетние дети работали, получая гроши за свой труд.

В то время как отец и мать работают на фабриках, дети остаются без надзора и поэтому часто гибнут от несчастных случаев. Рабочие и их дети лишены настоящей медицинской помощи. В результате всего этого чрезвычайно велика смертность среди детей рабочих.

К. Маркс и его соратник Ф. Энгельс вскрыли истинный характер того образования, который получают дети рабочих (фабричные школы редки, образование плохое, писать грамотно никто не умеет). В воскресных школах – только молитвы. Говорили, что, давая элементарные знания рабочим, буржуазия держит в своих руках школы и печать и стремится испортить грамотность пролетариата для распространения в его среде своей идеологии.

Энгельс подчеркивал огромную тягу к знаниям, которая свойственна пролетариату, они объединяются и организуют просветительские центры.

Рассмотрим учение о формировании человеческой личности. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что человек наделен от природы задатками. Люди в процессе активного воздействия на природу и общество одновременно изменили и свою собственную природу. Показали, что для формирования людей на новой основе необходимы революционные изменения самих общественных отношений в результате классовой борьбы пролетариата, только активное участие людей в перестройке старого мира приведет к их перевоспитанию. Считали решающим фактором формирования новой личности организацию в новом обществе систему воспитания, всесторонние развитие людей.

Какие же гражданские требования в области народного образования рассматривали К. Маркс и Ф. Энгельс. В условиях буржуазного общества пролетариат должен организованно бороться за знания. В этой инструкции Маркс подчеркивал, что при разумном общественном строе дети с девятилетнего возраста могут принимать участие в производительном труде с обязательным соединением его с обучением в школе. Он считал необходимым установить при капитализме в законодательном порядке предельные нормы труда детей и подростков. По его мнению, для детей 9—12 лет следует ограничить труд двумя часами в день; для подростков 13—15 лет установить четырехчасовой, 16—17 лет — шестичасовой рабочий день с перерывом для еды и отдыха [5, с. 11].

Маркс писал, что родителям и предпринимателям ни в коем случае не может быть разрешено применять труд детей и подростков, если он не сочетается с их воспитанием. Под гражданским воспитанием, говорил К. Маркс, следует понимать три вещи:

«Во-первых: умственное воспитание. Во-вторых: физическое воспитание, такое, какое дается в гимнастических школах и военными упражнениями. В-третьих: техническое обучение, которое знакомит с основными принципами всех процессов производства и одновременно дает ребенку или подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств». Распределению детей и рабочих-подростков по возрастным группам должен соответствовать постепенно усложняющийся курс умственного и физического воспитания и технического обучения. К. Маркс указывал, что «сочетание оплачиваемого производительного труда, умственного воспитания, физических упражнений и политехнического обучения поднимет рабочий класс значительно выше уровня аристократии и буржуазии» [4, с. 71].

Борясь за гражданское право на образование для всех работающих детей и подростков, основоположники марксизма выступали как решительные сторонники общественной организации воспитания. Они пришли к выводу, что капиталистический способ производства разрушает пролетарскую семью, и считали необходимым установить общественное воспитание всех детей с того момента, как они смогут обходиться без материнского ухода. Рассматривая общественное воспитание детей как прогрессивную форму воспитания, они в то же время высоко оценивали воспитательную роль новой семьи при социализме.

Основные требования: общественное и бесплатное воспитание всех детей; устранение фабричного труда детей в современной его форме; соединение воспитания с материальным производством. Умственное воспитание на 1 месте. Огромное значение – овладение теорией. Образование должно быть последовательным, систематическим. Глубокое и серьезное изучение каждой науки. Изучение художественной литературы, истории, родного языка и иностранного языка, древнего языка для расширения кругозора. Образование тесно связано с жизнью. Политехническое образование должно знакомить с основными принципами всех процессов производства и в то же время, давать ребенку, подростку навыки обращения с простейшими орудиями всех производств. В физическом воспитании: гимнастика, как средство физического воспитания должно быть правильно организованной.

Учение основоположников марксизма о воспитании вооружило пролетариат всего мира на борьбу за просвещение и школу для народа. Один из самых долгоживущих антисоветских и антикоммунистических мифов состоит в том, что будто бы коммунисты выступали против института семьи. При этом приводят высказывания далеко не первых людей из среды левых интеллектуалов 19-20 веков. Но что же, например, думал по этому поводу Карл Маркс, как наиболее авторитетный мыслитель?

Как известно у самого Маркса была очень крепкая семья. Он обручился в 18 лет с Женни фон Вестфаллен, которая позднее родила ему семерых детей. К сожалению четверо из них умерли еще в детстве. Выжили только 3 девочки Женни, Лаура и Элеонора. Детская смертность в те времена была достаточно высока, тем более в небогатых семьях. Как видите сам Маркс создал достаточно большую, крепкую семью.

А теперь давайте посмотрим, как же Маркс относился к самому институту семьи. Вот, например, цитаты из его статьи «Проект закона о разводе», в которой он разбирал готовящийся в 1842 году законопроект. «Когда же мы спрашиваем этих противников (которые не являются противниками церковной трактовки вопроса и других указанных недостатков), на чём основываются их рассуждения, — то они нам всегда говорят о несчастном положении супругов, связанных друг с другом против своей воли. Они становятся на эвдемонистическую точку зрения, они думают только о двух индивидах и забывают про семью. Они забывают, что почти всякое расторжение брака есть расторжение семьи и что даже с чисто юридической точки зрения положение детей и их имущества не

может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения родителей, от того, что им заблагорассудится. Если бы брак не был основой семьи, то он так же не являлся бы предметом законодательства, как, например, дружба. Таким образом, принимается во внимание только индивидуальная воля, или, вернее, произвол супругов, но не принимается во внимание воля брака, нравственная субстанция этого отношения. ...Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принуждён подчиняться законам брака, раз он вступил в брак. Тот, кто заключает брак, не творит брака, не изобретает его, он так же мало творит и изобретает брак, как пловец — природу и законы воды и тяжести. Брак поэтому не может подчиняться произволу вступившего в брак, а, наоборот, произвол вступившего в брак должен подчиняться сущности брака» [4, с. 72].

Как мы видим, в данной цитате автор ставит права семьи выше прав индивида. Развод не может быть произвольным желанием одного из супругов. А вот что Маркс говорит по поводу того в каком случае развод возможен. «В отношении брака законодатель может установить только те условия, при которых дозволяется расторгнуть брак, т. е. при которых брак по существу своему является уже расторгнутым. Судебное расторжение брака может быть только протоколированием его внутреннего распада. Точка зрения законодателя есть точка зрения необходимости. Законодатель, следовательно, почитает брак, признаёт его глубоко-нравственную сущность, если он считает его достаточно сильным, чтобы выдержать множество коллизий, не утрачивая при этом своей сущности. Мягкость по отношению к желаниям индивидов превратилась бы в жестокость по отношению к тому, что составляет сущность этих индивидов, по отношению к их нравственному разуму, который воплощается в нравственных отношениях».

Сейчас такой взгляд на сущность семьи назвали бы очень консервативным. Особенно интересно последнее предложение цитаты. Маркс указывает, что потакая желаниям индивидов, мы наносим большой вред нравственному разуму человека. Думаю это исчерпывающий ответ классика тем, кто обвиняет коммунистов в негативном отношении к семье.

Маркс не оставил специальной работы, посвященной коммунистическому граждаскому воспитанию подрастающего поколения. Но, как известно, его произведения содержат целый ряд высказываний по вопросу о реконструкции воспитания, которые, будучи увязаны со всем его учением, являются для нас руководством к действию.

Всякий знает, какое громадное значение имел «Коммунистический манифест», написанный Марксом и Энгельсом в начале революции 1848 года. Это – сжатое, полное революционной страсти произведение, излагающее взгляды коммунистов на общественное развитие. В «Манифесте» говорится о том, куда и как идет общественное развитие, о соотношении экономики и идеологии, о классах, о классовой борьбе, о роли пролетариата в этой борьбе и неизбежности его победы, о неизбежности замены капиталистического строя коммунистическим. И в этой связи в «Манифесте» затрагиваются и вопросы воспитания того поколения, которому придется строить коммунизм. «Подобно тому, – говорится в «Манифесте», – как уничтожение классовой собственности представляется буржуа уничтожением самого производства, так и *уничтожение классового образования* (курсив наш. – *Р.Л.)* для него равносильно уничтожению образования вообще.

Образование, гибель которого он оплакивает, является для громадного большинства превращением в придаток машины» [3, с. 13]. Отметив классовый характер образования вообще, творцы «Манифеста» подчеркивают, что крупная промышленность безмерно эксплуатирует детей, заставляет рабочих эксплуатировать собственных детей, разрушает старые семейные отношения, подрывает корни семейного воспитания. Воспитание в капиталистическом обществе насквозь классовое. Коммунисты хотят изменить характер воспитания.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные

связи в среде пролетариата благодаря развитию крупной промышленности, чем более дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты» [3, с. 14]. «Манифест» намечает ряд мероприятий, которые пролетариат должен будет провести, когда он станет у власти. Среди них в п. 10-м указываются и мероприятия, касающиеся воспитания. Это будет «общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.» [3, с. 14]. Этот пункт связан у Маркса с рядом других пунктов, как переход орудий производства в руки государства, одинаковая трудовая повинность для всех, соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

Маркс любил детей. В книге «К критике политической экономии», вышедшей впервые в 1859 г., есть одно замечательное место о детях, правда сказанное мимоходом, но тем не менее проливающее свет на то, почему Маркс так любил детвору и что он в ней видел. Говоря об искусстве, он между прочим писал: «Мужчина не может снова превратиться в ребенка или он становится ребячливым. Но разве не радует его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность. Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде?» [2, с. 66].

Маркс не был узким ученым специалистом. Он прекрасно знал литературу, понимал искусство и понимал детей. Многие ли умеют с этой точки зрения наблюдать детей? Это умел делать Лев Толстой, смотревший на детей глазами великого художника, но у него была та беда, что он не мог понять своей эпохи. Маркс понимал и эпоху и детей. Глубокому пониманию гражданских прав ребенка должен учиться у Маркса каждый современный педагог и юрист. Любовь к детям заставляла Маркса особенно сильно возмущаться капиталистической эксплуатацией детского труда. Но не в одной любви к детям причина того, что Маркс уделяет так много места в первом томе «Капитала» положению детей при капитализме. В одной только глазе «Рабочий день» Маркс приводит более двадцати с лишним примеров возмутительнейшей эксплуатации детей на фабриках, причем факты берутся из официальных документов (из отчетов фабричных инспекторов, судебных дел, законодательных постановлений). Вопрос об эксплуатации детского труда занимает не меньше места и в главе «Машины и крупная промышленность» [1, с. 307].

Необычайно ярко рисует Маркс всю мизерность государственного законодательства Англии по охране детского труда; он показывает, как капиталисты находят тысячу путей, чтобы обойти даже эти мизерные законы, как и умственно и физически калечится подрастающее поколение.

Маркс писал обо всем этом потому, что в вопросе о детском труде, как в капле воды, отражалась тенденция капиталистического уклада к безмерной эксплуатации масс. Изучая, с одной стороны, развитие промышленности, влияние тех или иных изменений ее на рабочие массы, а с другой – положение ребят на производстве, Маркс стремился найти начала, которые помогли бы так поставить общественное воспитание, чтобы подрастающее поколение оказалось способным в корне реорганизовать капиталистическое общество.

Полагал ли Маркс, что обучение труду надо перенести с фабрики в стены школы? Никоим образом. Признавая необходимость политехнической школы, он стоял все же за работу детей на фабрике. «...Как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, *отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола* (курсив наш. – *Р.Л.),* создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами» [1, с. 307].

Рассказывая о безмерной эксплуатации детей их родителями, особенно в домашней промышленности, и указывая, что капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление, Маркс говорит, что «необходимо было провозгласить право детей». «Дети

и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо» [1, с. 311]. Решающее значение, которое играют подростки и дети обоего пола в общественно организованном процессе, также меняет отношения между детьми и родителями, делая детей более самостоятельными и сознательными.

Совместная работа со взрослыми помогает развитию ребят. Мы знаем, что писал Маркс о влиянии автоматической фабрики на развитие рабочих. В первом томе «Капитала», в главе о кооперировании, Маркс говорит о воспитательной роли совместного труда: «Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (animal spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц» [1, с. 312].

Остановимся еще на двух произведениях Маркса: «Гражданская война во Франции» (1871 г.) и «Критика Готской программы» (1875 г.), которые освещают другие стороны отношения Маркса к школе. Маркс хвалит Коммуну за то, что она сразу устранила влияние на школу и вообще на все учебные заведения церкви и буржуазного государства, буржуазной правительственной власти, которая принимала все меры, чтобы затемнять сознание масс с самых ранних лет.

«Запрещение детского труда»!Здесь безусловно необходимо было указать предельный возраст. Полное запрещениедетского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и поэтому останется пустым благопожеланием. Проведение этой меры, – если бы оно было возможно, – было бы реакционно, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно с различным возрастом и при прочих предупредительных мерах для защиты детей, раннее соединение производительного труда с обучением является одним из могущественнейших средств переустройства современного общества» [3, с. 9].

«Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе – в народных школах Швейцарии и Соединенных Штатов. Если в некоторых штатах Северной Америки «бесплатное» образование дается также и в высших школах, то фактически это означает только то, что высшие классы покрывают расходы по своему образованию из общих налоговых средств... Параграф, относящийся к школам, должен был бы, по меньшей мере, требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой. Никуда не годится «народное образование, находящееся в руках государства».Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, программу обучения и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов, как это делается в Соединенных Штатах, за соблюдением этих предписаний закона, – нечто совсем иное, что назначить государство воспитателем народа. Следует, наоборот, отстранить как правительство, так в равной- мере и церковь от всякого влияния на школу. В современной Прусско-германской империи (и здесь не поможет пустая увертка, будто имеется в виду «государство будущего», – мы видели, как в этом отношении обстоит дело) государство, наоборот, само нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа» [3, с. 9].

Из рук церкви и из рук буржуазного государства Маркс хотел вырвать гражданское воспитание подрастающего поколения. Страстно спорил он с лассальянцами, думавшими, что можно идти на сделки с буржуазным правительством, ждать от него каких-либо реформ, идущих по линии реальной помощи рабочему классу, тем более реформ, облегчающих подготовку коренного переворота во всем общественном укладе. А Маркс ведь хотел, чтобы воспитание детей и подростков было поставлено так, чтобы оно стало могущественным орудием преобразования современного общества.

Исследуя обществоведческие и педагогические изыскания К. Маркса, мы видим, какую крупнейшую роль отводит он (К. Маркс) в деле реконструкции капиталистического

общества, в социалистической перестройке общественному воспитанию подрастающего поколения. Это общественное воспитание должно выращивать всесторонне развитых людей. Это требование вытекает из самого характера крупной промышленности. Ребятам надо овладеть большой суммой знаний и надо учиться работать. Изучение истории фабричного законодательства Англии в отношении охраны детского труда привело Маркса именно к такому заключению.

Список использованных источников

1. Маркс К. Капитал. Составитель:Г.М. Преображенский**. –** СПб.: **«**Лениздат», «Книжная лаборатория», 2018 г. – 512 с.

2. Маркс, К. К критике политической экономии. – М.: Ленанд, 2018 г. – 176 с.

3. Нерсесянц, В.С.Взгляды К. Маркса на государство в работе «К критике гегелевской философии права //Правоведение. - 1968. - № 2. - С. 7 - 14

4. Разумовский, И. П. Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса // Под знаменем марксизма. - М.: Издательство Коммунистической Академии, 1923. - № 2-3. - С. 68-97.

5. Чхиквадзе, В.М., Мамут, Л.С. Ф. Энгельс как теоретик государства и права // Ф. Энгельс о государстве и праве. - М.: «Наука», 1970 г. С. 5-47.

А.П. Люсый

КАРЛ МАРКС И ДИАЛЕКТИКА КРЫМСКОГО МОСТА ИВАНА ТУРГЕНЕВА

Рассматриваются точки взаимодействия и отталкивания Карла Маркса и Ивана Тургенева. Устанавливается, что, в отличие от Толстого и Достоевского Тургенев не занимался выстраиванием каких-либо новых философских концепций, поскольку философия в его произведениях обрамлена естественной в своей повседневности жизненной рамой, которая корректирует, часто приглушая иронией чрезмерный идейный энтузиазм, указывая на его неизбежную ограниченность и исчерпаемость. Устанавливается, что «текст безмолвия» - основное местопребывание народного самосознания в прозе писателя. Делается вывод, что феномен безмолвия адекватно постигаем особым качеством безмолвия же, «сочувственным постижении народного духа». Это позволяет постигнуть в самой литературе национальные «протоформы» - «мироощущения», неотрефлектированные, а подчас и вовсе неосознанные первичные мировоззренческие образования.

Ключевые слова: *антропология литературы, пейзаж, местопребывание, интерпретация, безмолвие, видение.*

A.P. Liusyi

KARL MARX AND THE DIALECTIC OF THE CRIMEAN BRIDGE OF IVAN TURGENEV

The points of interaction and repulsion of Karl Marx and Ivan Turgenev are considered. It is established that, unlike Tolstoy and Dostoevsky, Turgenev did not engage in building any new philosophical concepts, since the philosophy in his works is framed by a natural frame in his everyday life that corrects, often muffling the excessive ideological enthusiasm, with irony, indicating its inevitable limitations and exhaustibility. It is established that the "text of silence" is the main seat of the people's self-consciousness in the prose of the writer. It is concluded that the phenomenon of silence is adequately comprehended by the special quality of silence, "sympathetic comprehension of the national spirit". This allows us to comprehend in the literature itself the national "proto-forms" - "worldviews", unreflected, and sometimes completely unconscious primary world outlook formations.

Key words: *anthropology of literature, landscape, residence, interpretation, silence, vision.*

Юбилей Карла Маркса (1818-1883) совпадает в России с юбилеем философичнейшего из русских писателей Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883). Они не встречались, их подходы к сущности текущих событий разнятся, но с течением времени проясняется некоторая общность общего взгляда на историю как таковую.

Подробное описание событий в Париже письме П. Виардо с подробным отчетом о событиях в революционном Париже напоминают статьи К. Маркса об июльской революции во Франции. «Мне удалось пробиться сквозь строй гвардейцев у моста, и я взобрался на парапет. Я увидел массу народа, но без знамен, которая бежала вдоль набережной по ту сторону Сены... «Они направляются в Ратушу!—воскликнул кто-то возле меня,— это опять так же, как было 24 февраля». Я спустился с намерением идти к Ратуше... Но в это мгновение мы вдруг услыхали продолжительную барабанную дробь, со стороны Мадлен появился батальон мобильной гвардии и двинулся в атаку на нас. Но так как за исключением какой-нибудь горсти людей, из которых лишь один был вооружен пистолетом, никто не оказал им сопротивления» они остановились перед мостом, а мятежников отвели в полицию. Тем не менее даже и тогда, казалось, ничего не было решено; скажу больше: поведение мобильной гвардии было довольно нерешительно. В течение по крайней мере часа до ее появления и четверти \ часа по ее прибытии все верили в успех восстания, только и слышались слова: «Дело кончено!», произносимые то радостно, то печально, соответственно образу мыслей говорившего. Командир батальона, человек с истинно французским лицом, веселым и решительным, обратился к своим солдатам с краткою речью, кончавшейся словами: «Французы всегда будут французами. Да здравствует Республика!» Это его ни к чему не обязывало. Я забыл вам сказать, что во время тех двух часов тревоги и ожидания, о которых я вам говорил, мы видели, как легион национальной гвардии медленно углубился в авеню Елисейских полей и перешел Сену по мосту, находящемуся против Дома Инвалидов. Вот этот-то легион и напал на мятежников с тыла и вытеснил их из Собрания. Между тем батальон мобильной гвардии, подошедший от Мадлен, был встречен взрывами восторга буржуа... Возгласы «Да здравствует Национальное собрание!» начались с новою силой. Вдруг распространился слух, что представители снова вернулись в зал заседаний. Всё на глазах переменилось. Со всех сторон зазвучал сбор; солдаты мобильной гвардии (уж действительно мобильной!) надели свои шапки на штыки (что, говоря в скобках, произвело чрезвычайный эффект) и закричали: «Да здравствует Национальное собрание!» Какой-то подполковник национальной гвардии прибежал запыхавшись, собрал вокруг себя с сотню людей и рассказал вам, что произошло: «Собрание сильнее, чем когда-либо!— воскликнул он.— Мы раздавили негодяев... О господа! я видел ужасы... видел, как депутатов оскорбляли, били!..». Десять минут спустя все подступы к Собранию были запружены войсками; лошади крупной рысью с грохотом подвозили пушки, линейные войска, уланы... Буржуазный порядок восторжествовал, по справедливости на сей раз. Я оставался еще на площади до шести часов... Я только что узнал, что и в Ратуше победа осталась за правительством... В этот день я пообедал только в семь часов. Из множества поразивших меня вещей я упомяну только о трех: прежде всего это — *внешний порядок*, который не переставал царить вокруг Палаты; эти картонные игрушки, именуемые солдатами, охраняли восстание так тщательно, как только это было возможно: дав ему пройти, они сомкнулись за ним. Справедливо будет сказать, что Собрание, со своей стороны, показало себя ниже всего, чего можно было от него ожидать; оно, не протестуя, слушало в течение получаса разглагольствования Бланки. Председатель не надел шляпы! В продолжение двух часов представители не покидали своих скамей и ушли лишь тогда, когда их прогнали. Если б это была неподвижность римских сенаторов перед галлами, это было бы великолепно; но нет, их безмолвие было безмолвием страха; они заседали, председатель председательствовал... Никто, за исключением некоего г-на Адельсвара, не протестовал... и даже сам Клеман Тома прервал Бланки лишь для того, чтобы с важностью попросить слова! Поразило меня также, с каким видом разносчики лимонада и сигар расхаживали в толпе: алчные, довольные и

равнодушные, они имели вид рыболовов, которые тащат хорошо наполненный невод! В-третьих, что очень удивило меня самого, это было сознание невозможности дать себе отчет в чувствах народа в подобную минуту; честное слово, я был по в состоянии угадать, чего они хотели, чего боялись, были ли опи революционерами, или реакционерами, или же просто друзьями порядка. Они как будто ожидали окончания бури. А между тем я часто обращался к рабочим в блузах... Они-то ожидали... они-то ожидали!.. Что же такоеистория г.. Провидение, случай, ирония или рок?» [19, письма, 1, с. 393-394]. Тургенев не делает обобщающих выводов, как это было свойственно К. Марксу, но отчасти предваряет описание дальнейших событий в статье «18 брюмера Луи Наполеона» и установление во Франции того государственного строя, который, исходя из проведенного по ходу дела социологического анализа богемы («лишних людей» по-марксистски) как движущей силы переворота Наполеона III, можно теперь назвать - *Империя Богемы*.

Последующее развитие порожденных 1848 годом событий во Франции К. Маркс описывал так: «Под видом создания благотворительного общества парижский люмпен-пролетариат был организован в тайные секции, каждой из которых руководили агенты Бонапарта, а во главе всего в целом стоял бонапартистский генерал. Рядом с промотавшимися кутилами сомнительного происхождения и с подозрительными средствами существования, рядом с авантюристами из развращенных подонков буржуазии в этом обществе встречались бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие - словом, вся неопределенная, разношерстная масса, которую обстоятельства бросают из стороны в сторону и которую французы называют laboheme. Из этих родственных ему элементов Бонапарт образовал ядро Общества 10 декабря, "благотворительного общества", поскольку все его члены, подобно Бонапарту, чувствовали потребность ублаготворить себя за счет трудящейся массы нации. Бонапарт, становящийся во главе люмпен-пролетариата, находящий только в нем массовое отражение своих личных интересов, видящий в этом отребье, в этих отбросах, в этой накипи всех классов единственный класс, на который он безусловно может опереться, - таков подлинный Бонапарт, Бонапарт sansphrases. Старый, прожженный кутила, он смотрит на историческую жизнь народов и на все разыгрываемые ею драмы, как на комедию в самом пошлом смысле слова, как на маскарад, где пышные костюмы, слова и позы служат лишь маской для самой мелкой пакости» [12: 8, с. 60-61].

Подчеркнем, что 1848 год - год перехода Маркса из «профессиональных заговорщиков» в «профессиональные революционеры», год его выхода из «подполья». Он старательно (политически и бессознательно) дистанцируется от богемы, и, возможно, поэтому в своем длинном списке ее представителей интеллектуалов не упоминает вовсе [4]. Между тем, вышедший в том же 1848 году роман Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», послуживший основой для либретто знаменитой оперы Пуччини, «Богема», данная социальная группа состоит из художников и поэтов Латинского квартала, оказавшихся непосредственными участниками революционных событий. А в «Восемнадцатом брюмере Луи Бонапарта» это «бродяги, отставные солдаты, выпущенные на свободу уголовные преступники, беглые каторжники, мошенники, фигляры, лаццарони, карманные воры, фокусники, игроки, сводники, содержатели публичных домов, носильщики, писаки, шарманщики, тряпичники, точильщики, лудильщики, нищие, — словом, вся неопределенная, разношерстная, бродячая масса, которую французы называют богемой». Однако описание Маркса открыто, то есть характеристики богемы как «неопределенной», «бродячей», «разношерстной» являются для него более существенными, чем многочисленные конкретные ее представители. Способность быть бродягой, быть человеком улицы, человеком толпы — придает черты богемности представителю любого класса.

Любопытно, что при всей общности указанных картин русская литература как таковая интересовала К. Маркса, как и его ближайшего соратника Ф. Энгельса, исключительно прагматически, с точки зрения иллюстрации экономических законов. В работе «К критике политической экономии» К. Маркс (вероятно, по мнению ряда комментаторов, с подачи Ф. Энгельса) отметил: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар – деньги. Но что деньги – товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838-1842 (когда в нем была там большая потребность - А.Л.), но и всей историей их торговли» [12: 13, с. 751] («отец понять его не мог и деньги отдавал в залог»). И это при том, что К. Марксу, конечно, не были известны черновые наброски пушкинского романа «Евгений Онегин», где именно эта мысль была выражена ещё более отчетливо:

…Отец с ним спорил полчаса
И продавал свои леса [14: 6, с. 220].

У Энгельса же запомнившиеся ему с молодых лет стихи Пушкина из первой главы «Евгения Онегина» были «на слуху», он пускал их в ход при удобном случае, что засвидетельствовано в воспоминаниях русских современников. К примеру, Фанни Михайловна Кравчинская, жена известного революционера-народника и писателя Сергея Михайловича Степняка-Кравчинского, рассказывала, как она оказалась за обеденным столом рядом с Энгельсом, испытывая большое смущение, так как не говорила ни на одном западноевропейском языке. Тогда Энгельс стал читать ей по-русски стихи Пушкина, начав со строфы «Мы все учились понемногу...» из первой главы «Онегина». Дойдя до отмеченной выше ключевой для него с Марксом седьмой строфы, Энгельс лукаво посмотрел на собеседницу и завершил на этом чтение. «Произношение у Энгельса было прекрасное... декламировал Пушкина он чудесно. Я захлопала в ладоши и воскликнула: «Да Вы отлично владеете русским языком, давайте говорить по-русски!» Однако Энгельс покачал головой и с улыбкой ответил: «Увы! — на этом кончаются мои познания в русском языке» [3, с. 25-26].

Сам тип русского «лишнего человека», во всех его «богемных» перспективах, К. Маркс все же обошел (а зря!), передоверив «понемногу» отражать данное «зеркало русской революции» российским же интерпретаторам.

В очерке Ивана Тургенева с необычным для XIX века, как бы завещанным уже следующим эпохам масскульта и медиа названии «Человек в серых очках» (1879) устами авторского диалектического собеседника так говорится о сущности шекспировского творчества: «Он умел видеть в одно и то же время и белое, и черное, что очень редко; и ни за белое не стоял, ни за черное — что еще реже» [19, сочинения, 11, с. 109]. По мнению автора одной из первых книг о Тургеневе как мыслителе, уже эти строки свидетельствуют о «философском складе ума» [1, с. 6].

В письме к своему берлинскому соквартирнику М. Бакунину И. Тургенев весьма сценарно, в качестве невольной задачи для последующих визуальных технологий, задал образ своих собственно философских штудий: «Случалось ли тебе сорвать долгую ветвь камыша или распуколку розы, сдирать его скатанные оболочки и всё находить другие, всё белее и мягче, всё теснее скатанные, и с радостью доискиваться последнего, сокрытого зерна. Я в детстве часто трудился подобным образом и досадовал и задумывался, видя, что последние оболочки так тонки и нежны, что отодрать их невозможно. Вот образ философской системы. Но ты будь терпелив, дай расцвести цветку, и ты будешь любоваться его изящной формой, наслаждаться его запахом и перечтешь все его распустившиеся листики и тычинки» [19, письма, 1, с. 196].

А в беседе с братьями Гонкур Тургенев погружает такой образ в ландшафтное измерение: «Ибо в известном смысле славянский туман —для нас благо... он укрывает нас от логики мыслей, от необходимости идти до конца в выводах... У нас, когда человека застигает метель, говорят: “Не думайте о холоде, а то замерзнете!”

Ну и вот, благодаря туману, о котором шла речь, славянин в метель не думает о холоде, —а у меня мысль о смерти сразу же тускнеет и исчезает» [6, с. 301].

В отличие от К. Маркса, а также от не только современников, но и соотечественников Л. Толстого и Ф. Достоевского, Тургенев не занимался выстраиванием каких-либо новых философских концепций. Философия в его произведениях обрамлена естественной в своей повседневности жизненной рамой, которая корректирует, часто приглушая иронией чрезмерный идейный энтузиазм, указывая на его неизбежную ограниченность и исчерпаемость. Т.е., ирония Тургенева направлена не на философию вообще, а на чрезмерное пристрастие к отвлеченным умозрительным философским построениям. В то же время Тургенев, по всей вероятности, не менее, чем К. Маркс, уделил Феноменологии духа» Гегеля, в частности, освещенной там диалектики Раба и Господина.

С конца 20-х годов XIX века русская общественная мысль то и дело охватывалась увлечениями новейших и хорошо забытых старых философских систем. Философские воззрения самого Тургенева при этом всегда отличались исключительной гибкостью и подвижностью, в них сложно взаимодействовали, дополняя друг друга, Платон и Гегель, Спиноза и Гете, Шеллинг и Паскаль, Фейербах и Шопенгауэр. А. Чичерин зафиксировал это обстоятельство так: «Мировоззрение Тургенева — не та или другая установившаяся философская система, которую он мог бы последовательно осуществлять в своих романах и повестях. Философ по университетскому своему образованию, Тургенев как художник полно и искренне воплощал постоянное б р о ж е н и е своей поэтически созерцающей, наблюдающей, исследующей мысли» [21, с. 8-9]. Брожение – определение существенное, к нему мы ещё вернемся.

Как философствуют глазом? Глазу тургеневского рассказчика изначально присуща способность всматривания и притягивания дальнего, с одновременным осуществлением «стратегии от-даления» в стремлении приостановить власть дали над повседневным «опытом пространственности». Такая объемность видения тургеневского рассказчика, по мнению И. Турбанова, аналогична создаваемому «пространству мысли», как определял В. Подорога философский ландшафт Хайдеггера. «…Но с тем условием, что происходит из пространства взгляда тургеневского рассказчика. Эта объёмность фиксирует и знаменует некие «события пространства» (П. Хандке) – неба и облаков, лесных и равнинных ландшафтов. Это события пространств “внутренностей” и дома, и расположенных в нем вещей, застывших перед тем, как их настигнет взгляд. Причём, его сконцентрированность и фокусировка не заключают природу, быт, любые мелкие детали описания «в оптическую рамку, застывшую перед наблюдателем в перспективном образе», а создают особый эффект в читательском сознании, когда «все становится значимым, ничто не может быть отброшено» (В. Подорога). Каждая часть описываемого предварительно увидена так, что не уже может существовать отдельно. Природные элементы естественно входят в состав видимого в процессе тургеневского письма, «подобно прожилкам в мраморе» в широкой и захватывающей перспективе. С другой же стороны, взгляд рассказчика может быть очень узким, микроскопически острым, благодаря чему и становится возможным рассмотреть такие далеко не каждому заметные детали, как «седину травы», то есть ее тончайшие цветовые оттенки, или «тычинки» (увиденные предельно близко), на которых сидят воробьи. В этом заключается, на наш взгляд, стратегия дальней близости тургеневского видения, когда мелкие детали рассматриваются с большого расстояния, и близкой дали, которую притягивает к нам сам глаз повествователя. Разрешающая способность видения проявляется здесь как на макро, так и на микро уровне в одной и той же перспективе и преодолевает обычный эффект ”картинности”, вызывая ассоциации даже не с кинопроекцией изображаемого, где большей частью сохраняется линейное развертывание и перспективность, а с принципами голографии» [18, 2012].

Публикация Тургеневым рассказа «Хорь и Калиныч», стала не просто началом постепенно сложившихся «Записок охотника». Это стало началом, по словам Г. Ребель,

своего рода «коперниковского переворота» прежде всего в художественно-философском (а не идеологическом) осмыслении темы народа [16]. В двух крестьянских характерах оказались представлены коренные силы нации, определяющие её жизнеспособность, перспективы её дальнейшего роста и становления. Наблюдения над характерами Хоря и Калиныча у Тургенева не самоцель: «мыслью народной» выверяется здесь жизнь верхов. От Хоря и Калиныча эта мысль устремляется к русскому человеку, к русской государственности, а за ними – и к олицетворенным константам мировой культуры – Гамлету и Дон-Кихоту.

Сформировавшийся в «Записках охотника» художественно-исследовательский принцип позволил проникнуть в глубины народной психологии и, в частности, в то, что мы ранее охарактеризовали в рецензии на книгу С.А. Никольского и В.П. Филимонова «Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия» как *структуру народного безмолвия* [11, с. 121].

«…Только с “Записок охотника”, - пишут авторы этой книги, - тема сознания русского человека в его индивидуальном и общественном проявлении, тема русского мировоззрения становится главным предметом русской литературной и философской мысли, так глубоко и всесторонне рассмотренным во второй половине XIX – XX в.» [13, с. 354].

В частности, в рассказе «Ермолай и мельничиха» рассмотрена «природность», первобытная простота, нечеловечность, «асоциальность» взаимоотношений в дореформенный период русских помещиков и их «людей». Обозначены два вида «природности» - одна из возможных форм естественной природности, которой может жить человек по своему выбору, и ее антитеза, установленные людьми бесчеловечные отношения рабства, исключающие ими признание друг в друге именно человека.

Как апофеоз особого, непростого по составу своему качества безмолвия представлен рассказ «Певцы». Именно песня безмолвия проявляет не пробившиеся в обычной жизни таланты двух разных персонажей рассказа. Яшка-турок, черпальщик на бумажной фабрике у купца, вел жизнь тяжелую и безрадостную, хотя и «смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем». Его соперник, рядчик из Жиздры, «плотный мужчина лет тридцати… беспечно болтал и постукивал ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой» - и вовсе показался было повествователю изворотливым и бойким городским мещанином. Однако, когда они начинают петь, то оба на глазах преображаются. В голосе Яшки «была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала нас за сердце, хватала прямо за его русские струны».

Когда же охотник-рассказчик выходит из кабака, он попадает как будто бы в эпицентр природного безмолвия. «Все молчало; было что-то безнадежное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы». То есть, комментируют авторы, природа либо затихла от только что услышанного, либо это только что пела устами певцов она сама, а спев, как будто бы устала, выдохлась, затихла. Авторы ставят читателя перед выбором: то ли это русский человек умеет так вслушаться и передать в песне глубинное природное начало; то ли это такова природа, которая проникает внутрь русского человека и творит в нем то, что захочет.

Как в подтверждение правильности рассуждений о формах безмолвной «природности» русского человека авторы останавливаются на итоговой зарисовке рассказа, своеобразном «рассказе в рассказе». Охотник уже уходил из деревни, спускаясь с холма на равнину, заполненную «волнами вечернего тумана», когда послышался зовущий «Антропка-а-а..» детский голос. Ему долго никто не отвечал, потом послышался ответ: «Чего-о-о-о?». первый из голосов «с радостным озлоблением» сообщает, что Антропку зовет домой отец для того, чтобы высечь. Второй голос больше не откликается. Социальное начало пытается взять верх над природным, поглотившим, как туман, маленького человека? – задаются

вопросом авторы. Однако этого не происходит. То ли маленький во всех отношениях (но не в петербургских измерениях) человек не пожелал высвобождаться из природных объятий, то ли само природное не отпустило от себя этого человека. В любом случае социальное оказывается слабее. Затерявшийся в тумане Антропка остается во власти благоволящей ему природной силы. Этот его миг бытия, вероятно, сродни душевно-природному пению певцов.

Один из частных мотивов Тургенева – внушающий ощущение непосредственного присутствия образ моря. С морем, по замечанию В.Н. Топорова, Тургенев сравнивает степь, лес, пустыню [17, с. 107]. Позже М. Волошин дает четкий расклад пространства европейской части России сквозь призму Крыма следующим образом: ««Материк был для него стихией текущей и зыбкой – руслом великого океана, по которому из глубины Азии в Европу текли ледники и лавины человеческих рас и народов. Море было стихией устойчивой, с постоянной и ровной пульсацией приливов и отливов средиземноморской культуры» [5, с. 212]. У Тургенева впечатления от пения также приобретают зрительную геософскую перспективу: «Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжко шумевшего вдали, большую белую чайку <...> я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел <...> поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участьем. Он пел и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримым, словно знакомая степь раскрывалась перед нами, уходя в бесконечную даль» (19, сочинения, 3, с. 222).

Олицетворением народного безмолвия в творчестве Тургенева и в то же время конкретным российским воплощением отмеченной выше диалектики Раба и Господина предстал немой Герасим из рассказа «Му-Му». По словам Аксакова, «Это олицетворение русского народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаления к себе и в себя, его молчания на все запросы, его нравственных, честных побуждений... Он, разумеется, со временем заговорит, но, теперь, конечно, может казаться и немым, и глухим, теперь, покуда он удалился к себе на родину<...>» [2, с. 475 — 476]. Упорство господина в том, что он господин, превращает раба в раба своего желания (социальной функции), в то время как упорство раба в том, что он раб, напротив, делает его господином своего господина. Ю.А. Разинов в связи с этим отмечает, что высшей формой протеста у детей является подчеркнутое послушание своим родителям [15, с. 121].

Как отмечено выше, развернутая в «Феноменологии духа» Гегеля диалектика Раба и Господина была чем-то вроде исходной марксистской точки опоры, приложив к которой рычаг апроприированной диалектики, можно было перевернуть систему Абсолютного Духа так, чтобы получить доктрину исторического материализма. Как отмечает М.А. Корецкая, «для позднейшего интерпретатора данной проблематики А. Кожева это была, скорее, точка фокусировки, на которой следует концентрировать внимание теоретического взгляда, чтобы увидеть Гегеля как антрополога, что в целом соответствует антропологическому повороту современной мысли. В результате знаменитый «Возвышенный объект идеологии» С. Жижека возникает как эффект орудования этими имеющими двойную генеалогию рычагами и оптическими устройствами» [10, с. 116]. Однако такое «оптическое устройство» было создано ещё Тургеневым!

Остается зафиксировать важность в рассказе «Му-му» конкретной топографии московского пространства в «крымском» измерении. Как известно, автор, описывая дом барыни, имел в виду свой дом на Остоженке, расположенный примерно в 600 метрах от Крымского брода, которому в рассказе придается особое значение. Существенны и другие топонимы: Охотный ряд, застава, до которой собирается провожать Татьяну Герасим, Т..ое шоссе, по которому Герасим в финале возвращается в родную деревню; точно фиксируются расстояния: деревня Герасима расположена в 25 верстах от шоссе, указывается и время, которое занимает его путь - через 2 часа после того, как его в последний раз видели у барыни, он показан на Т..ом шоссе. Затем отмечается, что к утру он преодолел уже 35 верст и т. д. «Московская топонимика вводится не просто в функции антуража — все сюжетно

значимые события оказываются неизменно связанными с московским контекстом: и прощание с Татьяной, и обретение Муму, и ее убийство, и уход Герасима — связаны с Крымским бродом» [20, с. 46].

Итак, Крымский брод стал пространственной точкой организации композиции произведения как такового, «роковым местом», перекрестком, ведущим — если идти прямо, — к заставе, если свернуть налево — к Крымскому броду. А поворот направо вел к Крымскому рынку (теперь Крымская площадь), хотя эти координаты в повести не называется.

«Итак, перед Герасимом открывалось три пути: к заставе, к Крымскому броду и на Крымский рынок. Все приготовления — праздничный кафтан, вычесанная шерсть Муму, которой он таким образом придал «товарный» вид, поводок, как будто бы предназначенный не для похода к реке, где собака много раз бывала и где он не требуется, а в незнакомое или многолюдное место, и степенность, с которой шагает Герасим, и даже «прощальный» обед, которым он накормил собаку, и — главное — раздумье на перекрестке, который традиционно является символом выбора (с учетом склонности автора к топографической точности, эта альтернатива имеет вполне конкретное воплощение: либо рынок, либо река), — все это указывает на то, что Герасим, видимо, колебался между двумя вариантами: убить — или продать Муму, и, по всей вероятности, поначалу склонялся именно к продаже собаки, но потом меняет решение» [20, с. 47].

С. С. Дудышкин, говоря о тематически близкой рассказу повести «Постоялый двор», писал: «...Повинуясь, по-видимому <...> теории художественного беспристрастия, г. Тургенев оканчивает свой «Постоялый двор» уже совсем не так, как «Му-му». Там немой утопил свою собачонку, чтоб она никому не доставалась; здесь старый дворник, желавший поджечь свой двор, умеряет гнев свой и отправляется на богомолье. Здесь уж в *раздраженную натуру* влит целительный бальзам примирения — конечно, на том основании, что оно так бывает на святой Руси [8, с. 622].

«Раздраженность натуры» проявляется уже в сцене отказа от Татьяны и в последующей обиде, которая растянулась на год. Даже когда наступает примирение, Герасим не может до конца с собой совладать. Оказавшись на том же месте (Крымский брод) с Муму после сцены конфликта с дворовыми, т. е. в том же «раздраженном» состоянии «натуры», он под воздействием порыва принимает решение об убийстве.

Таким образом, этот герой психологически сложен и не менее загадочен («патологичен», по определению Е. Фоминой), чем тургеневские «интеллектуальные» типы, хотя в «Муму» это проявляется на ином уровне — в буквальном изображении физического недостатка, отражающемся и на психике героя: в подверженности разрушительным порывам, которые он не способен контролировать [20, с. 48]. Упоминание красной крестьянской рубашки в сцене конфронтации с «людишками в немецких кафтанах», сравнение с медведем и даже аналогия с Мининым и Пожарским становятся признаками московского *призрака-богатыря* на московском распутье.

Уместно и здесь привести московские впечатления М. Волошина – в те времена, когда революционные матросы приняли его за «Маркса», таким образом расслышав возглас его спутницы: «Макс! Макс»!» (невольно всоминается туршеневский зов: «Антошка!») - от начавшейся ещё Февральской по названию революции, изложенные позже в статье «Россия распятая»: «Благодаря отсутствию полиции в Москву из окрестных деревень собралось множество слепцов, которые, расположившись по папертям и по ступеням Лобного места, заунывными голосами пели древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее — человеке Божием.

Торжествующая толпа с красными кокардами проходила мимо, не обращая на них никакого внимания. Но для меня, быть может подготовленного уже предыдущим, эти запевки, от которых веяло всей русской стариной, звучали заклятиями. От них разверзалось время, проваливалась современность и революция, и оставались только кремлевские стены,

черная московская толпа да красные кумачовые пятна, которые казались кровью, проступившей из-под этих вещих камней Красной площади, обагренных кровью Всея Руси. И тут внезапно и до ужаса отчетливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени» [5, с. 424].

Тут самое время вспомнить философские *брожения* в текстах Тургенева, в частности, историософские вкрапления в тургеневскую повесть «Призраки» (1864), у которой есть, если руководствоваться «призракологией» Ж. Деррида [7], общий контекст с уже «бродившим» по Европе «призраком коммунизма» полного ровесника Тургенева К. Маркса. У Тургенева таинственные встречи с загадочной Эллис, в соприкосновении с которой приобретается легкость «вальдшнепа» (прицельный тургеневский глаз воспитан, конечно, больше охотой, чем «прибавочной стоимостью»), сопряжены с перенесениями в ключевые для мировой истории и личной жизни писателя хронотопы. Это Рим, в котором убийство Цезаря не прямо соотносится с тоже существенными испытаниями в этом городе самого писателя, и Поволжье как пространство вхождения в личные переживания одного из предков писателя царицынского воеводы Тимофея Васильевича Тургенева, утопленного в Волге в 1670 году разинскими казаками.

Такая степень подвижности сознания-наблюдения и относительно самого себя, и относительно «внешнего» пространства возводит это сознание сквозь средоточие «локальных текстов» и на трансперсональный и на сверх-локальный уровни «существованья ткани сквозной». Литература становится материалом для актуального философского прозрения текущих *призраков*.

Список использованных источников

1. Аднан С. Тургенев – художник, мыслитель. М.: Современник, М.: Современник, 1983. — 224 с.
2. Аксаков И.С. Письма к И.С. Тургеневу // Русское Обозрение, 1894, № 8.
3. Аникин А.В. Муза и мамона. М.: Мысль, 1989. – 259 с.
4. Аронсон О. Богема: Опыт сообщества (Наброски к философии асоциальности). — Москва: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 96 с.
5. Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Эллис Лак, 2009. - С. 424.
6. Гонкур Эдмон и Жюль, де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: В 2-х томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1964. 750 с.
7. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый Интернационал. М.: Logos-Altera, Издательство «Eccehomo», 2006. 256 с.
8. Дубовиков А. Н., Дунаева Е. Н., Назарова Л. Н. Постоялый двор // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1980. Т. 4. С. 611–624.
9. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
10. Корецкая М.А. Признание и негативность: полемика вокруг диалектики раба и господина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Том 17. Выпуск 3. С. 115-126.
11. Люсый А.П. Метатрезвость. Структура народного безмолвия. Рец. на книгу: Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 416 с. // Философские науки. 2009. № 12. С.121-129.
12. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М., 1955-1974.
13. Никольский С.А., Филимонов В.П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 416 с.
14. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.

15. Ребель Г. «Бьющаяся в плену мысль – печальное зрелище!» Философия в оценках и в творчестве И.С. Тургенева //Филолог. 2018. Вып. 10 [Эл. ресурс]: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_195
16. Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы). М.: РГГУ, 1998. 192 с.
17. Турбанов И. Тургенев как повествователь // Топос. Литературно-философский журнал (13/03/2012) [Эл. ресурс]: http://www.topos.ru/article/literaturnaya-kritika/turgenev-kak-povestvovatel-0 (дата обращения 01.09.2018).
18. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 30 тт.: сочинения: в 12 т. письма: в 18 т. М.: Наука, 1978.
19. Фомина Е. Национальная характерология в прозе И. С. Тургенева. Тарту: University of Tartu Press, 2014. 148 с.
20. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Художественная литература, 1977. 445 с.

Масаев М. В. Свешникова И. П.

ФЕНОМЕН КОРРЕЛЯЦИИ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ И МАРКСИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В работе дается анализ корреляции марксизма и русской религиозной традиции (в религии, философии и холистической парадигме).
***Ключевые слова**: марксизм, религия, корреляция, холистическая модель.*

The article analyzes the correlation of Marxism and the Russian religious tradition (in religion, philosophy and the holistic paradigm).
***Keywords**: Marxism, religion, correlation, holistic model.*

Постановка и актуальность проблемы. Перемены в состоянии российского общества на современном этапе свидетельствует о возрождении массового интереса к философии марксизма. Этот феномен имеет несколько предпосылок, в том числе резкое возрастание социального неравенства, понижение уровня материального благосостояния простого народа, повышение уровня бедности, постепенная отмена социальных гарантий.

Эти феномены в контексте понятийно-категориального аппарата марксизма характеризуются понятием «эксплуатации человека человеком» и, как следствие, «несправедливым распределением материальных благ в обществе».

На фоне возрождения традиционных религий в России в среде верующих самых разных слоев населения происходит возврат к тем аспектам марксизма, которые органично сочетаются с нормами религий.

Примером может послужить отношение архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Вот как Лука описывает один из допросов ГПУ на Лубянке в своих воспоминаниях: «На допросе чекист спрашивал меня о моих политических взглядах и о моем отношении к Советской власти. На вопрос «Так кто Вы — друг или враг наш?» Я ответил: «И друг и враг. Если бы я не был христианином, то, вероятно, стал бы коммунистом. Но Вы возглавили гонение на христианство, и поэтому, конечно, я не друг Ваш». И еще один фрагмент допроса: «… Я тоже полагаю, что очень многое в программе коммунистов соответствует требованиям высшей справедливости и духу Евангелия. Я тоже полагаю, что власть рабочих есть самая лучшая и справедливая форма власти. Но я был бы подлым лжецом перед правдой Христовой, если бы своим епископским авторитетом одобрил бы не только цели революции, но и революционный метод. Мой священный долг учить людей тому, что свобода, равенство и братство священны, но достигнуть их человечество может только по пути Христову — пути любви, кротости, отвержения от себялюбия и нравственного совершенствования.

Учение Иисуса Христа и учение Карла Маркса — это два полюса, они совершенно несовместимы и потому Христову правду попирает тот, кто, прислушиваясь к Советской власти, авторитетом церкви Христовой освящает и покрывает все её деяния» [4]

Аналогичные высказывания приводит протоиерей Николай Доненко в Сборнике документов Крымской епархии в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов [7, с. 1018–1019].

Целью данного исследования является сопоставление точек зрения на отношения марксизма и религии в марксистской философии и в религиозном мировоззрении.

Задачами работы является:

– анализ основных положений К. Маркса и Ф. Энгельса относительно религии как социально-мировоззренческого явления;

– выявление особенностей восприятия марксизма в России,

– исследование представления русских религиозных философов о взаимоотношении марксизма и религии, обоснование достойного места определенных положений марксизма в современной холистический парадигме.

Первая половина XIX столетия на западе ознаменовалась яростной критикой религиозного мировоззрения. В этом «тренде» приняли активное участие и основоположники марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс.

Большое внимание вопросам религии уделил Ф. Энгельс. К. Маркс писал о религии меньше, чем Ф. Энгельс, но в большинстве его работ, включая «Капитал», эта тема затрагивается хотя бы уже потому, что, по его мнению, практически во все общественные явления, включая экономику, проникли «религиозные метастазы». В отличие от Ф. Энгельса, которого интересовали все аспекты религии, К. Маркс главным образом концентрировался на влиянии религии на ход общественного развития. Каждому образованному человеку приходят на помять ставшие знаменитыми его слова об «опиуме» и «угнетенной твари». Они были высказаны в его известной работе о Гегеле, в которой он доказывал, что не религия объясняет общество, а наоборот, государство, общество порождает религию, «превратное мировоззрение, ибо сами они – превратный мир». Современный философ Алекс Бэттлер (Олег Арин) высказывает мысль о том, что яростная критика религии того времени связана именно с борьбой за умы, влияние на мировоззрение и на ход общественного развития, что в последующем дало возможность победы идеям марксизма. (Материализм – марксизм – диалектический материализм) [1, с.14].

По мнению современного российского философа В. Д. Жукоцкого, тема религии в ее отношении к философии марксизма имеет внутренний и внешний аспекты. «Первый действует через прошлую культурную традицию и личностный, экзистенциальный план философствования, как кульминирующее ценностное ядро. Второй, напротив, через результирующую культурного влияния на общество данной философской системы. Тот аспект религиозности, который был внешним для Маркса, стал внутренним для русского марксизма, образовав энергетический сгусток глобального социального действия.

То, что русский марксизм оказался в ауре духовно господствующего течения русской культуры XIX – начала XX веков, во многом предопределило его культурообразующий потенциал. Если в аспекте ценностного ядра - радения за народ – он принадлежал к народнической идеологеме с ее социалистской направленностью, то в аспекте методологической устремленности он включал в себя западную ориентацию, обретавшую оттенки как либеральной, так и консервативной инверсии. Это центрирующее положение русского марксизма в многообразии версий грядущей секуляризации русской культуры предопределило как его политическую судьбу, так и религиозный аспект в способе восприятия учения К. Маркса в России» [6, с. 3].

Того самого особого восприятия, способного по выражению Н. А. Бердяева, «даже материализм превратить в предмет культового поклонения, в новую разновидность религии» [2, сл. 7–8].

«Встреча К. Маркса с Россией не случайна. Как не случайно само появление марксистского миросозерцания в мировой культуре. Особенность русской ситуации в том, что именно здесь возобладал религиозный подход к марксизму, а размеры догматизации диктовались в равной степени как политическими факторами, так и традициями русской религиозной культуры. Состоявшийся феномен религии советизма, утратив свое господствующее положение в обществе, не перестает быть одной из крупных составляющих современной русской культуры» [6, с. 4].

Весьма интересны представления о взаимоотношении марксизма и социализма советского государственного деятеля А. В. Луначарского [12].

В работе «Религия и социализм» [8, с. 40–41], рассматривая сходства социализма и религии, А. В. Луначарский обращал внимание на смыслосозидающую ценность религии, которая «корреспондирует со всеми остальными видами ценностей в космосе.… Мысли она дарит веру в мировой смысл.… Жизненная уверенность человека в мире, как таковом, также и ее дело», научный же социализм, как «великая позитивная религия» в состоянии не искать смысл в мире, но дать его миру.

«Марксизм является величайшим разрушителем религии» утверждал позднее Луначарский, но надо различать отношение марксизма как социологической доктрины к социальному явлению религии, с одной стороны, и отношение марксизма, как «боевого миросозерцания и тактики пролетарского класса к религии как к другому миросозерцанию и своеобразной тактике господствующих классов». Христианство изначально есть идеология «первоначального христианского коммунизма», т. е. именно в христианстве зародилась коммунистическая идея, и в этом смысле интересен анализ сущностных характеристик христианства, подчеркивающий генетическое родство христианства и коммунизма. Христианство исторически, по происхождению, демократично — ибо «не только равняет последних с первыми, но ставит последних именно первыми» [9, с. 58, 71].

Современный российский философ-марксист А. С. Попов в работе «Философские взгляды на религию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина» старается смягчить резко негативное отношение марксизма к религии: «Если обратиться к тому, какой вклад внесли основоположники марксистской теории в постижение сущности религии, то первое, что бросается в глаза, это попытка объяснения общественной природы феномена, раскрытие его социальных корней. За отправную точку исследований Маркс взял принципиальное положение Л. Фейербаха (взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на религию формировались под непосредственным влиянием современных им крупных критиков религии — младогегельянцев и Людвига Фейербаха) об отсутствии у религии собственного, вне этого мира, содержания, собственного развития, собственной истории. Маркс попытался наполнить эту идею конкретным социальным смыслом, а именно, дополнить метод сведения религиозного мира к его земной основе методом выведения религиозного мира из отношений земной социальной практики» [11].

Крайне важные для современности идеи высказаны в работах отца Сергия Булгакова. В юности, как и многие, он увлекся марксизмом, но затем отказался и обратился за поиском ответов на самые важные и значимые вопросы к Православию. Однако интерес к экономическим учениям у него сохранился, и он построил самостоятельную экономическую теорию, сочетающие христианские ценности и идеалы и требование социальной справедливости. Учение Булгакова получило название Философия Хозяйства. Сегодня оно незаслуженно забыто, но при этом именно сегодня было бы актуально как никогда.

Сущность философии отца Сергея Булгакова станет понятной, если мы обратимся к главной его мысли – к идее Святой Софии. Эту тему С. Н. Булгаков, как и его друг, отец Павел Флоренский заимствовали от основателя русской религиозной философии Владимира Соловьева. София есть вечный замысел Бога о мире. Святая София по Сергею Булгакову – это тайная судьба России. Как и великие поэты и мыслители Серебряного века Булгаков убеждён в софийности русской культуры. Учение о Святой Софии не только философия или

поэзия, в случае Сергия Булгакова – это ещё и экономика. Хозяйство, по его мнению, тоже должно быть софийно [3, с. 180]. Когда верующий человек созидает – строит дом, растит хлеб, ухаживает за скотиной, обустраивает мир вокруг себя, он действует не только в силу грубой материальной необходимости, но стремится улучшить бытие, украсить его, осветить и усовершенствовать его. Отсюда вытекает софийность экономики, святость честного труда. Это и есть суть русской экономики – святой труд, не совместимой ни с эгоизмом, ни с погоней за выгодой, ни с эксплуатацией – свободный труд свободных русских людей.

По мнению современного философа А. Дугина социальная система тоже должна быть софийной. Мир – это по Булгакову храм. Его надо очищать и украшать. И вместо воли к власти и угнетения в обществе должны восторжествовать любовь и солидарность – причем не как благопожелание, а как политическая система. Это политический строй, основанный на христианской любви, благочестии, справедливости и софийности. То есть нечто прямо противоположное тому, что есть сейчас. Отсюда вытекает революционный потенциал учения отца Сергия Булгакова. Но только революция эта тоже софийная, православная и консервативная [5].

Вывод: русская философская и религиозная мысль, как традиционная, так и современная вполне сочетает принципы марксизма и религии в отношении социальной справедливости и созидательной материальной деятельности. Особенно актуален этот феномен в формирующейся холистической научной парадигме как принцип справедливой организации социальных общественных систем и раскрытии созидательного потенциала человека труда [10].

Список использованных источников:

1. Арин Олег. Религия. Марксизм и религия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://www.olegarin.com/oleg-arin_articles/religion/marx-and-engels-about-religion.html (дата обращения - 20 января 2019 г.)
2. Библиотека Якова Кротова. Бердяев. Марксизм и религия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. — http://yakov.works/library/02_b/berdyaev/1929_109.htm (дата обращения 20 января 2019 г.)
3. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов / С. Н. Булгаков. — М.: Институт русской цивилизации, 2009. — 464 с.
4. Лука (Войно-Ясенецкий). Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. — https://ru.wikipedia.org/wiki/Лука_(Войно-Ясенецкий) (дата обращения – 20 января 2019).
5. Дугин А. Г. Сергий Булгаков: Святая София - национальная идея. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. — http://dugin.ru/video/sergiy-bulgakov-svyataya-sofiya-nacionalnaya-ideya (дата обращения – 20 января 2019).
6. Жукоцкий Владимир Дмитриевич. Русский марксизм в религиозном измерении (историко-философский аспект). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. — Екатеринбург, 2000. – 49 с.
7. Крымская епархия в документах святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и надзирающих органов. 1941–1961 гг.: Сборник документов / Сост., предисловие: протоиерей Н. Доненко и др. — Симферополь, Н. Оріанда, 2015. – 1232 с.
8. Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога? / А. В. Луначарский. – М.: Наука, 1965.
9. Луначарский А. В. Религия и социализм. – Спб., 1908. – Ч.1.
10. Свешникова И. П., Масаев М. В. Современное развитие идей В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) о синтезе науки и религии / Свешникова И. П., Масаев М. В. // Политическое пространство и социальное время: синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 года, г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – 250 с. – С. 164-170.

11. Попов А. С. Философские взгляды на религию К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. —http://libelli.ru/works/popovas.htm (дата обращения 20 января 2019 г.).

12. Сарапульцева А. В. Религиозные искания А. В. Луначарского: богостроительство. // Журнал «София». Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. – 2006. – Выпуск 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. — http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/religioznye-iskania-a-v-lunacharskogo-bogostroitelstvo/ (дата обращения 21 января 2019 г.).

Мирошников О. А.

МИФЫ ФИЛОСОФИИ МАРКСА

Ключевые слова: *классы, классовая борьба, пролетариат, историческая миссия пролетариата, диктатура пролетариата.*

Аннотация. *Наряду со строго научными идеями, во взглядах К. Маркса на развитие общества можно обнаружить мифы. Наиболее значительным из них является миф о диктатуре пролетариата.*

Говоря о К. Марксе, прежде всего, следует отметить его заслуги как ученого, как экономиста в первую очередь. В этом он превосходит не только своих предшественников (А. Смит, Д. Рикардо и др.), но и многих экономистов современности. Именно оценивая его заслуги в этой области, справедливо вспомнить слова П. Лафарга о Марксе: «Весь свой организм приносил он в жертву своему мозгу: мышление было для Маркса высшим наслаждением» [2, с. 145].

Но чем далее отходит экономист Маркс от собственно экономических проблем, тем более оказывается он от власти мифов – как мифов, унаследованных им от своих предшественников, так и мифов, пущенных в оборот им самим. Это процесс естественный: нелегко проявлять объективность при исследовании общества – ведь сам исследователь принадлежит этому обществу.

Само понятие классов было введено французскими историками периода Реставрации (можно вспомнить отрицание классов некоторыми современными философами). Во времена Маркса представление о классах все еще не утвердилось окончательно.

Однако Маркс идет дальше. Он говорит о классовой борьбе. В «Манифесте Коммунистической партии» он характеризует этот процесс в следующих выражениях: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу…» [8, с. 24].

Но существовала ли борьба классов? И, если даже она существовала, следует ли ее считать движущей силой исторического развития?

Вернее будет сказать: была борьба сословий: противоречия внутри сословий (например, между мастерами и подмастерьями, о чем пишет Маркс) имели второстепенное значение.

Вплоть до эпохи революций борьба эта не оказывала серьезного положительного влияния на прогресс. Отрицательное влияние она оказывала – и не раз.

Революцию Маркс рассматривает как проявление борьбы классов. Однако революция - это не миф. Это процесс вполне реальный, совершенно не исследованный во времена Маркса и не исследованный в достаточной мере даже и сейчас, когда фактического материала накопилось, казалось бы, более чем достаточно. И, при всех недостатках Марксовой концепции революции, она не уступает большинству соответствующих концепций нашего времени.

Пролетариат существует, по крайней мере, еще с античных времен. Но если античный пролетариат жил за счет общества, то в общем справедливо говорить, что в эпоху Маркса общество во многом живет за счет пролетариата.

Однако Маркс говорит об «исторической миссии пролетариата». И это также следует считать мифом. Соответственно, в качестве мифа должно рассматривать и Марксову идею диктатуры пролетариата. Однако если об исторической миссии пролетариата впервые заговорил именно Маркс, то с вопросом о диктатуре все сложнее.

Впервые о необходимости диктатуры для преобразования общества заговорил еще Н. Макиавелли. Английские и американские революционеры, конечно, де-факто нередко прибегали к диктатуре, но избегали об этом говорить. А вот французские революционеры говорили об этом много и откровенно.

Достаточно вспомнить хотя бы одно из одиозных рассуждений М. Робеспьера на эту тему. «Если движущей силой народного правительства в период мира должна быть добродетель, то движущей силой народного правительства в революционный период должна быть добродетель и террор – добродетель, без которой террор пагубен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор – это не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость, он, следовательно является эманацией добродетели» [13, с. 112].

Робеспьер утверждает чудовищное сочетание террора и добродетели; по его собственному выражению террор должен выступать как добродетель в действии.

Казалось бы, подобная точка зрения была преодолена еще задолго до нашей эры. Достаточно хорошо известен ответ Конфуция на вопрос ученика относительно судьбы противников справедливой власти: «Зачем, управляя государством, убивать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым… Трава клонится туда, куда дует ветер» [11, с. 113].

Однако история вообще, включая историю человеческой мысли и нравственности, идет зачастую весьма извилистым путем. В эпоху революций гуманизм древнего мыслителя воспринимался как давно устаревший и преодоленный.

Основные этапы, которые проходил Марксов миф о диктатуре пролетариата в своем становлении суть следующие:

1. В результате революции государство исчезает, устанавливается самоуправление народа (1843 – 1845 гг.);
2. Революция приводит к установлению диктатуры пролетариата; пришедший к власти пролетариат может использовать старый государственный аппарат (1845 – 1852 гг.);
3. В ходе революции происходит слом старого государственного аппарата и создание новых, пролетарских органов власти (с 1852 г.).

Само словосочетание «диктатура пролетариата» Марксом впервые употребляется в работе «Классовая борьба во Франции». И автор говорит в работе с достаточной определенностью: «диктатура пролетариата» - это лозунг Бланки. «Пролетариат все более объединяется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма, который сама буржуазия окрестила именем Бланки. Этот социализм есть объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех…

В коммунистической России с легкой руки В. Ленина принято было считать автором идеи диктатуры пролетариата именно Маркса. Коммунисты Запада, однако, не столь категоричны. Достаточно вспомнить У. З. Фостера, который, упоминая о революционных событиях 1848 г.в Париже, указывает на такую их деталь: «На стенах домов появились лозунги «Долой буржуазию!» «За диктатуру рабочего класса!» [15, с. 175]. Согласно Фостеру, Маркс взял популярную в то время среди революционных рабочих формулировку, но, разумеется, наполнил ее собственным содержанием. Она вполне соответствовала его мифу об исторической миссии пролетариата.

Т. Ойзерман же подчеркивает, что основоположники марксизма «вскрывают объективную закономерность именно диктатуры пролетариата, показывая, что из всех классов буржуазного общества до конца революционен один лишь пролетариат» [12, с. 413 – 414].

Однако миф о пролетариате у власти даже среди современных Марксу революционеров воспринимался все же именно как миф.

М. Бакунин, подобно Марксу преклонявшийся в свое время перед Гегелем и сохранивший следы этого преклонения гораздо дольше, чем его знаменитый соперник, показывает, что гегелевские уроки не прошли даром: нелепость словесного оборота, употребленного немецким коммунистом, для него очевидна.

«Что значит – пролетариат, «возведенный в господствующее сословие?» спрашивает Бакунин, скорее риторически. Маркс берется ответить на этот риторический (!) вопрос, не умея скрыть своего раздражения: «Это значит, что пролетариат, вместо того чтобы в каждом отдельном случае бороться против экономически привилегированных классов, достиг достаточной мощи и организованности…» [6, с. 612].

Так отвечает Маркс в своем конспекте книги русского революционера «Государственность и анархия». В более полном виде эта цитата из Бакунина звучит так: «Что значит пролетариат, «возведенный в господствующее сословие»? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления?.. Весь народ будет управляющим, а управляемых не будет. Тогда не будет правительства, не будет государства, а если будет государство, то будут и управляемые, будут и рабы». Значит, в любом случае, по мнению русского революционера, меньшинство будет управлять большинством. «Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной; будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом». Бакунин полагал, что «никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить, воспитать в народе, сносящем ее, только рабство» [1, с. 169].

Подобно всякой власти, логично заключает Бакунин, предлагаемая Марксом диктатура сможет заботиться только об укреплении и сохранении себя и в будущем, а потому мирным путем отмереть не сможет. Следовательно она, как и всякое государство и всякая власть есть зло.

Маркс, пытаясь опровергнуть критику Бакунина, ссылается, не слишком убедительно, на опыт английских рабочих организаций. Однако при этом он и не пытается скрывать, что это будет самая настоящая диктатура - с насилием и террором – и существовать она должна достаточно длительное время, чтобы решить значительные по количеству и трудности задачи.

«Покуда существуют другие классы, в особенности класс капиталистический, покуда пролетариат с ним борется (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старая организация общества), он должен применять меры насилия, стало быть, правительственные меры; если он сам еще остается классом и не исчезли еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен» [6, с. 612].

Уничтожение экономических основ существования классов – вот в чем видит Маркс главную задачу диктатуры пролетариата. Ретроспективно можно оценить невыполнимость этой задачи – ведь эти самые «основы» не смогли уничтожить за все 70 лет существования Советской власти: никакой террор, никакое насилие не смогли ее выполнить.

Возвращается к своей идее диктатуры Маркс в 1870-х гг., после Парижской коммуны. Советские историки марксизма это объясняют тем, что опыт Коммуны подтвердил:

завоевание рабочим классом политической власти является прямым и необходимым следствием развития классовой борьбы; цель борьбы рабочего класса не может быть осуществлена без создания пролетарской государственности [3, с. 672].

Итог этого опыта можно увидеть в «Критике Готской программы», где Маркс рассматривает переходный период и диктатуру пролетариата как объективную закономерность развития всех стран, вставших на путь социалистической революции [9, с. 21].

Мы же сейчас можем констатировать, что мифу о пролетарской диктатуре советское общество обязано не только краткому послеоктябрьскому периоду в истории страны, но всему 70-летнему периоду существования Советской власти. Вот как определил этот период Маркс в своей «Критике Готской программы»: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата» [9, с. 24]. Весь период существования страны Советов подходит под данное определение.

Но что же позволяет говорить о диктатуре пролетариата как о мифе? Ведь в истории реально существовала диктатура, реально существовал террор, с нею связанный, реально существовал и пролетариат. В качестве мифа выступает именно это сочетание – «диктатура пролетариата».

Пролетариат до тех пор, пока он является пролетариатом, не может осуществлять ни своей диктатуры, ни своего господства над другими классами. Реально существовавшая в нашей стране диктатура может рассматриваться как диктатура над пролетариатом почти в такой же степени, как и над другими сохранившимися классами.

И это естественно. Альтернатива ведь, на самом деле, такова: либо пролетариат, либо господствующий класс. Господство же пролетариата – это, так сказать, «исключенное третье».

Если вернуться к критике концепции диктатуры пролетариата (Бакуниным и многими другими), то следует отметить один момент, который является весьма существенным, хотя, возможно, и не осознается самими критиками. Это – подмена цели (коммунистического общества) средством (диктатурой пролетариата). Хотя они и не говорят о подмене, но утверждают - и совершенно справедливо, - что диктатура пролетариата надолго отодвигает во времени установление коммунистического общества. На практике это «надолго» означает, скорее всего, «навсегда».

Итак, в социальной философии Маркса можно отметить, как минимум, три мифа:

1) миф о классовой борьбе как движущей силе истории, определяющей ее прогрессивное развитие;
2) миф об исторической миссии пролетариата;
3) миф о диктатуре пролетариата.

Все три мифа тесно связаны друг с другом. И все они, в особенности миф о диктатуре пролетариата, сыграли во многом отрицательную роль в истории ряда стран и народов.

Список использованных источников

1. Айрапетов А. Г. Западноевропейский и русский утопический социализм Нового времени. – М.: Высшая школа, 1991. – 206 с.
2. Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
3. История марксизма-ленинизма. В 4-х т. – Т. 1. - М.: Политиздат, 1986. – 734 с.
4. Маркс К. Гражданская война во Франции / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 17. – С. 321 – 367.
5. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 7. – С. 5 – 110.

6. Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 18. – С. 611 – 618.
7. Маркс К. Критика Готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 19.– С. 9 – 32.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 4. – С. 419 – 459.
9. Марксистская философия в 19 веке. В 2-х т. - Т. 2. - М.: Наука, 1979. – 396 с.
10. Мирошников О. А. Государство. Идеология. Революция. – Ялта: РИО КГУ, 2009. - 244 с.
11. Мудрецы Поднебесной. – Симферополь: Реноме, 1998. – 384 с.
12. Ойзерман Т. И. формирование философии марксизма. М.: Мысль, 1986. – 462 с.
13. Робеспьер М. Избранные произведения. В 3-х т. - Т. 3. - М.: Наука, 1965. - 409 с.
14. Учение Маркса об исторической миссии рабочего класса в идеологическом противоборстве. – М.: Политиздат, 1985. – 288 с.
15. Фостер У. З. История трех Интернационалов. М.: Госполитиздат, 1958. – 402 с.

Н. Ю. Мозговой,

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ ПРОТОФИЛОСОФИИ

Аннотация*. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты философии Фридриха Энгельса, касающиеся его размышлений о древней философии.*
Ключевые слова*: Фридрих Энгельс, марксизм, протофилософия*

FRIEDRICH ENGELS ON ANCIENT ORIENTAL PROTOPHILOSOPHY

Annotation*. This article discusses some aspects of the philosophy of Friedrich Engels concerning his reflections on ancient philosophy.*
Keywords*: FriedrichEngels, Marxism, protophilosophy*

Фридрих Энгельс родился в вестфальском городе Бармен (ныне район Вупперталя) 28 ноября 1820 года в семье преуспевающего текстильного фабриканта.Фридрих был – немецким политическим деятелем, философом, историком и предпринимателем. Одним из основоположников марксизма. Друг и единомышленник Карла Маркса, а также соавтор его многих трудов. В 1848 году он совместно с Карлом Марксом написал «Манифест Коммунистической партии» [1]. Помимо этой работы, он сам и в соавторстве (в основном с Марксом) написал ряд других трудов, а позже финансово поддерживал Маркса, пока тот вёл исследования и писал «Капитал» [2].

Энгельс в ряде своих произведений в строго систематизированной форме изложил марксизм как цельное мировоззрение, показал его составные части и теоретические источники. Этим Энгельс в огромной мере способствовал победе марксизма в международном рабочем движении в 90-е гг. XIX века. Умер он же в 5 августа 1895 года. Согласно последней воле Энгельса, его тело было кремировано, а урна с прахом опущена в море у Истборна (Великобритания).

Следует обратить внимание на то, что изучение философии Гегеля позволяет Энгельсу сформулировать основной вопрос философии, выражающий в виде проблемы единый предмет философии на всем протяжении ее исторического развития от Фалеса до Гегеля включительно. Это, по Энгельсу, вопрос об отношении мышления и бытия. Согласно Энгельсу, философия тем отличается от положительных наук о природе, обществе и мышлении, что ее предмет есть не одно бытие природы и общества, как у естествознания и исторических наук, и не одно мышление, как у формальной логики и психологии, а

отношение мышления и бытия. Это – совершенно правильное представление, заключающее в себе понятие предмета философии. Предмет философии есть всеобщее отношение мышления и бытия, т.е. сама истина, а не что-то особенное или единичное. Однако существенным недостатком изложения Энгельсом содержания основного вопроса философии является популярность.

Немецкий философ часто размышлял в своих работах о ряде греческих мыслителях, о строении общества, об истории развития стран, о том, каким он видит государство, о религии. Он часто упоминает древние страны, такие как: Египет, Индия, Китай, Месопотамия. Однако всегда это остается лишь упоминанием. «У других народов религиозная оболочка отсутствует: у некоторых - в древности у фракийцев, кельтов и др., в настоящее время еще у многих коренных обитателей Индии, у малайских народов, у тихоокеанских островитян и у многих американских индейцев - девушки пользуются до своего замужества полнейшей половой свободой» - писал Энгельс [3, с. 4].

Мы видим его мысли, мы видим его собственный взгляд на эти страны, но он не говорит ничего о культурном развитии этих стран. Так в своей книге “Диалектика природы” Фридрих Энгельс цитирует Аристотеля: «Аристотель правильно упрекает пифагорейцев также в следующим: своими числами «они не объясняют, как становится движение и как без движения и изменения совершается возникновение и гибель, или же состояния и деятельности небесных вещей» [4, с.12]. Он соглашается с ним, приводит доводы, аргументирует, а значит, считает Аристотеля мудрым человеком.

В ходе анализа некоторых книг Фридриха Энгельса, таких как: «Диалектика природы», «Анти-Дюринг» «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Роль насилия в истории» [3, 4, 5, 6] мы не нашли ни одну цитату связанную с культурой, с образованием, с зачатками философии древневосточных странах. Фридрих даже не прибегает к цитированию философов того времени. Это натолкнуло нас на мысль о том, что Фридрих Энгельс не считает протофилософию стран Египта, Индии, Китая, Месопотамии чем-то важным или же полезным для современности.

Немецкий политический деятель, предприниматель, историк, один из основоположников марксизма Фридрих Энгельс не только писал о том, какой должна быть мировая революция, не только один из авторов «Манифеста Коммунистической партии», но и философ, который размышлял о сущности предметов, о их назначении.Но он не считал нужным размышлять о протофилософии стран древнего востока. И его мысли действительно велики и значимы даже в наше время.

Список использованных источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партиия. – 2-е изд. – М.: Государственное издательство политической литературы.
2. К.Маркс. Капитал-М.: Политиздат, 1984
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства - М.: Политиздат, 1884
4. Энгельс Ф. Диалектика природы. 1873-1882, 1886 - М.: Партиздат, 1934;
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг 1878
6. Энгельс Ф. Роль насилия в истории- М.:Либроком, 2010
7. Маркс. К, Энгельс Ф. Сочинения. Т.23. – М.: Издательство политической литературы, 1978.

Моренко Е. А.

МАРКСИЗМ, КАК ПРИРОДОСОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СИЛ

Аннотация. *Марксизм считает человека, следовательно, и человеческое общество частью природы. Поэтому происхождение человека следует искать в развитии мира; человек развился из предшествующих форм жизни, в процессе эволюции которых возникло мышление и сознание. Это означает, что материя, реальность, не обладающая сознанием, существовала до разума, реальности, обладающей со знанием. Но это означает также, что материя, внешняя реальность, существует независимо от разума. Такой взгляд на природу известен как «материализм».*

Противоположный взгляд, в соответствии с которым внешний мир реально не существует, а существует лишь в сознании человека или какого-либо высшего существа, известен как «идеализм». Есть различные формы идеализма, но все они признают, что сознание (будь то сознание человека или божества) первично, а материя (если она вообще существует) - вторична. Многие люди верят, что производство ради прибыли является вечной чертой человеческого общества. И действительно, с концепцией «как было, так и будет» можно встретиться почти всюду, она постоянно препятствует развитию людей и общества в целом.

Ключевые слова: *марксизм, материализм, идеализм, общество, производство, природа.*

Summary. *Marxism considers a man, and thus a human society too as a part of nature. That is why one's should seek the human origin in the development of the world. The man evolved from preceding forms of life. Mind and consciousness appeared in the process of evolution. That means that the matter and reality which doesn't have consciousness existed before the mind, reality that possesses conscience. But that also means that the matter, outer reality exists regardless the mind. The following point of view on the subject, nature, is known as "materialism".*

The opposite point of view, known as "idealism", states that outer world doesn't really exist, but exists only in human conscience or other higher being. There are different forms of idealism, but all of them recognize that consciousness (of a man or a deity) is primarily and the matter (if it really exists) is secondary. A great number of people believe that production for profit is an everlasting human trait. And indeed, the concept "that was and that will be" can be seen all the way through the history of mankind. And it always was a postpone in society's and human development.

Key words: *Marxism, materialism, idealism, society, production, nature.*

Из ясного понимания того, что все изменяется, развивается или умирает, вытекает следующее положение. Исключительно большое практическое значение имеет понимание того, на какой стадии развития находятся вещи, которые нас интересуют. Фермер ясно отдает себе в этом отчет, когда покупает корову; об этом же думает человек, когда он покупает лошадь. Действительно, в простых повседневных делах никто не пренебрегает этим общим законом. Но, к сожалению, его не столь отчетливо понимают, когда речь идет о человеческом обществе, особенно о системе производства и связанных с ней идеях.

Производительные силы это совокупность средств производства и людей, занятых в производстве, система субъективных (человек) и вещественных элементов, осуществляющих «обмен веществ» между человеком и природой в процессе общественного производства. Производительные силы выражают активное отношение людей к природе, заключающееся в материальном и духовном освоении и развитии её богатств, в ходе которого воспроизводятся условия существования человека и происходит убыстряющийся в рамках сменяющихся общественно-экономических формаций процесс становления и развития самого человека.

Объектом изучения является марксизм как одна из составляющих производительных сил.

Актуальность обусловлена возрастающим интересом социума к марксистской идеологии в социальной, экономической и политических сферах. Рассмотрение представленных вопросов носит как теоретическую, так и практическую значимость.

Цель работы – показать важность марксистских идей в контексте производительных сил человечества.

Задачи настоящего исследования состоят в том, чтобы:

- проследить историю возникновения и развития явления «производственные силы»;
- определить влияние марксизма как природной составляющей на производственные силы;
- охарактеризовать основные особенности;
- попытаться оценить место марксизма, как части природной составляющей производительных сил в современном мире.

Избранная для рассмотрения проблематика находится на стыке нескольких научных дисциплин, что и определяет теоретическую значимость работы.

Практическая ценность исследования состоит в том, что результаты могут быть использованы при чтении курса «Философия», «Экономика», «История», «Обществознание».

Предметом исследования являются марксизм и производительные силы.

Производительные силы образуют ведущую сторону способа производства, основу развития общества. Каждой ступени развития производительных сил соответствуют определённые производственные отношения, выступающие в качестве общественной формы их движения.

Производительные силы

В процессе своего развития производительные силы приходят в противоречие с существующими производственными отношениями. Из стимулирующих форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда в условиях антагонистических формаций наступает эпоха, социальной революции происходит переворот в экономической структуре общества, в юридической и политической надстройке. Главная производительная сила общества — это сами люди, участники общественного производства — рабочие, трудящиеся массы [1]. Производственный опыт и знания людей, их трудолюбие, активность и трудоспособность, достигнутый уровень их личностного развития и задачи, которые они перед собой ставят, в конечном счёте определяют потенции общественного производства. Действительным богатством общества К. Маркс называл развитую производительную силу всех индивидов. Положение трудящихся масс в системе производительных сил определяет принципиальное отличие производительных сил одной эпохи от другой.

В своём восходящем развитии производительные силы принимают три усложняющиеся формы: естественные производительные силы, общественные производительные силы и всеобщие производительные силы; они проявляются в процессе исторического развития общества в виде трёх последовательных ступеней развития: первичные, или архаические, производительные силы, вторичные, или антагонистические, производительные силы, коммунистические производительные силы [3]. Всеобщий закон развития производительных сил состоит в том, что материальные возможности последующей формы производительных сил зарождаются и развиваются в недрах предшествующей формы, но сама она становится господствующей лишь на новой ступени развития общества [4].

Производительные силы, образующие основу коммунистической формации, характеризуются полным торжеством всеобщих производительных сил — активным, творческим контролем науки над всеми сторонами общественного производства, комплексным преобразованием этого процесса в соответствии с её требованиями для возможно более быстрого и многогранного развития каждого индивида. Всестороннее развитие каждого полностью реализуется как величайшая производительная сила, условие

развития всех. Однако эта новая ступень производительных сил возникает в виде переплетения общественных и всеобщих производительных сил, достающихся «в наследство» от капитализма. Социалистическая революция подчиняет развитие производства требованиям науки об обществе и создаёт новую формацию вначале на базе существующих технологических условий производства и производительности труда. Но уже сама революция означает не просто перестройку производственных отношений, но и новое качественное состояние, внутреннюю структуру производительных сил, поскольку меняется положение трудящихся, для которых открывается доступ к образованию, культуре, активной производственной и общественной деятельности. В этом залог огромных потенции развития новых производительных сил, создания гораздо более высокой производительности труда, необходимой для победы нового общественного строя [13]. Рост свободного времени и обогащение масс знанием всех тех богатств, которые выработало человечество, служат важнейшим условием создания производительных сил, адекватных коммунистических формации [14].

Производительные силы в марксизме

Производительные силы — в марксизме средства производства и люди, приводящие их в действие при осуществлении производства материальных благ.

Согласно Марксу, политическая экономия — научная теория о капиталистическом способе производства — является исключительно важной. Общая философия истории вместе с теорией о взаимосвязи экономических законов, институтов и способов мышления интегрирована с политической экономией. В нашем изложении мы трактуем марксизм как теорию, претендующую, во-первых, на объяснение исторических, социальных и философских вопросов и, во-вторых, на такое их объяснение, на которое не способна одна лишь философия. Именно политическая экономия в качестве науки считается обеспечивающей новую точку зрения и на философию, и на историю философии. Однако в нашем изложении нас прежде всего будет интересовать собственно философский аспект перехода от Гегеля к Марксу. Этапами этого перехода являются: развитие Марксом диалектики и концепции отчуждения; предложенное им понимание истории на основе учения о базисе и надстройке, а также разработка политической экономии как теории прибыли, концепции производительных сил и производственных отношений.

Люди (в противоположность животным) должны работать и производить для того, чтобы жить. Их работа создает прибавочный продукт. Поэтому отношение между человеком и природой становится диалектической взаимосвязью, в которой каждая сторона изменяет другую. История является именно этим необратимым, диалектическим процессом развития, в котором природа все более видоизменяется посредством человеческого труда, а человеческое бытие все более опосредствуется сферой изготовленных продуктов.

Капиталистическое общество значительно преобразовало природу. Люди окружили себя фабриками и городами. Однако самые радикальные раздвоения возникли между капиталистами и пролетариями, а также между человеком и продуктом его труда. Человек более не является хозяином своих собственных творений. Они возникают перед ним в качестве независимой силы, которая вынуждает человека работать ради их производства. Капиталист должен вкладывать капитал и конкурировать, тогда как рабочий существует на грани выживания. Машины и их развитие определяют то, что происходит с человеком, а не наоборот.

Здесь мы достигли важного положения. Маркс негодует по поводу деградации человека в современном ему капиталистическом обществе (середина XIX в.). Важно отметить, что он считал, что эта деградация затрагивает и капиталиста и рабочего. Они оба порабощены экономической системой. Деградация выражается в материальном обнищании не только рабочего, но и человека вообще. Человек подчиняется внешним силам — овеществлению и давлению со стороны трудового процесса, которые мешают ему осознать самого себя в качестве свободного и творческого существа. Люди вынуждены

функционировать как машины и подчиняться созданным ими самими силам, хозяевами которых они уже не являются. Люди — и капиталисты и рабочие формируются этим овеществленным миром. Они чувствуют себя бессильными по отношению к «преобразованной» природе, как она функционирует в капиталистическом обществе. Люди рассматривают себя и своих сотоварищей в качестве «вещей»: рабочей силы, служащих, конкурентов.

Итак, отчуждение относится и к материальному обнищанию рабочих, и к человеческой деградации капиталиста и рабочего.

Естественные природные производительные силы это тела природы, природные ресурсы, через трудовую деятельность главной производительной силы, превращаемые в предметы, орудия труда и производственные процессы.

Природные, естественные производительные силы создают материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс труда, процессы производства материальных благ, создания невещественных услуг для удовлетворения потребностей вообще могли совершаться.

Цель изменений и преобразований – удовлетворение потребностей в свойствах, качествах природных ресурсов и объектов при одновременном сохранении природно-ресурсного потенциала.

Хозяйственная деятельность стала главной причиной деградации, разрушения природных комплексов.

Главная производительная сила должна реально определять изменения и преобразования в природной среде, частицей которой она сама является и без сохранения качественных элементов которой она начинает деградировать как элемент живой природы.

Природные, естественные производительные силы создают материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс труда, процессы производства материальных благ, создания невещественных услуг для удовлетворения потребностей вообще могли совершаться.

Обязательным и объективным условием функционирования отдельных элементов естественных производительных сил является неразрывное в пространстве и непрерывное во времени их пребывание в системе природного комплекса. Всякое ослабление или разрыв связей приводит к ослаблению или исчезновению способностей их воспроизводства как части природной среды. Например, водоем при загрязнении зарастает и теряет рыбохозяйственное значение.

Исключение одного элемента из системы (исчезновение водного объекта из экосистемы региона) обязательно проявляется в виде разрушающего фактора всей цепи экосистемы и как результат – ее деградации.

Таким образом, существует взаимообусловленная связь между естественными производительными силами и хозяйственной деятельностью, т.е. должна соблюдаться сопряженность естественных производительных сил и хозяйствования на основе их использования.

Выводы. Чтобы сохранить возможность использования естественных производительных сил, необходимо направить определенную часть общественных производительных сил на охрану и воспроизводство ресурсов.

В настоящее время в результате дисфункции развития общества и биосферы привели к исчерпанию некоторых ресурсов и привлечению общественных производительных сил на обеспечение доступности естественных ресурсов. Стали вовлекаться в хозяйственный оборот и худшие ресурсы.

Наступил и экологический предел использования естественных производительных сил, что привело к объективной необходимости сохранения экологического равновесия в целях использования естественных производительных сил и развития общественных производительных сил.

Сегодня очевидно то, что затраты общественных производительных сил на рациональное использование естественных производительных сил будут возрастать по сравнению с эффектом использования непосредственно ранее доступных (даровых) сил природы.

Этот процесс развития взаимодействия естественных и общественных производительных сил приводит к регулированию этого взаимодействия, т.е. к управлению общественными и естественными производительными силами.

Список использованных источников

1. Глядков В.А. Феномен марксистской философии. М., 2001. — 293 с.
2. История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа / ред. М.М. Розенталь. - М.: Мысль, 2000. 535 с.
3. История философии: учеб. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. - 240с.
4. История экономических учений: Учебное пособие / Л.В. Синель-ник. М.: КНОРУС, 2010. –284 с.
5. Багатурия Г.А. Категория "производительные силы" в теоретическом наследии Маркса и Энгельса // Вопросы философии. 1991. № 9.
6. Багатурия Г.А. О некоторых особенностях развития марксизма как теоретической системы // Вопросы философии. 1993. № 1
7. Беляев, Г. Ю. Марксизм как символ научной рациональности в эпоху глобализма / Г. Ю. Беляев // Учение Маркса. XXI век: Марксизм и современность. Мировой финансовый кризис: материалы международной научно-практической конференции, посвящ. 190-летию со дня рождения К. Маркса, Москва, 25 – 26 апреля 2008 года / Институт философии РАН; отв. ред.: Д. В. Джохадзе. – М.: КРАСАНД, 2010. – с. 263 – 277.

А.Г. Мясников

МАРКСИЗМ И «ИЗБЫТОЧНАЯ ДУХОВНОСТЬ»

Отношение философии марксизма к духовно-нравственной сфере общественной жизни, в частности к религии является вполне рациональным и даже прагматичным. Так, акцентирование иллюзорно-компенсаторной функции религии получает яркое выражение в понятии «опиума для народа». Это возможно обидное для некоторых верующих людей наименование подчёркивает функциональный анализ роли религиозного мировоззрения в общественной и личной жизни.

Рационально-критическое отношение к религиозно-метафизическому мировоззрению позволило марксизму внести существенное изменение в массовое сознание россиян. Благодаря этому отношению сама система верований (уже в виде марксистско-ленинского учения) получила более рационализированный, более научный характер, что, согласно М.Веберу, является важным условием модернизации общественного сознания. В этой связи можно утверждать, что марксистско-ленинская философия оказалась гораздо ближе к протестантской этике труда, чем традиционная православная вера, и благодаря этому за советское время было построено новое индустриальное государство, и существенно улучшилась материальная жизнь большинства россиян. При этом не будем забывать – какой ценой были достигнуты эти материальные успехи?

Произошла ли в советское время потеря духовности и деградация нравственности? Об этом часто говорят современные богословы и религиозно настроенные публицисты. Этот вопрос по своей сути является религиозно-метафизическим, и не поддающимся эмпирической проверке. А потому его можно трактовать по своему усмотрению. Я думаю, что не было нравственной деградации, так как вслед за Кантом считаю, что количество моральности в обществе не изменяется.

Происходящая в России религиозная реставрация вызывает очень интересное социально-психологическое и социально-экономическое явление, которое можно именовать

«избыточная духовность». Это совокупность религиозно-метафизических, нравственно-политических и социальных принципов и установок, удерживающих человека и общество на архаичном уровне мышлении и в состоянии субъективной несвободы.

Это явление «избыточной духовности» вступает в явное противоречие с требованиями и условиями буржуазно-демократического развития современного постиндустриального общества. И более того, «избыточная духовность» препятствует социально-экономической модернизации российского общества и государства, так как транслирует устаревшие мировоззренческие принципы и стереотипы поведения.

Вывод: рационально-критическое отношение Маркса к духовно-нравственной сфере общественной жизни является важной интеллектуальной предпосылкой для разоблачения современной «избыточной духовности» как формы ложного сознания.

Т.М. Новикова

««РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРАКТИКА» ПО МАРКСУ – ОСНОВА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА»

Аннотация. *К.Маркс и Ф.Энгельс являются основателями науки об обществе. Эта наука - исторический материализм. Надо признать, что многие философские понятия и законы в этой науке остаются непонятыми. Такими понятиями являются – революционная практика, способ производства и воспроизводства действительной жизни, общественное разделение труда, общественное объединение труда.*

В статье называются черты коммунистической формации по Марксу и наличие их в особенностях состояния современного общества. Анализируется понятие «коммунизм». Делается вывод – без коммунизма у человечества нет будущего.

Ключевые слова: *революционная практика, труд, человек, общественные формации, знание – мудрость, коммунизм*

Summary. *K. Marx and F. Engels are the founders of the social science, namely the science of historical materialism. Admittedly a few philosophical concepts and laws of this science branch remain unclear till now, namely revolutionary practice, the production and reproduction mode of real life, the social division of labor, the social association of labor.*

The article describes the features of the social communist formation by Marx and their detailed exhibition in the modern society. The communism concept is analyzed. The article concludes that humanity future without communism is impossible.

Key words: *revolutionary practice, labor; human; social formations; knowledge - wisdom; communism.*

«… коммунизм… является делом … всего человечества». Ф. Энгельс[3].
«… необходимо массовое изменение людей …». К. Маркс, Ф. Энгельс[4].

Россия провела первую в мире социалистическую революцию, оказав мировое влияние на другие страны.

Но все ли было понято у Маркса и Энгельса? Важнейшие стратегические их положения до сих пор остаются неосознанными до конца. В том числе:

1. Понятие «революционная практика». В 3-ем Тезисе о Фейербахе К.Маркс пишет: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только *какреволюционная практика»*[5]. Слова «изменения обстоятельств» К. Маркс не пояснил. Долгое время понятие «революционная

[3]*ЭнгельсФ*. Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы. 1955. С. 516.
[4]*Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Там же. Т. 3. С. 70.
[5] Там же. С. 2.

практика» оставалось для российских философов [4], также как, к примеру, и для китайских философов[6], не понятым.

Одним из первых дал разъяснение этого понятия российский философ Н.А.Натаров. Он пишет, что слова «изменение обстоятельств» означают «объективный закономерный процесс, совершающийся стихийно» [2, т. 1, с. 170]. Следовательно, понятие «революционная практика» требует совпадения объективного, природного хода развития общества и человеческой, субъективной деятельности людей. В настоящее время такого совпадения пока нет. Процесс объективного развития идет, а субъективная деятельность людей расходится с этим природным процессом.

2. Способ производства и воспроизводства действительной жизни как определяющий фактор развития общества[7]был понят на все века, как способ производства материальных благ. Хотя этот последний является определяющим фактором развития общества только для трех классовых формаций (рабовладельческой, феодальной и капиталистической). Способ производства и воспроизводства действительной жизни для первобытнообщинной формации – физическое воспроизводство людей. Способ производства и воспроизводства действительной жизни для коммунистической формации – воспроизводство целостного человека.

Такое непонимание способа производства и воспроизводства действительной жизни породило вывод, что экономика на все времена есть главная сфера деятельности человека. Она, действительно, - главная сфера жизни, но только для классовых формаций. Там господствует экономическая основа производства. В первобытнообщинной формации существует природная основа производства. В коммунистической формации будет господствовать гуманистическая, социально-культурная основа производства. Сегодня необходим «перелом в типе культуры». «Новая культура состоит в том, чтобы главный акцент сделать на … развитии талантов и способностей личности …» [2, т. 2, с. 317, 462].

3. Ключ к пониманию истории развития общества марксизм нашел в истории развития труда[8]**.** Недостаточно оценены современниками такие фундаментальные понятия К.Маркса, как «общественное разделение труда» и «общественное объединение труда», позволяющие приблизится к пониманию смысла истории.

Общественное разделение труда складывается в переходный период от первобытнообщинной формации к первой классовой (рабовладельческой) формации, когда начинают развиваться орудия труда. Развивается труд физический (сельскохозяйственный и труд ремесленников, в будущем – промышленный) и труд умственный. Складываются семь видов умственной деятельности человека в таких сферах, как политика, право, религия, мораль, наука, философия и искусство. Такое общественное разделение труда порождает важные следствия: появляются классы, частная собственность на средства производства (предмет труда и средства труда), экономические отношения, государство и проблемы отчуждения у человека. В числе последних: отчуждение человека к природе, к процессу труда, к продукту труда, к другому человеку и к самому себе. Такой труд не может дать высшую производительность. Эти следствия будут существовать далее во всех классовых формациях. Согласно марксизму, буржуазной (капиталистической) формацией заканчивается предыстория человеческого общества.

Производительные силы во всех классовых формациях, как основная составляющая процесса труда, включает в себя такие элементы: - предмет труда (земля),

- средства труда (основные – орудия труда и вспомогательные),
- человек,
- наука (естественная), с капиталистической формации.

---

[6] См. Вопросы философии. № 5. 2007. С. 25, 35, 36, 41, 44.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 37. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1965. С. 394.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1961. С. 317.

Наука своими открытиями способствует развитию основного элемента производительных сил общества – средств труда. «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»[9].

Наука (естественная) с капиталистической формации становится непосредственной производительной силой общества. Наука, как сфера умственной деятельности человека, сближается с физическим трудом. Это означает начало сближения физического и умственного труда, то есть начало перехода от общественного разделения труда к общественному объединению труда. Этот процесс завершится в коммунистической формации и приведет к изменению всех следствий, порожденных общественным разделением труда.

По Марксу, все элементы производительных сил общества исторически качественно меняются, переходя от менее к более высокоорганизованным формам. Так, во всех классовых формациях предметом труда является земля. При коммунизме предметом труда, согласно марксизму, становится человек.

В первобытнообщинной формации - примитивные орудия труда (заточенный камень, лом, нож) приводятся в движение мускульной силой человека. Средства труда в классовых формациях основаны на достижениях частных естественных наук: механики, физики, химии. Такие средства труда постепенно приводят к возникновению экологических проблем. Сложившиеся современные технологии (техно-сфера) оказались антагонистичны, вредны природе. При коммунизме, когда предметом труда становится человек и вся наука (естественная и социально-гуманитарная) станет непосредственной производительной силой общества, должна появиться новая социально-гуманитарная техника и соответствующие технологии.

Во второй половине XX века появились информационные технологии, социально-культурные технологии, которые используют особенности рационального, интеллектуального мышления человека (Аристотель). Современное общество уже не называется индустриальным, технократическим, а называется информационным обществом. Важным для современного общества является многократное возрастание возможности взаимосвязей между людьми. К.Маркс считал важнейшим видом богатства людей – «богатство общений».

При этом, однако, возникли новые проблемы. Стали говорить о негативном воздействии информации на человека и о необходимости создания концепции информационной безопасности.

При коммунизме возникнут новые, искусственные технологии, эмитирующие природные процессы (например, фотосинтез), безотходные технологии, что приведет к решению экологических проблем. Будут созданы технологии на основе социально-гуманитарных наук, роль которых возрастет по отношению к наукам естественным и техническим [2, т. 4, с. 35].

В настоящее время стало осознаваться различие между информацией и знанием. Человечество постепенно приходит к пониманию существования собственно философского знания – мудрости (Пифагор), вошедшего в человеческую культуру с древнейших времен. Первым, кто записал в своих произведениях это знание – мудрость, был Платон. Согласно этому знанию известен общий план эволюции природы Вселенной, человека и общества, основные законы их развития. Главным законом этого знания – мудрости является природный нравственный закон.

Этот закон составляет основу всех мировых религий, которые называют нравственные принципы жизни человека. В истории постоянно появлялись, так называемые, утопические

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1960. С. 191.

произведения философов. В их числе: идеальное государство Платона; в период Возрождения Т.Кампанелла пишет «Город Солнца» и Т. Мор – «Утопию»; теорию К.Маркса и Ф.Энгельса с ее коммунистической формацией считают также утопической. Даже сказки всех народов мира построены на принципе – «добро побеждает зло». Но все это – не утопии. Это – таким должно быть общество. Жизнь его должна быть основана на принципах добра и справедливости.

4. К.Маркс назвал черты коммунистической общественной формации. Если их сравнить с существующими особенностями современного общества, можно убедиться, что объективно идет процесс становления коммунистической формации. Почему это остается без внимания у философов? Общий процесс развития общества оказывается искаженным несовпадением субъективной деятельности людей с объективным ходом развития общества. Назовем – черты коммунистической формации по Марксу и особенности современного состояния общества (обозначим последние - *****).

1. Коммунистическое общество – бесклассовое общество.«Точка зрения старого материализма есть *«гражданское»* общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество»[10]. Это положение К.Маркса было высоко оценено мудрецами Востока, которые встречались с ним (и с Лениным)[11].

*****

В настоящее время появился, так называемый, средний класс, который охватывает большую часть работающего населения общества. Это – люди с высшим образованием. Заняты они и физическим, и умственным трудом. Этот новый класс уже нельзя назвать экономическим классом[12].

2. Предметом труда при коммунизме становится человек[13]. К. Маркс писал, что подлинным богатством является «абсолютное выявление творческих дарований человека»[14].

Н.А.Натаров, продолжая высказанную мысль К.Маркса, отмечает, чтопри коммунизме труд производит не только товары (материальные блага). Труд производит таланты. Труд становится главным средством развития. Другие средства развития будут находиться в структуре использования свободного времени. Настоящий труд господствует над трудом прошлым[15]. Такой труд превращается в первую жизненную потребность, развивает сущностные силы коллектива (отношения взаимопомощи, поддержки, коллективизма), способствует исчезновению конкуренции между людьми. Такой труд даст высшую производительность.

*****

Сегодня человек стал предметом забот и беспокойства общества. Возникли глобальные проблемы, негативно влияющие на человека. Это – экологические, экономические, нравственные проблемы, ухудшение физического и психического здоровья населения Земли. Все это должно быть преодолено сознательной государственной политикой общества.

На смену природному закону при классовых формациях – «Общественное бытие определяет общественное сознание» при коммунизме начинает действовать природный

---

[10]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1955. С. 4.

[11] Агни Йога. Община. Листы бесед высокого общинника Востока. – Горки: Горецкий Фонд Рерихов, 1991. С. 46, 68, 112.

[12] См. Обсуждение книги Т.И.Ойзермана «Марксизм и утопизм» // Вопросы философии. № 2. 2004. С. 61.

[13]*Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1974. С. 121.

[14]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 46. Ч. I. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1968. С. 475 - 476.

[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 439. Как у Платона: «… для уважающего себя человека нет ничего постыднее, чем пользоваться почестями не за свои заслуги, но за заслуги своих отцов». (См. *Платон.* Т. 1, «Менексен»)

закон – «Общественное сознание определяет общественное бытие» [2, т. 3, с. 378]. К.Маркс писал, что «… теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[16].

К.Маркс отметил, что прежние «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (11 Тезис о Фейербахе). Такое изменение должно происходить уже при социализме, который несет в себе, как черты из прошлого, капиталистические, экономические отношения (производство товаров), так и черты из будущего, коммунистические, гуманистические отношения между людьми (производство талантов, развитие творческих способностей человека).

3. «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна* наука»[17].

*

Во второй половине XX века возникла новая наука – синергетика, утверждающая происходящий исторический процесс как сближение естественных и социально-гуманитарных наук.

4. Экономика в коммунистической формации перестает быть основной сферой деятельности человека[18]. Заметим, что экономика – явление историческое, то есть ее роль со временем может измениться. Экономические отношения, с точки зрения К.Маркса, отражают бесчеловеческую действительность при ее человеческой видимости[19]. «… чем больше будет экономический прогресс нарастать исторически … тем меньше будет его экономическая эффективность» [2, т. 2, с. 138].

*

В настоящее время в обществе появились такие высказывания: «Экономика проявляет себя не эффективно»; «Экономика исчерпала себя»; «Экономическая мера прогресса устаревает».

5. Вместо экономической основы производства (во всех классовых формациях) при коммунизме возникает гуманистическая, социально-культурная основа производства [2, т. 2, с. 284][20].Новая основа производства возникает не стихийно. Как писал Ф.Энгельс, «… в истории общества действуют люди, одаренные сознанием …»[21]. Наступает эпоха сознательной истории [2, т. 2, с. 12]. Общество осознанно должно поставить своей целью: развить сущностные силы человека, всестороннее развитие личности. Последнее осуществляется не только в рабочее время, в сфере материального производства, но и в свободное время. Сферы умственной деятельности (философия, социально-гуманитарные науки, религия, мораль, искусство) способствуют всестороннему развитию личности. Таким образом, при коммунизме осуществляется процесс сближения физического и умственного труда. На смену общественного разделения труда приходит общественное объединение труда. Человек, по Марксу, есть совокупность всех общественных отношений[22]. Возникает ассоциация людей, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех[23].

---

[16]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1955. С. 422.

[17]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1974. С. 123.

[18]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 31. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1963. С. 393.

[19]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1955. С. 35.

[20] Здесь надо отметить, что культура – это все-таки вторая природа. Однако, она должна определяться свойствами и законами первой природы, чтобы не стать антикультурой, действующей разрушительно. Свойства, законы, эволюция природы, как было сказано, известны из философского знания - мудрости. Поэтому пришло время произойти совпадению объективного, природного хода развития и человеческой, субъективной деятельности людей. Должна сознательно осуществиться названная К.Марксом революционная практика.

[21]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 21. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1961. С. 306.

[22]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1955. С. 3.

[23]*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. 1955. Манифест Коммунистической партии. Глава II. С. 447.

*

В современном обществе все больше говорят о культуре, как об основе жизни. 2014 год в России был объявлен Годом Культуры. 2015 год – Годом Литературы. 2016 год – Годом Кино. В обществе созревает понимание, что воспитав человека интеллектуально, но не воспитав его нравственно – это очень опасно. Платон, которого называют первым коммунистом и предформой христианства; за которым, согласно П.А.Флоренскому, следует «половина философии, и притом половина прекраснейшая»[24], в том числе и русская философия, утверждал в своем философском мировидении нравственный закон, как основной закон природы [3, Приложение 4 (Платон. Нравственный закон), с. 79 - 84].

1991 год в России был годом отказа ее от марксистской идеологии и марксистской философии, как основы мировоззрения. Возможно, этот ее шаг был правильным. Нельзя на практике реализовывать то, что не было понято и в чем ты не разобрался.

Вместе с тем, вместо решения названных в марксизме актуальных задач для перспективного развития общества, получают распространение идеи совсем другого плана, по существу, фальсифицирующие объективный план его дальнейшего развития. К примеру, - идеи будущего как цифровой реальности, идеи трансгуманизма, идеи цифро-сферы, как перспективы кибернетического трансгуманизма, что, как известно, приводит к появлению человека – киберга.

Создание человека – киберга есть самоуничтожение природного человечества, ради которого развивается Вселенная. Психическая энергия, как основная энергия жизни природы и человека, высшее проявление которой – любовь, не может быть воспринята человеком - кибергом. Со времен Демокрита человек понимается, как микрокосм – маленькая Вселенная. Это означает, что в человеке содержится все то, что есть в макрокосме – большой Вселенной. И сократовское - «Познай самого себя» означает, что тогда ты познаешь Вселенную. Создание человека – киберга приведет также к нежелательным последствиям развития естественного, природного процесса.

Следует, наконец, признать правильность марксистских взглядов на исторический процесс. Классики марксизма создали действующую концепцию исторического развития общества. «Коммунизм есть необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего»[25].

Однако, в марксистской концепции есть слабая сторона. К.Маркс и Ф.Энгельс были материалистами. Но является ли случайным для них выбор в качестве своего фундаментального понятия слово – **коммунизм**?

Махатмы Востока отметили, что в слове «коммунизм» (как и в словах - коммуна, дом, экономика) есть важный слог – ОМ[26]. Этот слог – синоним восточному слову АУМ и христианскому слову АМИНЬ. Эти слова являются Именем Бога. Слово «коммунизм» означает – надо идти к Богу. «… лучшие умы Востока видят в коммунизме единственную эволюцию» [1, с. 451]. «Коммунизм необходим для эволюции, потому России честь за первый шаг» [1, с. 404]. Н.А.Натаров[27] пишет: «Социализма не может не быть, если человечество хочет ВЫЖИТЬ» [2, т. 2, с. 482]. Без коммунизма у человечества нет будущего.

---

[24]*Флоренский П.А.* Сочинения. В 4 т. Т. 3(2) / Сост. игумена Андроника (А.С.Трубачева), П.В.Флоренского, М.С. Трубачевой; ред. игумен Андроник (А.С.Трубачев). – М.: Мысль, 1999. С. 68.

[25]*Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. второе. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры. 1974. С. 127.

[26] Агни Йога. Откровение. 1920-1941. – М.: Сфера, 2002. С. 19.

[27] Николай Артемьевич Натаров (1921-1999) был знатоком марксистской философии. Он утверждал, что «весь контекст, вся целостность теоретических трудов Маркса и Энгельса – «отправные точки» для построения теоретической концепции социализма дают. Дают !!» [2, т. 4, с. 59]. В 1963-1997 гг. он работал на кафедре философии Московского авиационного института - МАИ. В 2017 г. сын Н.А.Натарова – Александр подготовил и опубликовал труды отца [2]. Заслуга Н.А.Натарова состоит в том, что он – один из тех, кто понял идеи К.Маркса и Ф.Энгельса по развитию коммунистической общественной формации, данные классиками марксизма тезисно, и не только раскрыл их содержательно, но и развил далее понятийный аппарат, введя такие понятия,

Список использованных источников

1. Агни Йога. Высокий Путь. (Часть 1: 1920-1928). – М.: Сфера, 2002. – 672 с. – Серия «Учение Живой Этики».
2. *Натаров Н.А.* Собрание сочинений. В 4-х т. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017.
3. *Новикова Т.М.* Искусство философии и философия искусства. Философия, ее смысл и предназначение / Т.М.Новикова. – 2-е изд., испр. – М.: Вузовская книга, 2008. – 120 с.
4. *Ойзерман Т.И.* Марксизм и утопизм. – М.: Наука, 2014. – 480 с.

Новосельский С.С.

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ В 1905 ГОДУ

Аннотация. *В статье рассматриваются проекты разрешения рабочего вопроса, которые разрабатывались представителями российской высшей бюрократии в 1905 г. На основании сравнительного анализа взглядов императора и чиновников на методы борьбы с рабочим движением делается вывод о том, что решению рабочего вопроса препятствовало то, что на начальном этапе революционного кризиса он не диагностировался представителями власти как один из его симптомов. В дальнейшем претворение в жизнь преобразований в области рабочего законодательства оказалось невозможным ввиду дестабилизации политической обстановки в стране.*

Ключевые слова: *Первая русская революция, 1905 год, высшая бюрократия, рабочее движение.*

LABOR ISSUE IN THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITY IN 1905

Summary. *The article analyzes the projects of resolutions of the labor issue, elaborated by representatives of the top bureaucracy in 1905. Based on a comparative analysis of the emperor's and officials' views on methods of dealing with the labor movement, it was concluded that at the initial stage of the revolutionary crisis it was not diagnosed by the authorities as one of its symptoms. Further, labor law reforms turned out to be impossible due to destabilization of the political situation in the country.*

Key words: *The First Russian Revolution, 1905, top bureaucracy, labor movement.*

В современной отечественной историографии, не говоря о советской, начало Первой русской революции традиционно связывается если не с самим «кровавым воскресеньем» [18, с. 208–210], то с реакцией российского общества на расстрел рабочей депутации 9 января 1905 г. [21, с. 90] Такая взаимосвязь приходила в голову далеко не всем представителям высшей бюрократии. А потому рабочий вопрос, необходимость решения которого становилась к началу 1905 г. все более очевидной, продолжал оставаться для власти, по крайней мере на начальном этапе революции, своего рода «вещью в себе» – острейшей проблемой, от решения которой зависело спокойствие в Петербурге, но отнюдь не во всей империи.

как тройственный характер труда при коммунизме, отношения развития, средства развития, социально-культурные отношения – основные при коммунизме.

Назвав 9 января «тяжелым днем», Николай II отметил в дневнике, что войска были вынуждены применить силу по отношению к демонстрантам [13, с. 15]. Однако каких-либо соображений о том, что следовало бы предпринять властям для противодействия дальнейшему развитию стачечного движения в столице, император не высказывал. Между тем некоторые чиновники полагали, что медлить было нельзя. Так, А.Д. Оболенский, предлагавший царю 9 января принять петицию рабочих и услышавший в ответ от императора категорическое «нет» [3, с. 263], в тот же день напишет министру внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому, что «отказ всякого ответа от государя <…> при настоящих условиях есть, конечно, полное и бесповоротное падение самодержавия, а быть может и династии» [10, д. 1147, л. 23]. Оболенский настаивал на том, чтобы царь выступил с официальным заявлением по поводу произошедшего, и даже предлагал собственный краткий вариант обращения, в котором бы от имени императора говорилось: «Теперь не время для беспорядков, война и пр. Я требую возобновления работ и рассмотрю все ваши желания в особой комиссии, и когда вы все успокоитесь, я приму ваших представителей. Молю Бога, чтобы он отпустил грех пролитой крови» [10, д. 1147. л. 24–24 об.].

Вместе с тем министр финансов В.Н. Коковцов, не дожидаясь своего докладного дня, 11 января представил Николаю II доклад, в котором убеждал императора, что власти теперь не желательно раздражать и без того возмущенное население применением силовых методов борьбы с рабочими волнениями в Петербурге. А поскольку вину за организацию беспорядков министр возлагал не на рабочую массу, а на отдельных лидеров забастовочного движения, внушивших рабочим ложную надежду на скорое изменение условий труда, то, по мнению Коковцова, вспыхнувший пожар могло бы потушить обещание императора удовлетворить те требования рабочих, которые будут признаны справедливыми [1, с. 5–6]. Поддавшись на уговоры, Николай II признал «крайне необходимым теперь же, рядом с мерами строгости, дать почувствовать доброй и спокойной массе рабочего люда справедливое и заботливое отношение правительства и отделить ее от кучек негодяев» [6, с. 14]. Лейтмотив будущего послания виделся императору в призыве к национальному единению и осуждении тех, кто в трудную минуту «раскачивает лодку», а также твердой борьбе с ними. Подобный взгляд начинает незамедлительно тиражироваться в качестве официальной позиции власти. Так, в опубликованном 13 января обращении Коковцова к рабочим всех предприятий с требованием прекратить стачки причиной возникновения забастовок были названы действия «неблагонамеренных лиц», желающих «произвести смуту в нашем отечестве», «слепым орудием» в руках которых оказались петербургские рабочие [25, с. 149–150].

Подготовка текста царского обращения к рабочим оказалась нелегкой задачей. Первоначально было принято решение составить обращение в форме высочайшего манифеста, авторами трех проектов которого стали Д.Ф. Трепов, Д.М. Сольский и И.И. Воронцов-Дашков [3, с. 266]. Особенно примечательным оказался проект последнего. Составленный в духе представлений Николая II о событиях 9 января он вобрал в себя и указание на разрушительность действий «прямых врагов отечества», и многочисленные христианские аллюзии. В манифесте Воронцова-Дашкова «православный Царь Всея Руси» призывал рабочих вернуться к «святому труду» [9, д. 82, л. 12 об.], а возглавлявший шествие священник Г.А. Гапон был удостоен такой характеристики: «Кощунственно пользуясь словами Священного Писания и извращая заповедь спасителя о любви к ближнему, этот недостойный служитель алтаря задумал всенародно заставить Нас принять и поклясться в исполнении целого ряда дерзновенных безумных требований, грозя в противном случае пролитием крови и мятежом» [9, д. 82, л. 12].

Прочие проекты «царского слова» также выглядели небесспорно. Один из них фактически провозглашал сделку самодержавия с рабочими столичных заводов и фабрик – император обещал направить на предприятия приближенных ему «лиц свиты и двора» для выяснения нужд рабочих лишь после того, как он получит донесение Санкт-Петербургского

генерал-губернатора о возобновлении работ [23, д. 39, л. 3–3 об.]. Второй проект смущал редактировавших его чиновников рядом своих формулировок, причем казалось излишним как заявить о том, что участники шествия будут нести ответственность за учиненную ими смуту перед богом, так и объявить о прощении рабочих, предав «забвению все содеянное» ими [23, д. 39, л. 13]. В итоге, отчаявшись прийти к соглашению, Трепов 14 января напишет А.А. Мосолову: «Все пути никуда не годны. Обращения делать в форме манифеста не следует, это мое глубокое убеждение. Мой проект: восстановление полного порядка и тишины, а затем прием депутации» [9, д. 79, л. 9–9 об.]. Посетив тем же вечером салон генерала Е.В. Богдановича, начальник канцелярии Министерства императорского двора поведает собравшимся, что авторы всех трех проектов манифеста сошлись во мнении, «что раньше надо, чтобы все успокоились, и тогда царь примет депутацию от рабочих и скажет им “слово”, которое затем облетит всю Россию» [3, с. 266]. Мысль обойтись без манифеста пришлась по душе императору. 16 января Николай II попросит Трепова поспешить с организацией приема депутации рабочих, который, по мнению царя, должен был благоприятно сказаться на прекращении стачек не только в столице, но и на юге России. Однако Николай II специально подчеркивал, что возглавлять рабочую депутацию, которую он был готов принять, должен был никто иной, как сам Трепов [6, с. 15].

В то же время в адрес императора начинают поступать первые соображения сановников не о том, как справиться с вызванным «кровавым воскресеньем» кризисом, а о мерах для того, чтобы не допустить в будущем его повторения. Признавая, что рабочий вопрос представлялся ему «значительно менее грозными, нежели другие явления внутренней жизни нашей, о которых должен докладывать вашему императорскому величеству, конечно, не министр финансов» [1, с. 8–9], Коковцов продолжал настаивать на ненасильственной стратегии его разрешения. Постепенное удовлетворение требований рабочих, докладывал 16 января Николаю II министр финансов, сделает для них непривлекательным участие в революционном движении и подготовит почву для дальнейшей доработки и внесения изменений в рабочее законодательство [1, с. 9–10].

Назначив на 18 января 1905 г. совещание министров и председателей департаментов Государственного совета для разработки дальнейших мероприятий по успокоению страны под своим председательством, Николай II предложил каждому участнику совещания самостоятельно выдвигать на его обсуждение вопросы, по его мнению, не терпящие отлагательств [8, д. 6., л. 1]. Предложением императора тут же воспользовался министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, заявивший о необходимости обсудить вопрос о создании специальной комиссии из нескольких назначенных лично Николаем II чиновников, которая должна была бы выявить причины волнений 9 января и определить «ответственность как тех лиц, которые виновны в возбуждении сих беспорядков, так и тех, которые не приняли своевременно надлежащих мер для их устранения» [23, д. 51, л. 1].

По мнению ряда представителей высшей бюрократии виновные в событиях 9 января 1905 г. были вполне известны. 17 января исполнявший обязанности генерала для Особых поручений при Министерстве внутренних дел граф П.П. Шувалов подает Николаю II записку о рабочем вопросе, в которой возлагает вину за беспорядки на Департамент полиции. По словам Шувалова, «кровавое воскресенье» стало возможным благодаря тому, что в последние годы сотрудники Департамента были заняты «организацией нелегальных профессиональных рабочих союзов, создавая тем самым, под флагом государственной власти, революционные кадры и тратя на эти опыты и время, и силы, и казенные деньги, в ущерб усовершенствованию приемов политического розыска» [7, д. 510, л. 2]. Обезопасить рабочих от революционной пропаганды, по утверждению докладчика, можно было, изъяв Отдельный корпус жандармов, а равно и сам Департамент полиции из ведения Министерства внутренних дел и фактически восстановив тем самым деятельность Третьего отделения [7, д. 510, л. 2–3].

В организации и функционировании рабочих союзов усматривал главную причину роста стачечного движения в начале 1905 г. и Коковцов [1, с. 11–14]. Он также полагал, что Министерство внутренних дел потерпело неудачу с рабочими, поскольку при организации рабочих союзов преследовалась лишь цель ослабления политической пропаганды среди рабочих, а никак не улучшения условий их труда, что в итоге, по мнению Коковцова, дало прямо противоположный эффект [1, с. 19]. Поэтому министр финансов настаивал на передаче руководимому им ведомству законодательной инициативы в решении рабочего вопроса и даже предлагал конкретные меры, направленные на деятельное изменение рабочего законодательства: организацию больничных касс и коммуникативных площадок для установления диалога между фабричной администрацией и выборными представителями рабочих, сокращение рабочего дня, законодательное разграничение политических и экономических стачек и, следовательно, степени ответственности рабочих за участие в забастовках того или иного характера [1, с. 19–22]. Главный вывод доклада Коковцова сводился к следующему – выступления рабочих под политическими лозунгами необходимо преследовать, однако большинство стачек носило сугубо экономический характер, их участники не нарушали общественный порядок, а потому не заслуживали сурового наказания; причины же возникшего на экономической почве стачечного движения под силу ликвидировать Министерству финансов.

Тем временем подготовка к приему Николаем II рабочей депутации продолжалась, несмотря на то, что далеко не все представители высшей бюрократии считали его проведение целесообразным. За день до приема С.Ю. Витте открыто высказывал мнение, что сам факт организации подобной встречи по инициативе Трепова без ее предварительного обсуждения с министрами финансов и внутренних дел свидетельствовал о дезорганизации правительственной власти [20, с. 33].

Итоговый текст обращения императора к тщательно отобранной депутации, в состав которой входили исключительно благонадежные рабочие, не содержал в себе ничего нового. Рабочим все также вменялись в вину забастовка в разгар военных действий и малодушное следование за призывами революционных агитаторов, а неизбежность ответного применения войсками силы всячески подчеркивалась [9, д. 139, л. 2]. При этом Николай II отдал предпочтение проекту обращения, содержащему максимально жесткие формулировки – император ни словом не обмолвился о боли, которую он испытал, узнав о произошедшем 9 января в Петербурге, и ограничился сухой констатацией того, что эти события были «печальными».

В итоге состоявшийся 19 января 1905 г. прием Николаем II рабочей депутации, от которого император, по собственному признанию, «окончательно ослаб головою» [13, с. 17], вызвал в чиновничьих кругах по меньшей мере недоумение. Супруга только что получившего отставку министра внутренних дел Святополк-Мирского отметила в дневнике, что подобные встречи не успокаивают рабочих, а, напротив, стимулируют их к организации новых забастовок, поскольку власть обращает на рабочих «внимание, только когда нашумят», следовательно, последним «прямой расчет шуметь» [12, с. 279]. Однако наибольшие вопросы у сановников вызывал состав депутации, отобранный Треповым и министром императорского двора В.Б. Фредериксом без согласования с другими членами правительства [28, с. 103]. Коковцов ссылался на действующее законодательство, не позволявшее организовать свободные выборы депутатов из числа рабочих хотя бы в одном районе Петербурга, но в то же время полагал, что искусственно отобранные в угоду власти делегаты будут дискредитированы в глазах рабочей массы. В успех приема депутации министр финансов не верил, считая, что царское слово, обращенное к рабочим, будет иметь гораздо меньший эффект, нежели революционная пропаганда. В этом вопросе взгляды Коковцова и Николая II кардинально расходились: император, напротив, был убежден в успокоительном эффекте своей речи, если удастся подобрать для нее адекватных слушателей [14, с. 57]. Остроумно называя в своих мемуарах принятую императором депутацию рабочих

«маргариновой», Витте соглашался с министром финансов – полицейский отбор делегатов оказался, по мнению председателя Комитета министров, столь же недальновидным шагом, каким были бы их свободные выборы [4, кн. 2, с. 671]. Не только не принесшим никакой пользы в борьбе со стачечным движением, но и крайней негативно повлиявшим на оценку императором положения в стране считал прием рабочей депутации В.И. Гурко, утверждавший впоследствии, что хотя власть желала обмануть рабочих, «обманутым являлся здесь один лишь Николай II, который благодаря подобным приемам до самого конца своего царствования оставался при убеждении, что против монархии одни только “интеллигенты”, а народ, и в том числе фабрично-заводской рабочий, за самодержавие и продолжает видеть в царе лучшего защитника своих интересов» [11, с. 698]. Нанесенный приемом депутации удар по репутации власти и самого Николая II был очевиден для всех, кроме ее организаторов и, пожалуй, германского императора Вильгельма, наивно полагавшего, что подобное показное мероприятие произвело «повсюду хорошее впечатление», продемонстрировав рабочим, «что они могут лицезреть своего “батюшку”, если должным образом попросят об этой чести» [19, с. 91].

Тем не менее рабочие волнения в столице постепенно шли на убыль, в чем некоторые современники в первую очередь усматривали заслугу Трепова [17, с. 123]. Однако импульс Петербурга передался работникам многих провинциальных фабрик. На забастовки рабочих местная администрация реагировала по-разному. Например, владимирский губернатор И.М. Леонтьев 22 января 1905 г. телеграфировал новому министру внутренних дел А.Г. Булыгину с просьбой прислать в губернию казаков, хотя сам и не слишком верил в успех своего ходатайства [25, с. 324]. Саратовский губернатор П.А. Столыпин стремился предупредить демонстрации рабочих объявлением того, что «в случае малейшей попытки нарушить порядок он немедленно будет восстановлен силой» [25, с. 378]. Стремление губернатора не допустить на улицах Саратова повторения «кровавого воскресенья» усугублялось еще и тем, что в отличие от подавляющего большинства столичной бюрократии он уже в конце января 1905 г. расценивал протестное движение не как рабочее, а как революционное. По утверждению Столыпина, собственных политических требований у рабочих не было, они составлялись членами революционных организаций. Сами же рабочие в ходе переговоров с руководством фабрик зачастую отрывали от подаваемого списка первые три пункта, заключавшие в себе требования политического характера (созыв Учредительного собрания, прекращение войны и политическая амнистия), заявляя начальству, чтобы оно читало «прямо с 4-го пункта» [25, с. 390].

В такой обстановке власть не могла не задумываться о реформировании рабочего законодательства. На необходимость масштабных преобразований в этой области 10 февраля 1905 г. на заседании Комитета министров, посвященном вопросу о пересмотре исключительных законоположений, указывал Витте [29, с. 39–40], а император обозначил введение государственного страхования рабочих в качестве одной из задач правительства в ближайшем будущем [22, д. 8, л. 2]. Однако насколько было очевидно, что рабочий вопрос необходимо решать, настолько же было понятно, что средств для его решения совершенно недостаточно. 14 марта 1905 г. Ермолов отметит в своем очередном всеподданнейшем докладе, что, даже если не брать в расчет политические требования, выдвигаемые рабочими под влиянием революционной агитации, а ограничиться исключительно экономическими претензиями, то они настолько обширны, что «удовлетворение их представляется совершенно невозможным без полного разорения самых прочно поставленных промышленных и заводских предприятий» [25, с. 750]. А это, по мнению министра, – прямой путь к новому витку смуты: лишившиеся работы трудящиеся направятся в и без того неспокойную деревню, где столкнутся с острой нехваткой земли, и тогда правительству придется иметь дело уже не с аграрным и рабочим движением по отдельности, а с их вдвое более опасным революционным союзом [25, с. 751].

В отличие от аграрного вопроса, по которому представители местной администрации в 1905 г. активно высказывались, предложения по тому, как именно следует улучшить жизнь рабочих, в Петербург с окраин империи практически не поступали. Наместник на Кавказе Воронцов-Дашков считал решение рабочего вопроса возможным только в перспективе, отдавая предпочтение силовым мерам противодействия рабочим волнениям – увеличению бакинского гарнизона и штата полиции города [7, д. 455, л. 20–21]. Владимирский губернатор Леонтьев, напротив, писал 16 июня 1905 г. Трепову, что с рабочим движением ради сохранения спокойствия и порядка в губернии лучше вовсе не бороться, поскольку «если разгонять сходки, то также наверное возобновятся грабежи, поджоги, город и его окрестности будут в опасности, и рабочее движение примет характер открытого мятежа» [26, с. 452]. Показательна реакция центра на стратегию Леонтьева: вначале Трепов полностью одобрил намеренное бездействие губернатора, однако уже 27 июня он, очевидно под влиянием настроений, царивших в ближайшем окружении Николая II, будет призывать Леонтьева не допускать сходок, усилить охрану предприятий и вообще «принимать все меры репрессии, предоставленные Положением усиленной охраны», а в случае выхода ситуации из-под контроля передать власть военному начальству [26, с. 459].

Дискуссии о рабочем вопросе вновь обострились в правительственных кругах после серии железнодорожных забастовок в июле 1905 г. Усматривая принципиальное сходство между стачечным движением на фабриках и железных дорогах, Коковцов предлагал квалифицировать стачки как административные, а не уголовные преступления. Исключение, по мнению министра финансов, должны составлять забастовки на «общественно-необходимых» производствах, остановки работ на которых затрагивают интересы не только рабочего и работодателя, но и простых обывателей. Поэтому бороться с уже вспыхнувшими на железных дорогах стачками, мешающими движению транспорта, надлежало исключительно силой. Коковцов планировал закрепить подобную стратегию борьбы со стачечным движением законодательно и внести свой проект после его обсуждения в комиссии по рабочему вопросу (где сам министр финансов был председателем) в Государственный совет [26, с. 95–97].

Накануне разработки Манифеста 17 октября Витте, считавший рабочий вопрос одним из острейших для внутренней политики России (наряду с аграрным и национальным вопросами), вынужден был констатировать полное отсутствие представлений о том, как приступить к его решению. Пожар, по мнению председателя Комитета министров, можно было потушить лишь частичным удовлетворением самых популярных требований – сокращением рабочего дня и введением государственного страхования рабочих [16, с. 58]. В проекте Манифеста 17 октября, составленном А.Д. Оболенским по поручению Витте, даже звучала мысль о немедленном рассмотрении и, по возможности, удовлетворении требований бастовавших железнодорожных служащих, не нашедшая, однако, отражения в итоговом варианте Манифеста [26, с. 87].

Первые меры объединенного правительства, направленные на решение рабочего вопроса, носили исключительно популистский характер. В частности Витте не решился арестовать находившегося с августа в Петербурге Гапона, ввиду еще более возросшей популярности его фигуры в среде рабочих, а, напротив, предоставил ему средства для выезда за границу [5, с. 329]. Знаменитое воззвание к «братцам рабочим» с призывом «бросить смуту, пожалеть жен и детей и не слушать дурных советов», с которым председатель Совета министров обратился к рабочим после забастовки 2 ноября 1905 г. в Петербурге, должного эффекта не возымело. В ответ на замечание И.И. Колышко о том, что рабочие «по конституции <…> ведь вправе бастовать», Витте, явно сожалея о невозможности применить по отношению к забастовщикам силу, напомнил своему собеседнику, что данная государем для блага России реформа всегда может быть им во имя все того же блага отнята [15, с. 158].

В высшей бюрократии начинают набирать популярность идеи о необходимости ужесточения наказаний за участие рабочих в стачках, которые, по утверждению Н.С.

Таганцева, превратились из средства борьбы за улучшение экономического положения рабочих в «боевое средство» для достижения революционными партиями собственных политических целей [23, д. 48г, л. 2]. По наблюдению юриста, зачастую выходило так, что участники забастовок, которые не сопровождаются насилием над личностью и имуществом предпринимателей и насильственным принуждением к участию в стачке других рабочих, остаются безнаказанными. Между тем, как считал Таганцев, наказанию должны были быть подвержены если не все участники политических забастовок, то, по крайней мере, лица и объединения, их организовавшие [23, д. 48г, л. 2 об.]. В качестве основной меры наказания за политические стачки Таганцев предлагает лишение свободы, особо отмечая при этом, что издание специальных «судопроизводственных правил», ужесточающих ответственность за стачки, приведет к еще большему недовольству рабочих, а потому подобные изменения министру юстиции следует проводить, не привлекая излишнего внимания общественности – в форме циркуляра [23, д. 48г, л. 3 об.–4]. В последнем пункте высшая власть к совету чиновника не прислушалась, и закон об уголовном преследовании участников забастовок вскоре появился на свет в виде высочайшего указа Сенату [24, с. 147–150]. Однако даже позволив возбуждать дела по представлению начальства и декларировав стремление подвергнуть наказанию всех без исключения участников забастовок, Совет министров не решился действовать в данном вопросе исключительно карательными методами. Правительство не только предлагало материально поощрять служащих, отказавшихся принимать участие в забастовке или оказавших ей противодействие, а также законодательно урегулировать деятельность профсоюзов, но и сознательно отказалось распространить действие закона на служащих железных дорог и телеграфа, признавая тем самым, что их уголовное преследование при таком колоссальном масштабе вовлеченности в антиправительственные выступления еще больше дестабилизирует обстановку в империи, чем всероссийская стачка [27, с. 56–58].

Вообще готового решения рабочего вопроса на рубеже 1905–1906 гг. у власти не было потому, что представители высшей бюрократии вынуждено оказывались перед постоянным выбором между насущной необходимостью репрессий и стратегической – реформ. С одной стороны, в ноябре 1905 г. власть была обеспокоена стремлениями революционеров вооружить рабочих, и применительно к Москве это беспокойство оказалось совершенно небезосновательным [27, с. 49]. С другой стороны, министр народного просвещения И.И. Толстой сформулировал в начале 1906 г. основные положения программы решения рабочего вопроса, к реализации которых правительству необходимо приступить как можно скорее: «издание законов о рабочих с нормированием продолжительности рабочего дня, работы несовершеннолетних и женщин, а также разработка вопроса о страховании, о профессиональных союзах и т.д.» [2, с. 61–62]. Правда, сам Толстой допускал важнейшую оговорку, что эти и другие преобразования возможно осуществить лишь в том случае, если «конституционная форма правления является ныне совершившимся фактом», в чем в условиях максимального обострения революционного кризиса в конце 1905 г. возникали сомнения даже у создателей и убежденных сторонников «октябрьской российской конституции».

При наличии в среде высшей бюрократии (в особенности, у «профильных» министров) более-менее определенных представлений о направлении и содержании реформы рабочего законодательства, рабочий вопрос в 1905 г. парадоксальным образом совершенно не решался. Это происходило потому, что на этапе возникновения революционного кризиса выступления рабочих не связывались в верхах с общим ростом политической нестабильности в стране и обществе, считаясь вполне традиционной проблемой для России. Когда же масштаб вовлечения рабочих в революционное движение стал настолько велик, что на него было невозможно закрывать глаза, к преобразованиям приступить не решились, стремясь в первую очередь не допустить вооруженного захвата власти руками рабочих. Немалую роль сыграла и вера как императора, так и некоторых высочайших сановников в то,

что популистские методы помогут отсрочить не до конца продуманное решение рабочего вопроса, проводить которое в жизнь в будущем предстояло тем, кто уже в 1905 г. вполне осознавал революционный, а не сугубо экономический характер рабочих волнений.

Список использованных источников

1. 9-е января 1905 г. // Красный Архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 1–25.
2. Ананьич Б.В. И.И. Толстой и С.Ю. Витте в Совете министров (ноябрь 1905–апрель 1906) // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. СПб.: Наука, 2007. С. 58–68.
3. Богданович А.В. Три самодержца. Дневники генеральши Богданович / А.В. Богданович. М.: Вече, 2008. 477 с.
4. [Витте С.Ю.] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 1. Рассказы и стенографические записи / Публ. и примеч. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, С.В. Куликов, С.К. Лебедев, И.В. Лукоянов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1052 с.
5. [Витте С.Ю.] Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Том 2. Рукописные заметки / Публ. и примеч. Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, С.В. Куликов, С.К. Лебедев, И.В. Лукоянов. СПб.: Дмитрий Буланин. 2003. 649 с.
6. Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства / Сост., ред. и предисл. А.П. Ненарокова, П.Ю. Савельева (отв. ред.), А.А. Чернобаева. М.: РОССПЭН, 2017. 462 с.
7. ГА РФ (Государственный архив Российской федерации). Ф. 543. Оп. 1.
8. ГА РФ. Ф. 859. Оп. 1.
9. ГА РФ. Ф. 1001. Оп. 1.
10. ГА РФ. Ф. 1729. Оп. 1.
11. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Подготовка текста и комментарии Н.П. Соколова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 746 с.
12. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Отв. ред. А.Л. Сидоров. Т. 77. М.: Наука, 1965. С. 240–293.
13. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. Том II. 1905–1918. Часть I. 1905–1913. 824 с.
14. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Т. 1. Париж: Издание журнала «Иллюстрированная Россия», 1933. 504 с.
15. Колышко И.И. Великий распад: Воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: Нестор-История, 2009. 464 с.
16. Манифест 17 октября // Красный Архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 39–106.
17. Мосолов А.А. При дворе императора. Рига: Филин, 1938. 232 с.
18. Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 602 с.
19. Переписка Вильгельма Гогенцоллерна с Николаем Романовым. М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. 198 с.
20. Проект манифеста о событиях 9 января // Красный Архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 26–38.
21. Пушкарева И.М. Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. в России: (Неучтенные альтернативы начала революции) // Труды Института российской истории. Вып. 7. М.: Наука, 2008. С. 74–102.
22. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 727. Оп. 1.
23. РГИА. Ф. 727. Оп. 2.
24. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года / под ред. А.Л.

Сидорова, Г.М. Деренковского, Г.Д. Костомарова, Г.Н. Кузюкова, А.М. Панкратовой. Ч. 1. М.: Наука, 1955. 952 с.

25. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года / под ред. Н.С. Трусовой, А.А. Новосельского и Л.Н. Пушкарева. М.: Наука, 1955. 960 с.

26. Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Революционное движение в России весной и летом 1905 года. Апрель–Сентябрь / под ред. Н.С. Трусовой, А.А. Новосельского. Ч. 1. М.: Наука, 1957. 1010 с.

27. Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы // Сост. С.С. Атапин, Б.Д. Гальперина. Л.: Наука, 1990. 473 с.

28. Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. 269 с.

29. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Сборник документов под редакцией А.К. Дрезена. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936. 260 с.

Е.М. Останина, О.А. Останина

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

E.M. Ostanina, O.A. Ostanina

MATERIALIST CONCEPTION OF HISTORY AND ITS METHODOLOGICAL POTENTIAL

The article is devoted to the contemporary analysis of the materialist conception of history. Its aim is to show the methodological potential of Marxism. This potential may be revealed under condition of the authentically understanding of Marxist works. The historical cognition possesses interdisciplinary character, different methods are used in mutual addition, in synthesis. Such synthesis must be substantiated methodologically, and the substantiation may be realized by the materialist conception of history.

***Key words**: materialist conception of history, synthetical approach, Marx, cognition*

Вкладом К. Маркса в развитие философии, научным открытием, которое он признавал сам, является материалистическое понимание истории. Исследование материалистического подхода к истории является актуальным в силу ряда обстоятельств. Наиболее существенные из них связаны, во-первых, с важностью прояснения аутентичного содержания марксизма, освобождения его от политико-идеологических искажений и упрощений, а, во-вторых, с особенностями исторического познания, его междисциплинарным характером, взаимодополнением и синтезом различных методов и подходов. Методологическое обоснование такого синтеза и может осуществить материалистическое понимание истории, в этом и заключается, как мы полагаем, его методологический потенциал и основная проблема нашего исследования.

Марксизму, в частности, материалистическому пониманию истории нередко приписывают то, к чему оно не имеет отношения или то, что вовсе не ему обязано своим происхождением. Так, указание на материальные интересы часто ассоциируется с марксистской парадигмой, хотя идея о влиянии материальных интересов на деятельность и поведение людей была высказана до К. Маркса, например А. Вольтером, Д. Юмом, французскими энциклопедистами. В марксизме идет речь о потребностях, интересах как побудительных мотивах деятельности людей, благодаря которым можно объяснить происхождение идей и их роль в истории. Материалистическое понимание истории исходит из единства субъективного и объективного, идеального и материального, и субстанциональной основой истории является человек, которому указанное единство

присуще. «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах». Не «история», а именно человек, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное как деятельность преследующего свои цели человека» [7, с. 102]. Материалистическое понимание истории исходит из признания сложности исторического процесса, обусловленной не только взаимосвязью субъективного и объективного, идеального и материального, но и необходимого и случайного: «… история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли» [5].

Другое «обвинение» материалистического понимания истории состоит в его приверженности естественнонаучному методу, позитивистской установке на ведущую роль объяснения в познании. Однако К. Маркс говорит, что, в частности, такие категории, как «общественно-экономическая формация», «базис», «надстройка» нужно рассматривать как «скелет», «схему» общественной жизни, которая, в действительности, сложнее, разнообразнее и многообразнее. По этому поводу М. Вебер писал, что построения К. Маркса идеально-типичны и не являются законами в естественнонаучном смысле [1, с. 593]. В отечественных социально-гуманитарных науках и философии произошла «подмена»: идеально-типические теоретические построения оказались понятыми как четкие и ясные законы. С позиции и М. Вебера, и Г.В. Плеханова, К. Маркс должен быть понят прежде всего методологически, о чем говорил и он сам, как известно, полагая, что философия не может быть законченной системой знаний, а может только дать метод постижения действительности.

Нередко марксизм отождествлялся и отождествляется с экономическим детерминизмом. Здесь уместно обратиться к критике Г.В. Плехановым такого отождествления; Г.В. Плеханов совершенно справедливо настаивает на том, что марксизм ничего общего не имеет с экономическим материализмом (детерминизмом), так как последний исходит в историческом объяснении из преимущественного признания одного «фактора», в то время как любой «фактор» есть лишь абстракция нашего ума, и единственный, действующий в истории фактор, - это человек., а способ производства – это, прежде всего, способ производства жизни человека в ее целостности. Определяя предметное содержание исторического познания, Г.В. Плеханов говорит: «Историческая наука не может ограничиться одной экономической анатомией общества, она имеет в виду всю совокупность явлений, прямо или косвенно обусловленных общественной экономией, до работы воображения включительно. Нет ни одного исторического факта, который своим происхождением не был бы обязан общественной экономии, но не менее верно и то, что нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания» [10, с. 247-248]. Экономические и духовно-психологические процессы представляют собой две стороны одного и того же явления «производства жизни людей», в которой они группируются известным образом. Г.В. Плеханов говорит об историческом познании как познании жизни в ее целостности и выдвигает принцип синтетического понимания общественной жизни.

Он рассматривает, например, произведения литературы и искусства являются как один из источников исторического исследования. Именно литература и искусство, наряду с другими формами духовной жизни, выражают состояние сознания общества, показывают его развитие.

С одной стороны, Г.В. Плеханов исследует историю искусства и литературы, применяя разнообразные методы и демонстрируя тем самым синтетический подход [8, 9, 12,13]. Речь идет о методах, получивших развитие и обоснование в XX в., – семиотическом, структуралистском; он широко привлекает законы психологии и даже биологии, а также причинное объяснение. История в понимании Г.В. Плеханова – это, говоря словами М.

Фуко, тотальная история, где устанавливаются сложные корреляционные связи между различными явлениями общественной жизни.

С другой стороны, Г.В. Плеханов раскрывает собственно роль художественных произведений в историческом познании. Он делает обратное движение: от содержания произведений идет к той исторической реальности, которая стоит за ними, используя во взаимодополнении интерпретацию, семиотический и феноменологический методы, различные виды объяснения. Таким образом, аутентичное прочтение материалистического понимания истории позволяет применить его как методологию современных исторических исследований и обосновать их междисциплинарность.

Нельзя не сказать об обосновании в рамках материалистического понимания методологического значения социально-классового подхода в историческом исследовании; причем рассматривается двоякое приложение данного подхода. Во-первых, как мировоззренческая направленность самого исследователя, как ценностно-мировоззренческие предпосылки познания, его контекстуальность. Во-вторых, как выявление общественных интересов социальных групп, классов, личностей – в зависимости от социально-экономического происхождения и положения действующих исторических индивидуальностей, от влияния социальных интересов на общественное сознание. К. Маркс указывает, что влияние социально-классового положения, интереса не следует понимать буквально. «Не следует воображать, - пишет он, что все демократические представители – shopkeepers [лавочники] или представители таковых. По своему образованию и индивидуальному положению, они могут быть далеки от них, как небо от земли. Их желает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии, что они поэтому теоретически приходят к тем задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют» [4, с. 271]. Это и есть пример идеальной типизации – образования общих понятий, служащих средством исторического познания.

Далее, в рамках материалистического понимания истории значимо осмысление и исследование активности субъекта, его конкретно-исторической и эмпирической сущности, практики, то есть марксистский подход может быть продуктивен при разработке социальной и исторической эпистемологии. Общественное изменение, включая изменение науки, возникает из собственного изменения субъектов деятельности; соотношение норм познания с общественным изменением преодолевает абстрактное понимание субъекта.

Обратим внимание на то, что в рамках материалистического понимания историческое познание исходит из имманентной сущности исторического процесса, человеческих параметров истории, которые имманентны производству и воспроизводству человеческой действительности. Общества нет вне связей и отношений между индивидами, и эти отношения имманентны их собственной деятельности, самой же деятельностью построенные, поддерживаемые и развиваемые формы. В истории переплетены два процесса: развитие общества в более или менее устойчивых, надындивидуальных формах и развитие человека; но эти формы оказываются модификациями отношений человека к человеку. С другой стороны, есть «превращенные формы сознания», в которых своеобразно может воспроизводиться и деятельность людей (практика), и формы общественных отношений. Таким образом, образуется сложное переплетение разных уровней исторической действительности, которые постижимы разными методами и которые важно понять в их целостности. В основе же этой взаимосвязи – деятельность людей, ее изменения и те отношения, которые при этом формируются.

Анализ истории через категории опредмечивания и распредмечивания, представленные в марксизме [3, 6] также позволяет методологически обосновать исследование разных сторон, объективной и субъективной, исторического процесса в их

единстве, осуществить взаимодополнение, синтез различных методов – естественнонаучных, математических, социально-гуманитарных. Кроме того, становится возможным диалог материалистического понимания истории с такими направлениями, как герменевтика, феноменология, семиотика.

Таким образом, материалистическое понимание истории обладает методологическим потенциалом с точки зрения обоснования синтетического подхода в историческом познании. Данный подход фундируется на признании имманентного единства материальной и идеальной, объективной и субъективной сторон исторического процесса, в основе которого лежит деятельность людей и отношения, возникающие в ее ходе, и их изменения. Материалистическое понимание истории значимо в развитии таких направлений, как социальная эпистемология и историческая эпистемология, исследование коммуникативной и антропологической природы познания.

Список использованных источников

1. Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики //Культурология. XX век: Антология. М., 1994. – С. 557-603.

2. Маркс К. Гражданская война во Франции // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1934. – С. 346-411.

3. Маркс К. Из ранних произведений. М., 1956.

4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1934. – С. 242-329.

5. Маркс К. Письмо Кугельману // Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1934. – С. 414.

6. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1857-58 гг. М., 1963.

7. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Сочинения. В 50 т. Т. 2. М., 1955. – С. 3-230.

8. Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М., 1958. С. 686–750.

9. Плеханов Г.В. К психологии рабочего движения (Максим Горький «Враги») // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М., 1958. С. 509–527.

10. Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 247–248.

11. Плеханов Г.В. Об экономическом факторе: Окончательная редакция // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 2. М., 1956. С. 267-299.

12. Плеханов Г.В. Письма без адреса // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М., 1958. С. 282–392.

13. Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 5. М., 1958. С. 408–434.

14. Тойнби А. Постижение истории. М., 1993.

Павлова Ю. А.

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕОРИИ ДЕНЕГ К.МАРКСА

Аннотация. *В статье рассматриваются существующие подходы к пониманию природы денег, авторы обосновывают точку зрения, согласно которой деньги являются институциональным явлением, титулом (знаком) ценности, системным макроэкономическим явлением*

Ключевые слова: *институт, фидуциарный, титул, ожидаемая ценность, система*

A CONTEMPORARY REINTERPRETATION of the THEORY of MONEY MARX.

Annotation*.The article examines existing approaches to understanding the nature of money,the authors substantiate a point of view according to which the money is institutional phenomenon, the title (the sign) the value of systemic macroeconomic phenomenon*

Key words: *institution ,the fiduciary, the title, expected value,system*

В экономической науке нет однозначного ответа, что из себя представляют деньги, существует достаточно большое разнообразие экономических теорий, которые по-своему отвечают на вопрос о природе и происхождении денег. Солидарны экономисты лишь в том, что деньги появились в результате товарного обмена, которому предшествовало зарождение частной собственности, углубление общественного разделения труда, обособление товаропроизводителей друг от друга. Но если представители эволюционной теории вслед за К.Марксом [3, с.102] считают, что именно закономерности развития товарного производства и являются причиной возникновения денег, то авторы, стоящие на позициях рационалистической концепции, уверены, что товарный обмен - это лишь условие, а не причина. Рационалистическая, или, как ее еще называют, государственно-правовая теория, не является чисто экономической по своей сути.

Рационалистический подход за долгие годы своего существования не утратил актуальности и по сей день, он присутствует в различных модификациях номиналистической и количественной теорий денег, денежных концепциях институционального направления. Можно долго спорить о его преимуществах и недостатках, о плюсах и минусах эволюционной теории, возникшей гораздо позже, но, скорее всего, правда о причине происхождения денег будет находиться где-то посередине. Нам в этом плане близка точка зрения тех авторов, которые считают, что эти два подхода вовсе не противостоят друг другу, и даже не развиваются параллельно, а исторически и логически дополняют друг друга [2,с.30-34]. Более того, авторы рационалистического подхода в большинстве своем не отрицают объективных начал возникновения денег, они скорее говорят о первостепенности в качестве причины возникновения денег процесса их институционализации. Они уверены, что развитие обмена - это важное, но недостаточное условие появления денег. В таком контексте эволюционная и рационалистическая теории являются не столько противостоящими, сколько дополняющими концепциями.

В основу нашего исследования сущности денег положим ряд идей: во-первых, "главным методологическим принципом исследования сущности денег должно быть признание денег объективной экономической реальностью" [4,С.32], во-вторых, при выявлении сущности денег должны анализироваться деньги как таковые в отрыве от их различных форм. Необходимо исходить из того, что "деньги - это абстракция, обобщение, полученное при помощи логической конструкции, основанной на воображаемом знании и игнорировании реального многообразия. Иными словами, категория "деньги", будучи "абсолютной идеей", всегда единична, в то время как "формы денег" - конкретны и потому всегда разнообразны". [1,С.87] Деньги как таковые, будучи объективной экономической реальностью, представляют собой определенную форму общественно-производственных отношений. Это не только экономическая, но и историческая категория. Со слов Л. Харриса, "деньги являются общественным феноменом. Деньги… существуют не только потому, что люди являются существами общественными, и вся их деятельность, включая хозяйственную, происходит в рамках общественной структуры. Более важно то, что они функционируют лишь в рамках определенных общественных и хозяйственных отношений" [6,С.75-76]. Исторический характер категории "деньги" проявляется и в том, что она очень динамична, "на каждом определенном этапе товарного производства наполняется новым содержанием, усложняющимся с изменением условий воспроизводства" [5,С.3] Деньги, порожденные товарным производством, постоянно эволюционируют по мере развития рыночных отношений. Эволюция категории связана не только с внешними причинами, переходом от одной ступени развития общества к другой, но у этого процесса есть и внутренний источник

- противоречие между экономическими и институциональными интересами, формой реализации которых и выступают деньги. Снятие этого противоречия ведет к смене форм денег, к изменению содержания данной категории. Единство и борьба двух противоположностей в виде экономических и институциональных интересов участников обмена - это тот внутренний двигатель, который заставляет деньги видоизменяться.

Российский ученый, занимающийся денежно-кредитными проблемами, О.И. Лаврушин, обращаясь к вопросу о сущности денег, выделяет три самостоятельных научных подхода: первый связан с исследованием денег на основе их товарной природы; второй основан на изучении денег через призму их функций; третий подход определяет сущность денег путем выявления общих их свойств, характеризующих их внутреннее содержание независимо от всего разнообразия форм и видов. Первые два подхода, по мнению О.И. Лаврушина, являются неполноценными, не раскрывающими "внутреннее" содержание денег, в отличие от третьего, "сущностного" подхода, согласно которому "деньги выражают определенные производственные отношения. Это не только товар, вещь, обязательство, но и совокупность экономических отношений между людьми в процессе общественного производства и движения общественного продукта от производства до потребления". Позволим себе не согласиться с этим выдающимся ученым в одном моменте, а именно в "неполноценности" раскрытия сущности денег в соответствии с их товарным происхождением. Утверждение о том, что деньги - это особый товар-эквивалент, который в ходе исторического развития товарного производства выделился из товарной массы и используется для выражения стоимости и цены других товаров в процессе товарного обмена, вовсе не противоречит идеям "сущностного" подхода, напротив, товарная концепция даже не выходит за его рамки.

О товарной природе денег, называя их "всеобщим колесом обращения", заговорил еще А. Смит. Однако господствующее положение эта идея заняла в работах К. Маркса. "Товар, - пишет он, - в качестве меры стоимости, а поэтому также, непосредственно или через своих заменителей, и в качестве средства обращения, есть деньги". Если деньги - это товар, то в чем же сущность последнего? Товар, по К. Марксу, является не просто наиболее абстрактной категорией, это предел абстракции. Товар представлен двумя факторами. Абстрагирование от первого фактора - потребительной стоимости или вещи с ее полезными свойствами - абсурдно, абстрагирование от второго фактора - товарной стоимости - выводит за рамки рассматриваемого предмета, за область анализа товарных отношений. "Выработка понятия исходной абстракции не есть результат простого чувственного созерцания или представления, а результат теоретического анализа… На основе метода "Капитала" К. Маркса можно выделить критериальные признаки исходного производственного отношения". По мнению К. Маркса, таким "исходным генетическим отношением", на основе которого выстраивается вся система производственных отношений, и является товар. Деньги, только потому, что выступают в качестве товара, и выражают определенные производственные отношения. Несмотря на то, что денежная теория К. Маркса разработана им для полноценных, или, как он их называет, "реальных" денег, бумажные же деньги, для него, всего лишь знаки стоимости, "поскольку они являются представителями известных количеств золота, а количество золота, как и всякие другие количества товаров, есть в то же время количество стоимости", данный факт не означает, что товарная природа денег отсутствует у их современных форм.

Современные деньги имеют фактор потребительной стоимости (полезности), но "внутренней" стоимости, в классическом ее понимании, у них как таковой нет, затраты труда на производство денежной купюры или осуществление записи по счету, если речь идет об электронных деньгах, стремятся к нулю. Следовательно, если стоимости нет, то вряд ли современные деньги - товар. Но не все так однозначно. Рассуждая о форме цены, К. Маркс допускает возможность количественного несовпадения величины стоимости с ценой, что может "скрывать в себе качественное противоречие, вследствие чего цена вообще перестает

быть выражением стоимости… вещи, которые сами по себе не являются товарами, например, совесть, честь и т.д., могут стать для своих владельцев предметом продажи и, таким образом, благодаря своей цене приобрести товарную форму" В последующем ученый развивает эту идею, рассматривая землю в качестве товара, он приходит к выводу, что у нее нет стоимости, так как в не подвергавшейся обработке земле не овеществлен человеческий труд, но на практике земля легко продается, что означает, что у нее есть цена, которая не является выражением стоимости в чистом виде, но скрывает в себе стоимостное отношение, производное от действительного.

Из сказанного вытекает, что наличие стоимости - это вовсе не обязательное условие, делающее товар товаром, есть исключения из правил, которые описаны внутри самой марксистской концепции. Кроме того, если пренебречь заложенной в рамках теории трудовой стоимости методологической предпосылкой анализа только материального производства, и исходить из того, что и сфера услуг столь же производительна, сколь полезна2, то при определении стоимости денег можно воспользоваться идеями институционального подхода. "Внутренней" стоимостью денег будут выступать трансакционные издержки обеспечения функционирования денег в рыночной системе, и их величина вовсе не нулевая. Не знаем, насколько вышеприведенные аргументы в защиту товарной природы денег являются весомыми, но сложно отрицать, что в условиях развитых рыночных отношений деньги приобретают "функциональное бытие" в качестве товара. Реализация цены товара, превращение товара в деньги одновременно предполагает и превращение денег в товар. Обращение товаров предполагает участие не двух, а трех контрагентов, одним из которых является владелец денег, который расценивает их как товар. "В отсутствие денег, если некий субъект пожелает обменять товар А на В, он должен отыскать кого-то, кто хочет в точности обменять В на А. В денежной же экономике этот субъект может просто продать А за деньги… а затем купить В за деньги у любого, кто пожелает это В продать, независимо от того, что сам продавец хочет взамен купить". При развитом товарном обращении деньги сохраняют свою самостоятельную форму, т.е. форму товара.

Современные деньги не имеют золотого обеспечения, но это не означает, что они представляют собой всего лишь условные знаки, инициированные государством, абстрактные счетные единицы, которые ничего общего не имеют с товаром, да и вообще не имеют сущности. Такая утилитаристская позиция не отвечает ни хозяйственной практике, ни действию экономических законов. При таком подходе не только деньги, но любой товар может представлять собой только знак. "Объявляя простыми знаками те общественные свойства, которые на основе определенного способа производства приобретают вещи, или те вещные формы, которые на основе этого способа производства приобретают общественные определения труда, их тех самым объявляют произвольным продуктом человеческого разума", полностью лишая возможности самостоятельного существования. О самостоятельном товарном бытии денег говорят не только классики политической экономии, но и представители других экономических направлений.

Основатель австрийской школы маржинализма К. Менгер уверен, что деньги возникли вовсе не путем соглашения, а "под влиянием практики и привычки блага, которые обладают в смысле времени и места наибольшей способностью к сбыту, принимаются в обмен каждым и поэтому могут быть становилась бартерной. Стихийно из общей товарной массы выделялось несколько "универсально-конвертируемых бартерных товаров", которые не просто выступали в роли денег, но являлись таковыми обменены на всякий другой товар". Сами по себе деньги не являются конечной целью участников обмена, их потребительная стоимость (ценность) проявляется в быстром получении с их помощью необходимых предметов потребления. Деньги - наиболее способный к сбыту товар, ликвидный актив, институционализация процесса использования которого вовсе не является причиной его возникновения, но значительно усиливает присущий монетарный характер. Подобной точки

зрения придерживаются и основатель макроэкономического анализа Дж.М. Кейнс, и неолибералы Ф. Хайек и Л. Мизес. Не отрицая товарную природу денег, эти ученые совершенно иначе подходят к определению самого товара, нежели представители теории трудовой стоимости. По их мнению, товаром может выступать любое экономическое благо, предназначенное к обмену, не зависимо от его природы. Экономисты, опирающиеся на рыночную парадигму, игнорируют различия между стоимостью и ценой, не имеют привязки в своих рассуждениях к трудовым затратам по производству денежного товара, они настаивают на том, что ценность денег определяется их полезностью2, причем не абсолютной. Участники экономических отношений по-разному оценивают выгоду, приносимую им лично одним и тем же видом и размером денежной суммы, т.е. ценность денег можно определить только исходя из относительных оценок их полезности в динамике.

Современные монетаристы при рассмотрении вопроса о ценности денег также учитывают постулаты теории предельной полезности. В рамках товарноэволюционного обоснования происхождения денег они демонстрируют процесс перехода от "товарных" денег (потребительских благ длительного пользования) к "фидуциарным" деньгам (к контрактам на уплату товарными деньгами с фиксированным номинальным значением). Современные деньги носят фидуциарный характер и по своей сути, как отмечает Дж.Р. Хикс, они выступают самым совершенным видом ценных бумаг. Будучи ценной бумагой, деньги не утратили своей сущности в качестве товара, а лишь приобрели дополнительные качества.

Процессы дематериализации и распредмечивания экономических отношений превратили деньги из реального товара в титул, "систему институциональных отношений, определяющих состояние правомочий субъекта собственности". Титулы как способы приобретения права собственности постепенно сами приобрели товарные свойства, стали функционировать как товар, став его самостоятельной формой, у которого есть два ключевых фактора - потребительная стоимость (полезность) и титульная стоимость. Титульная стоимость является вторичной, производной от таких базисных форм, как действительная и фиктивная стоимость, а следовательно, несет в себе черты как той, так и другой форм.

Под титульной стоимостью денег понимаются затраты на поддержание и защиту их как титула, поведения потребителей . Факторов, оказывающих воздействие на формирование в сознании субъекта оценок полезности денег, еще очень много. Характер воздействия этих факторов может быть как прямым, так и косвенным, через цепочку других факторов. Все это лишний раз подчеркивает, что измерять полезность денег в абсолютных величинах просто невозможно, слишком ярко выраженным будет субъективный характер представлений индивида о деньгах т.е. трансакционные издержки. Цена денег, хотя подлинно в политэкономическом смысле она отсутствует, определяется опосредованно через титул как будущая ожидаемая вероятностная рыночная оценка стоимости денег как товара. Этим как раз и объясняется то, что государство, выпуская деньги, вначале продает их по номиналу, а затем они начинают обращаться по курсу, который может отклоняться от их действительной стоимости на величину вероятностных оценок. Оценить будущую стоимость денег - это значит угадать их покупательную способность, сколько реальных товаров индивид сможет приобрести с помощью конкретной суммы денег через определенный период времени, день, месяц, год и т.д. Данное утверждение не выходит за рамки ключевых положений количественной теории денег. Количественная теория денег основывается на гипотезе о том, что существует зависимость уровня товарных цен от количества денег в обращении.

На современном этапе количественная теория денег в основном представлена в форме идей монетаризма, основателем которого является М. Фридмен. Нельзя сказать, что этот ученый занимается качественным анализом количественных зависимостей в уравнении И. Фишера, но он существенно дорабатывает теорию, показывает ее применимость в условиях функционирования современных денег. Считая ядром всей монетарной теории "фундаментальное различие между номинальным и реальным количеством денег", М.

Фридмен отмечает, что оптимальное количество денег всегда и везде - это то количество, которое необходимо для свободного обращения товаров. Ответ на вопрос, сколько же денег пожелают иметь люди, по мнению М. Фридмена, "должен выражаться не в номинальных, а в реальных единицах, иначе говоря в объемах товаров и услуг, которыми люди захотят распоряжаться в денежной форме".

Перефразируя слова этого выдающегося ученого, можно сказать, что денежный рынок производен от реального, выступая в качестве надстройки к товарному производству, являясь его следствием. Ф. Хайек, несмотря на свое критическое отношение к монетаризму, придерживается таких же позиций. Он уверен, что "количество денег должно быть пропорциональным физическим объемам производства". Опираясь на идею, что количество денег в экономике является результатом товарного обращения, можно утверждать, что цена денег - это не что иное, как будущая оценка их покупательной способности, оценка будущего потока благ, который можно будет приобрести на конкретную денежную сумму. В подтверждение нашей позиции уместно будет сослаться на идею Ф. Хайека: "Не существует потребности в деньгах - абсолютное количество денег не имеет большого значения в смысле, в каком мы говорим об объективной ценности благ. То, что нас интересует, - это лишь то, как деньги воздействуют на относительные цены благ, рассматриваемых как источники дохода или как средство удовлетворения [конечных] желаний".

На современном этапе вопрос, "увеличивается ценность денег или уменьшается, превратился в вопрос, в пользу каких благ - будущих или теперешних - действуют изменения, которым подвергается состояние равновесных ставок межвременного обмена под воздействием денежных факторов". Современные деньги как стандарт отсроченных платежей могут восприниматься только как средство межвременного обмена, а их цена есть всего лишь оценка возможности получения того или иного количества благ в разные моменты времени4. Близкую к подобному взгляду позицию имеют Д. Бучана, называющий деньги "заторможенным желанием", Л. Боден, считающий, что "раздобыв деньги, человек получает непредвиденное", Р. Барр, доказывающий, что деньги являются "носителями выбора". Исследование денег в качестве титула интересно не только с позиции анализа их стоимости и цены, но и заставляет учитывать важный момент в раскрытии их сущности, а именно понимании денег как института. Выступая в качестве титула, деньги регламентируют способ организации и правила взаимодействия участников рынка. Деньги в рамках экономического обмена являются теми конструкциями, которые соединяют субъектов экономических трансакций, непосредственно взаимодействующих друг с другом или не имеющих друг о друге никакого представления, в систему связанных между собой монетарных цепочек. Они интегрируют действия людей по единым правилам и стандартам, т.е. выступают в качестве системообразующего и системоудерживающего общественного института. Деньги обеспечивают "концентрацию и экономию социальной энергии в такой форме, которая позволяет минимумом затрат достигнуть максимального результата перед лицом каждой потребности".

Деньги как институт возникают по рациональным соображениям, они позволяют минимизировать трансакционные издержки, связанные с поиском информации и заключением сделки. В современных условиях деньги играют роль формального института, хотя учитывая их эволюционно-товарное происхождение, приходится констатировать их изначально неформальную природу. Государство в лице ряда общественных институтов легитимировало статус денег, превратив их в формальный институт. Хотя действия общественных властей и не являются причиной происхождения денег, тем не менее наличие внешней силы в виде государства просто необходимо, только оно способно принудить к соблюдению определенных установленных правил, в случае если они не выполняются добровольно, тем самым обеспечивая функционирование денег как формального института. По мнению Г. Зиммеля, "центральные" институты, эмитирующие деньги, не обладают полным контролем над денежным механизмом, они лишь в определенной части могут

оптимизировать его функционирование, не более того. Деньги - это не продукт, который можно запретить производить, а система экономических отношений, обусловленная действием экономических законов. Подтверждением тому является концепция частных денег, о которой речь пойдет далее. Если деньги - общественный институт, то непосредственным условием его существования должно быть доверие, об этом как раз и говорят монетаристы, наряду с товарными деньгами выделяя фидуциарные. В то же самое время, по мнению М. Аглиетта и А. Орлеана, деньги выступают инструментом, обеспечивающим доверие. "Как объяснить, - пишут они, - что общество, состоящее из индивидов, каждый из которых преследует свой личный интерес, не приходит к войне против всех и хаосу? Благодаря деньгам. Именно они… позволяют существовать товарному обществу. Они являются основообразующим институтом, который придает форму отношениям обмена, и выступают посредником между индивидами". Вышепоказанная дихотомия "деньги - доверие" лежит в основе функционирования денежного института, и ее нужно учитывать при выявлении сущности денег.

Анализ сущности денег как возникших на определенном этапе развития общества институционализированных экономических отношений, материализующихся в форме товара, возможен только при органическом сочетании системного, воспроизводственного, институционального и структурнофункционального подходов. Изучение денег не должно ограничиваться рамками классической школы и трудовой теории стоимости или постулатами маржинализма и теорией предельной полезности. Требуется учет внутренне взаимосвязанных и диалектически непротиворечивых положений различных школ о предмете исследования, только в этой связи можно проникнуть в сущность категории "деньги", увидеть ее богатое содержание, показать генезис и все многообразие форм. Большинство денежных теорий отличаются фрагментарностью и односторонним подходом к выявлению сущности денег, некоторые ученые подменяют процесс выявления сущности анализом форм денег, другие говорят только об их функционале, такой анализ объекта "не позволяет увидеть его системные качества и системное предназначение, а значит, не дает возможности до конца понять его сущность, объяснить закономерности дальнейшего развития". Системный и воспроизводственный подходы должны быть положены в основу анализа предмета исследования, они позволят увидеть объективные основы возникновения и динамики титульной стоимости как субстанциональной основы денег, показать прямую и обратную связь денег с общественным воспроизводством.

Мы абсолютно согласны с К.Н. Ермолаевым, который уверен, что "для понимания природы титульной стоимости сочетание классического и неоклассического подходов (с учетом двух его подветвей - монетаризма и неолиберализм.) необходимо дополнить идеями Дж. Кейнса об ожидании как ценности, Дж. Хикса о стоимости как капитализированном потоке будущих доходов, Р. Лукаса и Дж. Мута о рациональных ожиданиях, а также Дж. фон Неймана и Дж. Нэша о вероятностном характере экономических ожиданий и ожидаемой полезности". Не стоит пренебрегать при выявлении сущности денег и методологическим подходом институционалистов. Их теории прав собственности, трансакционных издержек, контрактов обогащают взгляд на экономическую природу денег, заставляют увидеть, что деньги представляют собой не только экономические, но в то же время и институциональные отношения, единство и противостояние которых является источником генезиса денег, появления их новых форм.

Институциональный подход, на наш взгляд, выступает той платформой, на базе которой может строиться междисциплинарный анализ денег, где будут учитываться наработки не только чистой экономической теории, но и социологии, психологии, что значительно обогатит анализ содержания категории "деньги", особенно в контексте имеющейся дихотомии "деньги - доверие". Конечно, методологический плюрализм, используемый при выявлении экономической природы денег может послужить причиной возникновения суждений, носящих эклектичный характер. Чтобы избежать этого, сразу

оговоримся, мы не осуществляем синтез методов, не пытаемся построить единую обобщенную модель, учитывающую взгляды на деньги представителей различных экономических школ. Синтез методов и моделей в принципе невозможен, поскольку модели функционируют в разных системах координат, все они являются истинными для тех методологических предпосылок, в которых они строятся1. При изучении денег, как впрочем и любой другой экономической категории, важен синтез знания, который позволяет получить всестороннее представление о предмете исследования путем анализа методологических подходов и выводов, полученных различными направлениями экономической науки. Выводы не стоит сравнивать, выяснять, какой из них лучше, а какой хуже, синтез знания вовсе не предполагает этого, он нацелен на всестороннее отражение экономической природы денег за счет включения в рассмотрение тех аспектов, которые не просматриваются с позиций одной из моделей.

Подытоживая все вышесказанное, хочется еще раз акцентировать внимание на следующих моментах: - деньги являются экономической категорией, а следовательно, выявить их сущность за рамками анализа чистой экономической теории не представляется возможным, междисциплинарный анализ продуктивен при определении содержания категории "деньги", но не выявлении ее сущности; - при исследовании денег необходимо учитывать методы и выводы различных направлений экономической науки. Синтез знания должен стать тем инструментом, который позволит значительно расширить и обогатить представления о деньгах как экономической категории. Использование системного, воспроизводственного, структурно-функционального и институционального методологических подходов, внутренне непротиворечивых и взаимосвязанных идей теории трудовой стоимости, теории предельной полезности, теории ожидаемой ценности позволяет проникнуть в экономическую суть денег, увидеть всю широту их экономического содержания в условиях постоянно меняющихся форм денег; - с учетом обозначенных выше методологических предпосылок установлено, что деньги представляют собой исторически определенную форму хозяйственных отношений, в этом и состоит их сущность. Они способствуют реализации как экономических, так и институциональных интересов участников обмена. Единство и противостояние экономических и институциональных интересов является источником генезиса денег. Несмотря на процесс дематериализации, деньги не утратили свое товарное бытие, представ в качестве титула, они сохраняют свою товарную природу, обладая потребительной стоимостью (полезностью) и титульной стоимостью; - титульная стоимость денег является вторичной, производной формой действительной и фиктивной стоимости, и несет в себе черты обеих. Титульная стоимость денег включает в себя реальные затраты в виде трансакционных издержек, которые идут на поддержание и функционирование денежного оборота, в то время как вероятностные ожидаемые оценки участников обмена относительно будущей стоимости денег или, точнее, того потока благ, который можно будет приобрести в будущем на конкретную денежную сумму, определяют цену денег как товара. В этом контексте деньги являются продуктом межвременного обмена, становится важным не абсолютное значение их стоимости (ценности), а относительные показатели, пребывающие в постоянной динамике; - рассматривая деньги в качестве титула, приходится констатировать, что они являются общественным институтом, в рамках которого устанавливаются определенные правила и стандарты поведения, способствующие минимизации трансационных издержек. Деньги выступают в качестве системообразующего и системоудерживающего института рыночной экономики, условием существования которого является институциональное доверие.

Список использованных источников

1. Базулин Ю.В. Происхождение денег в процессе социогенеза // Вестн. С.-Петерб. ун-та.Сер. 5. СПб., 2006. Вып. 2. С. 87.

2. Гриценко А.А. Финансово-экономический кризис как исходный пункт обновлениясфинансово-экономической архитектоники // Инициативы XXI в. 2009. № 2. С. 30-34.

3.Маркс.К.,Энгельс. Ф. Соч. 2-е изд.,т.23,с.102

4. Мищенко С.В. Сущность и функции современных денег // Изв. С.-Петерб. ун-такономики и финансов. 2010. № 6. С. 32.

5 Красавина Л.Н. Проблемы денег в экономической науке // Деньги и кредит. 2001. № 10.С. 3.

6 Харрис Л. Денежная теория. М., 1990. С. 75-76.

О. А. Павловская

ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА О СПЕЦИФИКЕ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО ФАКТОРА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация *На основе произведений классиков марксизма рассматривается проблема соотношения формационного и цивилизационного подходов в исследовании исторического процесса, что позволяет выявить специфику взаимодействия материального и духовного производства. Большое внимание уделяется освещению вопроса о характере обратного воздействия тех или иных форм духовного производства на ход социального процесса. Среди духовно-культурных факторов особое место занимает мораль. В марксизме с позиции конкретно-исторического подхода феномен морали непосредственно связан с процессом социального развития и зависим от возникающих при этом противоречий. Отмечается, что в ходе истории мораль все более проявляет себя, помогает раскрыть в человеке его духовный потенциал, способствует установлению отношений между людьми, основанных на гуманистических принципах.*

THE PHILOSOPHY OF MARXISM ON THE SPECIFICS OF THE SPIRITUAL AND CULTURAL FACTORS IN THE HISTORICAL PROCESS

On the basis of the classics of Marxism works, the problem of the relationship between the formational and civilizational approaches in the study of the historical process is examined, which makes it possible to reveal the specificity of the interaction of material and spiritual production. Much attention is paid to clarifying the question of the nature of the reverse effects of certain forms of spiritual production on the course of the social process. Among the spiritual and cultural factors, a special place is occupied by morality.In Marxism, from the standpoint of a concrete historical approach, the phenomenon of morality is directly related to the process of social development and is dependent on the contradictions arising from this.It is noted that in the course of history, morality more and more manifests itself, helps to reveal its spiritual potential in a person, and contributes to the establishment of relations between people based on humanistic principles.

В социальной философии повышенный интерес и оживленные споры вызывает проблема соотношения формационного и цивилизационного подходов. Традиционно суть формационного подхода связывают с учением марксизма об общественно-экономических формациях, основой которых является определенный уровень развития материального производства. Повышенный интерес в последнее время к анализу истории с позиции цивилизационного подхода нередко объясняется современными исследователями недооценкой основоположниками марксизма духовно-культурных факторов в ходе истории.

В свое время, отвечая на различные критические высказывания, Ф. Энгельс заметил: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство

действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это … положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [1, т. 6, с. 512].

В философии марксизма в диалектическом взаимодействии рассматриваются различные состояния материального и духовного производства (базиса и надстройки). С одной стороны, в процессе такого взаимодействияпроисходит *прямое* влияние социально-экономических отношений на те или иные компоненты надстройки: «политические формы классовой борьбы и ее результаты… правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм» [1, т. 6, с. 512]. С другой стороны, на ход социальной жизни оказывают *обратное* воздействие различные формы общественного сознания: «политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие которых основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис» [1, т. 6, с. 30]. Выделяя взаимодействие как ведущий принцип диалектики, в марксистской теории отмечается: «Историческое явление, коль скоро оно вызвано к жизни причинами другого порядка, в конечном итоге экономическими, тут же в свою очередь становится активным фактором, может оказывать обратное воздействие на окружающую среду и даже на породившие его причины» [1, т. 6, с. 525].

Заслуживает внимания вопрос о характере *обратного* воздействия тех или иных форм духовного производства, т.е. становится ли оно стимулом для дальнейшего развития социально-экономических отношений либо всячески сдерживает, тормозит этот процесс. Среди факторов, оказывающих обратное воздействие особое место занимают политика государства и связанная с ней идеология. Исторические факты убедительно свидетельствуют, как отмечается в марксизме, о том, что деятельность государства, его идеологического аппарата в антагонистических обществах направлена на то, чтобы создавать «представления о ложных и кажущихся побудительных силах», сеять «иллюзии о вечном», «ослеплять большинство людей», подчинять своим интересам различные формы мыслительного процесса. Помимо государственной идеологии стоит говорить и о «тех идеологических областях, которые еще выше парят в воздухе – религия, философия и т. д.» и которые отражают «различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, волшебных силах и т.д.» [1, т. 6, с. 518]. История развития науки, экономически детерминированная, постепенно открывает знание о природе, обществе и человеке, создавая тем самым почву для преодоления различного рода заблуждений и предрассудков.

Согласно марксизму, своеобразно осуществляется и взаимосвязь социального бытия и философии как «особой области разделения труда», которая, с одной стороны, «располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который предан ей ее предшественниками и из которого она исходит», с другой – лишь косвенным образом она оказывается под влиянием экономики, которая в свою очередь только «определяет вид изменения и дальнейшее развитие имеющегося налицо мыслительного материала». Однако подчеркивается и то, что «между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [1, т. 6, с. 519]. В этом случае «политические и юридические отражения» есть не что иное, как воздействие деятельности государства, а она, соответственно, не может быть свободна от влияния объективных экономических процессов. Что касается «моральных отражений», то они являются результатом духовного освоения живыми людьми самих себя и своей жизни, тем самым отражаясь, преломляясь в различных образах, понятиях, теоретических конструкциях, внося в них элементы действительности и давая импульс для развития философского знания, которое в свою очередь может возвращаться в систему социально-культурных

детерминаций, но уже опосредованным образом через реализацию идеологических, образовательно-воспитательных функций.

«Исследовать движущие причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются в виде сознательных побуждений в головах действующих масс и их вождей, так называемых великих людей, – это единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельные периоды или в отдельных странах» [1, т. 6, с. 318]. С учетом данной методологической позиции в теории марксизма анализируется обширный историко-культурный материал, позволяющий не абстрактно, а весьма определенно говорить о закономерностях и особенностях цивилизационного развития.

Следовательно, согласно теории марксизма, реальная жизнь людей напрямую зависит от конкретно-исторического уровня развития материально-технической базы производства, освоенных природных ресурсов, внедренных технологий, используемых средств и орудий труда, способов получения прибавочного продукта, характера потребления материальных благ и других составляющих хозяйственной жизни. Но в то же время она не ограничивается этим, «во многих случаях», как говорит Энгельс, важную роль играют как раз факторы политического, духовного характера, а с учетом специфики культурного развития тех или иных народов и государств есть все основания говорить о цивилизациях как качественно определенных срезах исторического процесса. Поэтому представляется целесообразным во взаимосвязи использовать формационный и цивилизационный подходы, что позволит наиболее полно раскрывать общие закономерности и конкретно-исторические особенности взаимодействия экономических, политических и духовных факторов социального бытия, отражение этого взаимодействия в определенных общественно-экономических формациях, уровнях развития культуры, типах цивилизации.

На формационном уровне, где доминируют стихийно складывающиеся экономические отношения, сознание и деятельность людей находятся в прямой зависимости от хода естественно-исторического процесса, от связанных с ним процессов отчуждения и принуждения сущностных сил человека. Конечно, в таком положении менее всего «отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [1, т. 7, с. 8].

«Возвышаться субъективно» над социальными условиями человек способен только в процессе конкретно-исторического развития культуры, освоения ее материальных и духовных ценностей, которые фиксируются в определенных локально-хронологических пределах цивилизаций, тем самым оставляя свой заметный след в исторической памяти человечества. Причем, создание и усовершенствование материальных ценностей расширяет внешние рамки социально-экономического бытия человека, служит необходимой базой для его духовного освобождения, но собственно таковым не является. «Возвышаться субъективно» человек может только тогда, когда осваивает выработанный в ходе человеческой истории духовный опыт, преобразовывает его в свои личные интересы и убеждения, цели и мотивы, качества и поступки, т.е. совершенствуется в духовном плане, становится личностью. Все это дает основания утверждать, что ведущее значение культуры в социально-исторической жизни определяется антропологическими и гуманитарными критериями.

Известные марксистские положения: «Люди сами делают свою историю», «Мы делаем нашу историю сами» [1, т. 6, с. 531, 512] – не просто раскрывает общественный характер жизни людей в ходе истории, а выражает сложнейшую взаимосвязь собственно человеческой природы людей, прежде всего ее субъективной стороны, с объективным ходом исторического процесса. «Люди *сами*», «мы *сами*» – вот ключевое звено в системе социально-исторических отношений. Различные сообщества людей и каждый человек в отдельности являются субъектами своей жизни в прошлом, настоящем, будущем времени.

«Люди *сами*», «мы *сами*» – эти выражения означают, насколько осознанно, самостоятельно, свободно, творчески, добровольно, ответственно участвуют они в исторической жизни. Каждый человек в той или иной мере способен чувствовать и размышлять, определять цели своих деяний и оценивать их результаты, находить верные пути и ошибаться, созидать и разрушать, надеяться и разочаровываться, любить и ненавидеть и еще много других позитивных и негативных проявлений человеческого духа обнаруживать в себе и в отношениях с другими людьми [4, с. 168-169].

Процессы личностной эмансипации и гуманизации социума, являясь по существу всеобщей исторической закономерностью, немыслимы без практически постоянного и повседневного включения в жизнь людей моральных компонентов. В марксизме с позиции конкретно-исторического подхода феномен морали (нравственности) непосредственно связан с процессом социально-исторического развития – история человеческого общества есть также и история нравственных отношений между людьми. Принцип развития затрагивает и эту сферу человеческой жизни: на начальных этапах истории в синкретических формах сознания с трудом улавливаются проявления нравственности, затем по мере исторического развития все более и более раскрывается и осознается ее нормативно-ценностное и мотивационно-поведенческое содержание, а также, и это важно отметить, она попадает в поле зрения мыслителей, художников и поэтов, которые через образы и символы стремятся увязать познание ее сущности со смысложизненными исканиями человека.

Теория материалистического понимания истории, в основе которой лежат идеи об эволюции способа производства, последовательной смене общественно-экономических формаций, отчужденном труде и частной собственности, революционном способе их преодоления, послужила основанием для основоположников марксизма утверждать об открытии объективных законов социального бытия. Различного рода рассуждения о моральном законе своих предшественников они относили к области «чистого мышления». Однако это все равно не означает, что морали не должно уделяться внимание при анализе системы общественных отношений, и она должна быть отброшена в сторону, напротив, согласно марксистской логике, по мере исторического развития мораль все более и более проявляет себя, помогает раскрыть в человеке то, что является его *собственно человеческой* сущностью.

Согласно философии марксизма, важная роль отводится морали в деле духовного освобождения человека в процессе истории. Выделяются два пути освобождения: 1) «окольный» путь, который связан со сферой религиозного сознания, где проблема освобождения человека и теоретически и практически ассоциируется с темой спасения человека в потустороннем мире; 2) «прямой» путь обеспечивает действительное духовное освобождение человека, вытекает из объективного хода истории и социального прогресса, непосредственно связан с его социальным освобождением.

Первый путь, «окольный», предполагает духовное развитие человека посредством религиозного освоения им мира, где бессознательно или в какой-то мере осознанно происходит отчуждение от человека его человеческой сущности и ее отражение в образах божественного, а затем вновь ее присвоение человеком, но уже в измененном и даже искаженном виде.

Возникновение религии обуславливают «низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу, и к природе» [1, т. 7, с. 77-78]. Соглашаясь с Фейербахом, Энгельс подчеркивает, что религия возникает «благодаря отражению человека в хаотичном материале его собственного неразвитого сознания», она начинается «с того, что, показав нам нечто человеческое, выдает его за нечто сверхчеловеческое, божественное». В содержательном плане в религиозном сознании в той или иной мере проявляются различные моральные элементы. Поэтому мораль чрезвычайно длительное время вынужденно существовала в различных формах религиозного сознания.

«Пока сильна и жива вера в этот потусторонний фантом, до тех пор таким окольным путем человек добивается хоть какого-нибудь содержания» [2, т. 1, с. 590-594].

Однако в ходе истории выявляется противоречие между изначально заложенным в религии потенциалом человеческой духовности и реальной духовной жизнью людей. В действительности обнаруживается, что сам человек невольно опустошается в духовном плане, происходит «выхолащивание из человека и природы всего их содержания». Со временем, когда «перед лицом возрастающей культуры» религиозная вера постепенно начинает ослабевать, духовная опустошенность, бессодержательность человеческой жизни еще очень долго сохраняются. «Пустота существовала уже давно, потому что религия есть акт самоопустошения человека; а теперь, когда пурпур, прикрывающий эту пустоту, поблек, когда туман, ее заволакивающий, рассеялся, …эта пустота выступила на свет». То есть исторически в морали, находящейся в традиционных религиозных рамках, не получал в должной мере своего развития индивидуально-личностный потенциал человека. Ситуация усугублялась еще и тем, что в общественных нравах и государственных структурах долгое время «царил» определенный церковно освященный порядок мироустройства, оторванный от действительной жизни, что порождало ложь и лицемерие, назначение которых объясняется тем, что «пустоту и бессилие надо приличным образом замаскировать, надо придать им видимость силы при помощи всяких декораций, пышных одеяний и фижм». Отмечается, что существенные перемены в конкретно-исторических условиях жизни людей сделали актуальными такие проблемы, как возвращение человеку его собственно человеческого содержания, «и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания», а также необходимость преодоления духовного кризиса в обществе, «наше освобождение от этого лицемерия и освобождение мира от него» [2, т. 1, с. 590-594].

Второй путь, «прямой», по мнению Маркса и Энгельса, является закономерным, соответствующим объективному ходу человеческой истории. Действительное духовное освобождение человека непосредственно связано с его социальным освобождением, достигается «лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор», поэтому «не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и прочей теории» [1, т. 2, с.37]. Преодоление отчуждения человеческой сущности в религии становится реально возможным только после того, как будет осознаваться и последовательно преодолеваться отчуждение человеческой сущности в процессе действительного производства и действительных общественных отношений, т.е. социальное отчуждение человека [4, с. 123-125].

В марксистской теории такое действительное освобождение человека, его полноценное духовное развитие связаны с идеей коммунизма, который понимается не как «*состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразовываться действительность», а как «*действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [3, с. 33]: а именно, состояние, порожденное капиталистическим способом производства со всеми вытекающими из него негативными последствиями. Как видим, коммунизм, по Марксу, не есть отдельная стадия исторического процесса или даже завершение всей человеческой истории (что имело место в советской идеологии), а представляет собой своеобразный путь (движение) к таким общественным отношениям, при которых люди смогли бы жить «*по-человечески*».

Коммунизм как «*действительное* движение» может состояться только при установлении принципиально новой связи индивидов друг с другом, которая в свою очередь обеспечит качественное изменение всей системы общественных отношений. Тогда «самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой», а будет обуславливаться «именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся

производительных сил» [1, т. 2, с. 412-413]. Такие принципиально новые отношения человека с человеком могут обрести реальность при наличии развитого личностного сознания у каждого из них. «Сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или devouement (самоотверженностью), ни эгоизм» [1, т. 2, с. 412-413]. При этом ведущую роль должно сыграть именно моральное сознание, в котором доминантой становится личностный потенциал человека, полноценное развитие его духовно-нравственных сил, механизмы самореализации и самовоспитания [4, с. 127-129].

Список использованных источников

1. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избр. соч. в 9 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1987.
2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч.: в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1954-1966.
3. Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений/ К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1956.
4. Павловская, О. А. Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы / О. А. Павловская. – Минск: Беларуская навука, 2014.– 578 с.

Разбеглова Т.П.

МАРКСИЗМ О СУЩНОСТИ И РОЛИ ИСКУССТВА: ВЗГЛЯД ИЗ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию основных положений теории искусства марксизма. Определено, что принцип соответствия искусства действительности является универсальным и применим по отношению к искусству постмодерна, несмотря на кардинальные различия художественых систем реализма и постмодернизма.*

Ключевые слова: *искусство, марксистская эстетика, модернизм, метанарратив, постмодернизм, реализм.*

Annotation. *The article is devoted to the study of the main provisions of the theory of art of Marxism. It has been determined that the principle of conformity of art to reality is universal and applicable to the art of postmodern, despite the fundamental differences between artistic systems of realism and postmodernism.*

Key words: *art, Marxist aesthetics, modernism, metanarrative, postmodernism, realism.*

Марксовское учение об искусстве и его роли в общественной жизни довольно обширно, хотя Маркс не оставил никакого отдельного произведения, посвященного искусству. Многочисленные суждения об этой сфере мы находим в различных произведениях, касающихся вопросов социально-экономического характера, общественной жизни и общественных явлений, в письмах, заметках, рецензиях. Суждения об скусстве мы нахолим в таких значительных произведениях Маркса, как «Капитал», «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «К критике политической экономии», «Экономические рукописи 1857-1859 г.» и др. Это свидетельствует о сути марксовского отношения к искусству и понимания всей серьезности его роли в общественной жизни.

Подходя к теме «Маркс и искусство», следует иметь в виду по крайней мере два факта. Во-первых, сам Маркс в юности мечтал о творческой художественной деятельности, пробовав себя в различных литературных жанрах – поэзии, драматургии, создавая наброски крупных литературных жанров, в частности, романа. Искусство было близко ему по духу, его художественным склоностям и таланту. Не случайно стиль его философских, публицистический произведений, писем и рецензий отличается чисто художественной образностью и яркостью. Он хорошо знал литературу прошлого и своего времени, ссылался на нее, высказывая критические и точные суждения. Во-вторых, суждения Маркса о

искусстве создавались в контексте появления новых эстетических теорий и взглядов: А. Шопенгауэр, Фр. Шлегель, Новалис, Ф. Ницше, стали провозвестниками и обоснователями новой эстетики, основные положения которой достаточно долеко уводили искусство от социальных проблем и реальной жизни. Ситуация возможной полемики в эстетических вопросах позволилила Марксу утвердиться в собственных положениях относительно сущности искусства и его роли в жизни человека и общества.

Сформулирует тезисно основные положения Маркса, как они определены в марксисткой эстетике.

1. Она базируется на основополагающих идеях *классической* эстетики. Это теория отражения, восходящая к аристотелевской идее мимезиса, идея диалектики содержания и формы, идея художественного творчества как художественного осмысления жизни и т.п. Искусство есть познание жизни в форме чувственного, образного созерцания ее. Как и наука, искусство дает *объективные* истины и требует точности и верности в воспроизведении реальности.

2. Маркс последовательно проводит идею историчности искусства, его соответствия духу времени и социальной реальности. «Разве… тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а потому и греческого искусства, возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж Вулкану против Roberts et C º, Юпитеру против громоотвода и Гермесу против Crédit Mobilier?». «…Возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания и песни, и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии с появлением печатного станка?» [3, с. 6]

3. В центре марксистской теории искусства стоял человек в его социальной роли и значимости, и как создатель и «потребитель» искусства он являлся носителем исторического социального сознания, выразителем дум и чаяний общества, с которыми согласовывались личные художественные интенции.

Развитие этих идей в философско-эстетической мысли последователей Маркса составило то явление, которые мы называем «марскистской эстетикой». Как и в любом случае апологетического мышления развитие идей основателя (в данном случае – Маркса) превращается в развитую теорию и существенно дополняет изначальные взгляды, но вместе с тем догматизирует их, превращая их буквально в руководство к действию, чем сковывают творческий процесс и обедняют искусство. Марксизм и как философия, и как эстетическая теория однозначно и последовательно отвергает всё, что в философии и эстетике связано с интуитивизмом во всех его формах, а также и того, что основано на изучении и акцентировании факторов бессознательного и подсознательного в человеческой психике. На основе развития диалектического учения о форме и содержании в искусстве были отвергнуты художественые поиски модернизма.

На фоне всей последующей марксистко-ленинской эстетики учение самого Маркса выглядит живым и достаточно гибким, соответствующим высказанным им идеям об историчности искусства и его соответствии современной ему реальности.

Однако в контексте самой мысли Маркса об историчности искусства и эстетики, поставим вопрос об отношении самих идей Маркса об искусстве к историческому развитию искусства и эстетики, которое мы видим на протяжении XX и начала XXI в.в. Появление нового искусства – модернизма, а затем и постмодернизма, перестроило и художественное мышление, и восприятие искусства, и художестенные потребности общества и саму эстетику. Основная мысль Маркса о соответствии искусства современной ему действительности остается в силе.

Наше время отделяет от времени Маркса почти два столетия интенсивного, революционного, кризисного развития культуры. Современное состояние, определявшееся теоретиками культуры как «состояние постмодерна», имеет в культурологических

исследованиях расширительное значение. «Понятия "постмодернизм", "постмодерн", "постмодернистский" многозначны, они используются и для обозначения своеобразного направления в современном искусстве, и для характеристики определенных тенденций в политике, религии, этике, образе жизни, мировосприятии, но так же и для периодизации культуры и обозначения соответствующей концепции, которая вызвана необходимостью корреляции появляющихся новаций в культуре, порождаемых изменениями в общественной жизни и экономических структурах» [1]. В социально-историческом контексте предлагается рассматривать "постмодерн" в качестве коррелята "модерна" - эпохи, простирающейся приблизительно от начала Нового времени до середины XX столетия. В ракурсе такого понимания Маркс и его эпоха противостоит в своих базовых характеристиках культуре, которую принято определять как «постмодерную».

Как писал Ж.-Ф. Лиотар, Постмодерн начался с "Освенцима" - преступления, которое открывает постсовременность [4]. Это слово-символ используется им для того, чтобы показать опасность истребления одного дискурса другим [в данном случае дискурса модерна. – Т.Р.], подчинения одного жанра дискурса другому, что неизбежно ведет к тоталитаризму. Основной характеристикой постмодерна Лиотар считает утрату метанарративами (великими повествованиями) современности своей легитимирующей силы. Под "великими метаповествованиями" и "метарассказами" он понимает главные идеи человечества: идею прогресса, эмансипацию личности, представление Просвещения о знании как средстве установления всеобщего. Лиотар называет такие метанарративы, как диалектика духа, герменевтика смысла, поступательное расширение и увеличение свободы, развитие разума, освобождение труда, прогресс капиталистической технонауки, спасение твари через обращение душ к Христовому повествованию о мученической любви и др. [1, с. 11]

Специфика ситуации постмодерна - в радикальном недоверии к метанаррациям (большим повествованиям), имеющим, по Лиотару, узаконивающие функции. Но в постмодернистской ситуации не все нарративы утрачивают доверие: множество разнообразных микронарративов продолжают плести ткань повседневной жизни. "Маленький рассказ, - пишет Лиотар, - остается образцовой формой для творческого и, прежде всего, - научного воображения" [17].

Утрата единых и значимых метасмыслов в культуре ставит искусство в ситуацию «измельчания», частного случая, допускающую значительное увеличение доли субъективизма в искусстве, отказа от выражения всеобщих истин. Метанарративы марксовской эпохи, в частности, идея силы искусства, состоящей в отражении и творческой интерпретации важнейших идей, уступают место частным, в принципе любым идеям, имеющим право быть воплощенными в художественном творчестве. Принцип классовости искусства, ставивший границы и являвшийся основой для эстетических и идейных оценок, уступает место радикальной множественности, принципиальной неопределенности. Искусство в ситуации постмодерной культуры должно стать многоязычным, приобрести многоуровневую структуру, быть доступным различным слоям культуры.

Учитывая марксовский принцип соответствия искусства действительности, отметим, что постмодернистское мышление не есть что-то экзотическое, философия и искусство нашего века является выполеннием требований современной культуры.

Список использованных источников:

1. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999. – 240 с.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс Об искусстве. В 2-х томах. М.: Искусство, 1983.

3. Маркс К. и Энгельс Ф. «К критике политической экономии», // Маркс К и Энгельс Ф. Сочинения. т. 13. М.: Политиздат,
4. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Ежегодник Ad Marginem,93. М., 1994. С. 320.

Серостанова О.Б.

ОБСМЫСЛИВАЯ К. МАРКСА: К ВОПРОСУ ПОНИМАНИЯ ОБМЕНА И ОБМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье проанализированы характерные особенности толкования К. Марксом обмена и обменных отношений. Выявлена и обоснована необходимость расширения понимания категории обмена и обменных отношений как многогранной системы взаимодействий в рамках социально-философского познания.*

Ключевые слова: *обмен, обменные отношения, общественные отношения, коммуникация, трансформация*

Abstract: *The article analyzes the characteristic features of Marx's interpretation of exchange and exchange relations. The necessity of expanding the understanding of the category of exchange and exchange relations as a multifaceted system of interactions within the framework of social and philosophical cognition is revealed and justified.*

Key words:*exchange, exchange relations, public relations, communication, transformation.*

Социокультурная и региональная гетерогенность социальных образований создает множество противоречий в функционировании и трансформации современного общества. Вопросы межсубъектного взаимодействия порождают множество проблем, связанных с реализацией коммуникативного потенциала контакторов. В этой связи актуальным видится рассмотрение категорий «обмена» и «обменных отношений» в свете интеллектуального наследия Карла Маркса.

Рассматриваемое им капиталистическое общество, рождалось на фоне социальных и политических преобразований в Европе XVII в., преобразующих и формирующих новую систему отношений. Рыночные отношения повлияли и на обмен. Данное понятие К. Маркс понимал как сферу общественного производства, меновую торговлю, отчужденный родовой акт, форму общения и противопоставления общественным отношениям.

В работе «Экономическо-философские рукописи» 1844 г., К. Маркс проводит анализ обмена в соотношении с разделением труда, обращаясь к работам А. Смита, Ж.Б. Сэя, Скарбека и Милля. Он находит существенные различия в понимании обмена и его роли в обществе представителями политэкономического подхода. В частности, Адам Смит акцентировал внимание на то, что обмен является следствием способности разума и речи, благодаря которой различные продукты собираются в одну общую массу для удовлетворения потребностей в них. Появляется понятие человека «массы», порожденного индустриализацией и новым типом отношений, в которых обмен услугами порождает новые формы корпоративной идентичности. Однако, стоит указать на принудительных характер данных форм интеграции в единое социальное целое. Подтверждение этому мы находим в его исследованиях о природе и причинах богатства, где обменные отношения расцениваются как основа осуществления торговых операций в «торговом обществе» [6, т. 1; 97].

К. Маркс также обращается к работам Милля, который связывает появление обмена с разделением труда [3, т. 42; 142]. В частности, «выгода каждой нации состоит не просто в избавлении от своего продукта, а в том, что она за него получает» [2, т. 42; 15]. Заинтересованность во взаимном обмене проистекает из 3 условий: 1) разделение труда; 2) выгодное место производства; 3) присутствие излишков в пропорциях производства.

Политэкономических подход, как можно убедиться, является одной из плоскостей определения понятия обмена и вычленения из него понятия обменных отношений.

Обращая свой взор на работы К. Маркса, нельзя не заметить, что ученый более широко видит понятие обмена и обменных отношений. Он акцентирует внимание на общественном характере данного явления: «разнообразия человеческих дарований,... производственные сущностные силы... проистекают из общества, а не реального индивида» [3, т. 1; 145], что позволяет говорить о духовной составляющей обменных отношений. Последние, пронизывая все сферы общественной жизни, выступают одновременно результатом реализации и сущностных сил (потребности и способности) общества, и способа производства, и развития труда. На пути к коммунистическому обществу как смене капиталистического устройства, предполагалось выстраивание отношений на основе свободного обмена без посредства какого-либо эквивалента. В то же время, если говорить о будущем постиндустриальном обществе? Каков характер обменных отношений будет складываться в нем? Возможны ли подобные характеристики обменов в ближайшей перспективе?

В связи с современным господством информационных технологий они могут выражаться в своеобразном знаковом потреблении материальных благ. В то же время, мы сталкиваемся с ограниченным доступом к ним большинства. Формирование идеологий различных социальных групп на основе знакового, символического потребления [1] приводит к центр-периферийному распределению услуг, которые до этого обмениваются с целью преобразования стоимости. Видится перспективным расширение понимания категории обмена и обменных отношений как многогранной системы взаимодействий, вида коммуникативного функционирования целостности, связанной с движением ценностных потоков и взаимодействиями субъектов коммуникации [5; 242].

Люди все больше времени станут проводить в виртуальном пространстве социальных сетей, где и будут потребляться данные идеологии. Само общество станет уязвимым в связи с вероятностью манипулирования общественным мнением и образованием «превращенных» форм обмена. Они будут выстраиваться на принципах символического «господства-подчинения».

Видится перспективность подхода К. Маркса в понимании понятия обменных отношений как основы для их раскрытия в ценностно-смысловом и социокультурном измерениях [5; 240]. Ведь изменения претерпят коммуниканты, процесс коммуникации и разделения труда. Понятие частной собственности также подвергнется преобразованию, в связи с изменением интересов и потребностей будущего общества. Исчезнет ли человечность в обменных отношениях, несмотря на их символичность? Приведет ли это общество к более совершенной социальной организации? Сможет ли мы констатировать формирование справедливого обмена «полезными потоками» или столкнемся с проблемой выживания? На эти вопросы еще предстоит найти ответ.

Список использованных источников

1. Бодрияр Ж. Общество потребления. Его мифы и структура. - М.: Республика; Культурная революция, 2006. - 269 с.

2. К. Маркса. Конспект книги Джеймса Милля «Основы политической экономии» / К. Маркс // К.Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. - 2-е издание. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 42. - С. 5-40.

3. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // К.Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. - 2-е издание. - М.: Издательство политической литературы, 1974. - Т. 42. - С. 41-174.

4. Рыжков Д.Л. Марксизм о будущем общества: к новым формам со старыми противоречиями [Электронный ресурс] / Д.Л. Рыжков // Ученые записки Орловского государственного универитета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2013. - URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/marksizm-o-buduschem-obschestva-k-novym-formam-so-starymi-protivorechiyami (5.02.18).

5. Серостанова О.Б. Философия обмена: проблемы методологического конструкта О.Б. Серостанова // Гілея: Збірник наукових праць/ Гол.ред. В.М. Вашкевич. - К., 2009. - Вип. 23. - С. 240-248.

6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А.Смит // Антология экономической классики: в 2-х т. - М.: МП «Эконов», 1991. - Т. 1. - С.79-396.

И. Н. Сидоренко

ПОСТМАРКСИЗМ С. ЖИЖЕКА: КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ VERSUS СИСТЕМНОЕ НАСИЛИЕ

I. N. Sidorenko

POST-MARXISM OF S. ZIZEK: CRITICAL THINKING VERSUS SYSTEMIC VIOLENCE

There is the critical attitude towards the strategy of reforming the «new world disorder» in modern post-Marxism philosophy. The restoration of the «welfare state», providing citizens with social guarantees, is considered as an inadequate response to the challenges of globalization. In this regard, modern Marxists (S. Zizek, K.-H. Rot, R. Kurz, D. Harvey) raise the question not only about a new revolutionary subject or possible structural prerequisites for the solidarity of anti-system forces, but also ask what could be opposed to the neoliberal scenario of world development. The ideas of a strategic nature are formed in the framework of the modern Marxist discourse: the idea of the «return of the proletariat»; the search for new forms of solidarity and organization of resistance; deconstruction of the existing ideological coordinates; bridging the gap between power and law; the replacement of pseudo-activity on the «action of thought», allowing to revolutionize the daily.

The essence of the basic idea of this concept is the idea of the gap, which is understood, firstly, the primacy of antagonism in social reality and the gap between the Real and the reality; secondly, the gap between the abstract universality and the fact of social life; thirdly, the concealment of the gap by ideology as the power of language and the imaginary; fourth, the implicit functioning of ideology as a system of systemic violence, it is hiding behind the manifestations of subjective violence; fifth, the shadowy nature of power and law. According to S. Zizek, the revolutionary action is the solution of the problem of gap of the post-modernity.

S. Zizek builds the concept of violence: systemic (objective), subjective and symbolic. The implicit functioning of ideology in the post-modern era allows not only to carry out systemic violence, but also to remain in the shadow of subjective violence. Ideology has the features of implicit systemic violence: invisible, perceived as a system of evidence, anonymous. The definition of the constitutes of violence depends on a standard, a norm. The highest form of violence is the imposition of this pattern or level of norm. Everything that goes beyond the "norm" is defined as the manifestation of fundamentalism, fanaticism, etc. Thus, post-modernity initiates a fight against subjective violence to divert attention from the systemic violence. According to S. Zizek, language is an integral part of the system of objective systemic violence and ideology of post-modernity. Ideology structures reality and constructs the image of the enemy. Therefore, post-modern biopolitics has not overcome the need for ideological struggle.

The first priorityfor S. Zizek is the following: in order to act, it is necessary to think of a radically different social being, and for this it is necessary to develop social imagination and the ability of critical thinking. From the point of view of S. Zizek, the first step to this revolutionary action is carried out by means of refusal from immediate action and immersion in silence, which makes it possible to remain one on one with oneself, and not under the shadow and dominion of the

Big Other/ Nowadays it is necessary to carry out an act of thought. Only in this way, according to the thought of S. Zizek, it is possible to make a genuine political action.

В начале XXI в. критическая установка по отношению к стратегии реформирования «нового мирового беспорядка», т. е. реставрация «государства всеобщего благосостояния», рассматривается теоретиками марксистского толка (С. Жижек, К.-Х. Рот, Р. Курц, Д. Харви и др.) как неадекватный ответ на вызовы глобализации. В связи с этим, современные марксисты ставят вопрос не только о новом революционном субъекте или возможных структурных предпосылках солидаризации антисистемных сил, но и задаются вопросом о том, что можно было бы противопоставить неолиберальному сценарию мирового развития. Проблема заключается в том, что сегодня сложно не то что реализовать, но и ясно помыслить радикально иной уклад жизни. Тем не менее, в рамках современного марксистского дискурса оформляются идеи стратегического характера: идея о «возвращении пролетариата»; поиск новых форм солидаризации и организации сопротивления; деконструкция существующих идеологических координат; преодоление разрыва между властью и законом; замена псевдоактивности на «действие мысли», позволяющее революционизировать саму повседневность.

Словенский философ Славой Жижек, представитель постмарксизма, осуществил синтез идей марксизма, неофрейдизма и структурализма. Симпатии к марксизму определили собственные политические взгляды и позицию С. Жижека. Близость идей словенского мыслителя к марксизму раскрывается в его концепции пост-современности и теории идеологии, трактовке классов и пролетариата в трансформирующейся социальной реальности, а также установке на необходимость радикального действия.

В основе его концепции пост-современности лежит идея разрыва, суть которой заключается в том, что антагонизм изначален в социальной реальности и проявляется в несовпадении сущего с самим собой, или, по выражению С. Жижека в «гримасе Реального». Идея разрыва отсылает нас к анализу товарного фетишизма в марксизме: в мире, где господствует обмен товарами, человек относится к себе как к объекту, как к условному воплощению абстрактно-универсального понятия. Сущностью пост-современности является превращение «абстракции» в проявление настоящей социальной жизни в условиях глобальной рыночной экономики, т. е. универсальность становится универсальностью «для себя», что в свою очередь приводит к появлению индивида, лишенного своего места в социальном поле. «Следовательно, – как пишет С. Жижек – способ, каким проявляет себя абстрактная универсальность, ее вторжение в реальное бытие рождают насилие: она насильственно разрывает предшествующую органическую стабильность» [4, с. 117].

Для понимания пост-современности, с точки зрения С. Жижека, «марксистской герменевтики» уже не достаточно, необходимо ее дополнить «гегельянским ходом»: «обнажением универсальности того, что кажется конкретным» [4, с. 120], что словенский мыслитель и делает в критике таких концептов, как капитализм, демократия, либерализм, права человека и т. п. Так, например: «Капитализм не просто универсален в себе, он универсален и для себя, он – громадная, подлинно разъедающая сила, которая обрекает на гибель все конкретные жизненные миры, культуры, традиции, кромсает их на куски, втягивает в свой смерч» [4, с. 121]. Что касается универсальности прав человека, то здесь либеральная идеология так же заходит в тупик: универсальность «затмевает» конкретику, в силу чего определенный человек просто не может вписаться в образ его универсальной природы, а значит, оказавшись в ситуации необходимости защиты, он не подпадает под ее действие. Это и есть разрыв между идеологической видимостью всеобщей правовой формы и частными интересами, между Реальным и реальностью нашей жизни. Так универсальность превращается в идеологически окрашенный фантазм.

В «пост-идеологическую» пост-современную эпоху именно идеология через власть языка как господства означающего скрывает наличие разрыва, и мы существуем в обществе

тщательно скрываемой травмы. Однако в пост-современности идеология уже не выступает в качестве «ложного сознания», потому что невозможно отделить реальность от ее идеологической составляющей. «Чтобы увидеть истинную природу вещей, нам нужны очки: но это не означает, что мы должны снимать очки, чтобы увидеть реальность, как она есть – мы от природы находимся «внутри» идеологии, это наше естественное восприятие» [5, с. 20]. В силу этого, функция идеологии пост-современности заключается в формировании «незнание знания»: я знаю, как обстоят дела на самом деле, но я не хочу этого знать. Отсюда двойственная природа идеологии: с одной стороны, это что-то интимное и спонтанное, пространство повседневного, с другой – система, которая легитимизирует существующие отношения господства [1].

С. Жижек выстраивает концепцию триединства насилия: объективного системного (неявного), субъективного (явного) и символического (воплощенного в языке и культурных формах). Имплицитное функционирование идеологии в пост-современную эпоху позволяет не только осуществляться системному насилию, но и оставаться в тени субъективного насилия. Идеология обладает чертами неявного системного насилия: невидима, воспринимается как система очевидностей, анонимна. Определение того, что считается насилием, зависит от некоего стандарта, т. е. субъективное насилие воспринимается как таковое лишь «на фоне ненасильственного нулевого уровня», оно кажется нарушением «нормального» положения вещей. Наивысшей формой насилия выступает насаждение этого образца или уровня «нормы». Отсюда, системное насилие – это не просто «катастрофические последствия спокойной работы наших экономических и политических институтов», но оно само присуще «норме» [4, с. 6]. Навязывание «внеидеологического» социального стандарта является существенной характеристикой пост-современности. Все, что выходит за пределы «нормы», определяется как проявление фундаментализма, фанатизма и т. п. Таким образом, пост-современность инициирует борьбу с субъективным насилием для отвлечения внимания от системного насилия.

Язык, согласно мысли С. Жижека, является неотъемлемым элементом системного объективного насилия и идеологии пост-современности. Реальное пространство дискурса основывается на насильственном насаждении господствующего означающего, которое часто невозможно обосновать доводами. Таким образом, «существует прямая связь между онтологическим насилием и структурой социального насилия (поддержанием отношений принудительного господства), присущей языку» [4, с. 58].

С. Жижек, используя словарь Ж. Лакана, определяет идеологию как некое «диалектическое новообразование на теле языка», его симптом. Идеология структурирует действительность, используя «идеологические фантазмы» или «точки пристежки», которые позволяют нам действовать так, как будто антагонизма не существует. Идеология, опираясь на саму суть субъекта и его желание, превращается в неизбежность. Идеологические фантазмы выполняют функцию интеграции посредством конструирования образа врага. Процедура «опознания врага» позволяет выявить, т. е. сконструировать, его «истинное» лицо. Именно такая роль идеологии позволяет С. Жижеку говорить о плюралистических и терпимых либеральных демократиях как о «шмиттовских»: «они продолжают основываться на политической Einbildungskraft, чтобы запастись соответствующей фигурой, которая сделает видимым невидимого Врага» [3, с. 124]. Отсюда, биополитика пост-современности не преодолела необходимость идеологической борьбы, несмотря на то, что она сосредоточена на управлении по регулированию безопасности и благополучия; ее «с головой» выдает осуществляемая ее «политика страха».

Разрыв постсовременности С. Жижеком иллюстрируется и через разрыв власти и закона. Закон не опирается ни на высшие инстанции, ни на рационального соглашение, вообще ни на что, кроме акта своего провозглашения. Поэтому у нас нет никакого рационального основания ему подчиняться. В то же время, власть через «политику страха» требует немедленного подчинения, поощряя ложное чувство безотлагательности: у нас не

остается времени для размышлений, мы должны действовать прямо сейчас. Эта ложная реактивная безотлагательность проявляется, во-первых, в видимости свободы выбора, который на самом деле принудителен, т. е. можно выбирать что угодно, но только при негласной установке, что выбор будет сделан правильный; во-вторых, изменения в производстве сопровождаются «летаргией» политической сферы, в силу чего акция подменяется реакцией, что позволяет говорить о том, что эпоха политических действий завершилась; и в-третьих, немедленное действие исключает возможность мыслить, а значит нести личную ответственность. Именно поэтому С. Жижек утверждает, что «угроза наших дней – не пассивность, но псевдоактивность, требование быть активным, участвовать, прикрывать Ничтожество происходящего. <…> По-настоящему сложно отступить назад, отстраниться. Власть часто предпочитает диалог; участие, даже критическое, молчанию – ей бы только вовлечь нас в диалог, удостовериться, что наше зловещее молчание нарушено» [4, с. 165 –166]. Получается, согласно мысли С. Жижека, что молчание и есть подлинное политическое действие. Проведенная им аналогия между социальной системой и физической системой, в частности полем Хиггса, позволяет интерпретировать молчание как «ничто», которое «стоит больше, чем нечто», т. е. требует большего затраты энергии, а значит, «первый шаг к изменению в системе – отключение деятельности, бездействие» [4, с. 163]. Целесообразно только отметить, что здесь под деятельностью словенский мыслитель понимает бессодержательных современных демократий, выборов, акций и т. п.

Разрешение проблемы разрыва постсовременности С. Жижек, ссылаясь на Вальтера Беньямина, видит в «божественном насилии», под которым понимает разрушение власти Закона как диктата Реального Капитала над реальностью. Область божественного насилия – это область суверенности, где происходит очищение от закона в акте чистого революционного действия, которое, будучи осмысленным, способно противостоять системному насилию. Первоочередной становится следующая задача: для того чтобы действовать необходимо помыслить радикально иное социальное бытие, а для этого необходимо социальное воображение и развитие способности критического мышления. Первый шаг к этому революционному действию осуществляется посредством отказа от безотлагательного действия и погружения в молчание, что дает возможность остаться один на один с собой, а не под сенью Большого Другого, и осуществить акт мысли, следовательно, совершить подлинно политическое действие.

Список использованных источников

1. Корецкий, В. Славой Жижек: «Идеология — пустое слово, именно поэтому она и работает» [Электронный ресурс] / В. Корецкий, Д. Рузаев // Colta.ru. – Режим доступа: http://archives.colta.ru/docs/20836. – Дата доступа: 12.01.2016.

2. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / Славой Жижек. – М. : Художеств. журнал, 1999. – 236 с.

3. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню Реального / Славой Жижек. – М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.

4. Жижек, С. О насилии / Славой Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2010. – 184 с.

5. Жижек, С. Чума фантазий / Славой Жижек. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. – 388 с.

Г.Д. Сиротина

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РЕВОЛЮЦИЯ.

Аннотация: *в данной статье проведен социально-философский анализ феномена революция в отрыве от его терминологического значения, поскольку оно истолковывается и понимается не однозначно, с многочисленными аберрациями. Рассмотрены основные*

теории и концепции феномена революция, также проведён сравнительный анализ и сделаны выводы относительно основных положений данной теоретической направленности.
Ключевые слова: *революция, феномен, концепции, социальная философия, формации.*

Введение. Необходимо обозначить, то что в социально-политической действительности практически всех известных цивилизаций имели место события, которые в дальнейшем, ошибочно стало принято именовать «революциями». Таким образом принято решение провести исследование феномена революция в отрыве от его терминологического значения.

Цель данного исследования заключается в социально – философском анализе и осмысление, такого феномена как революция. Выбор цели обусловил использование таких методов как, анализ и синтез, сравнение и обобщение, контент-анализ.

Изложение основного материала. Начиная с XVI века, термин революция появляется в трудах философов, социологов, политиков и историков. Зарождаются различные теории и концепции революций, которые строятся на осмыслении исторических событий, таких как Французская революция и Английские революции. Первые теории революции были выдвинуты К. Марксом и Алексисом де Токвилем, которые определили дальнейшее понимание и видение этого феномена в различных концепциях последующих мыслителей.

Первым кто научно обосновал в контексте материалистической истории этот феномен был К. Маркс. Который сказал, что революции - это «локомотивы истории» и «праздник угнетённых», тем самым задал вектор развития этого феномена на многие годы [1, с. 86]. В его концепции революция занимает важное значение в общественном развитии, и связано это с переходом от одной общественно-экономической формации к другой. Таким образом, революция в понимании К. Маркса представляет собой высшую форму развития любого общества. Причины политических революций он видел в конфликте между общественными классами, которые обостряются в момент экономических кризисов. Такое видение социалистических (пролетарских) революций легло в основу методологической базы, которая была уже непросто теорией, а конкретной программой и призывом к действию.

Совершенно другое видение феномена революции, в своей концепции высказал Алексис де Токвиль [2, с. 248]. Причинами революции, по его мнению, являются не как в марксистской теории экономические кризисы, а психологическое восприятие той ситуации в котором находится общество. К примеру, он считал, что на кануне Французской революции была вполне благоприятная ситуация, чем в последние десятилетия и что страна находилась на пороге новых социально-экономических изменений. Это должно было произойти и без революции, но из-за революционных событий общество потерпело, только убытки и издержки. Таким образом, «революция» в понимании А. Токвиля, представляет собой регрессивное начало и ничего хорошего из себя не представляет, более того, он полагает, что революций нужно всячески избегать, так как они приводят к диктаторскому режиму.

Эти две основные концепции революции легли в основу всех последующих современных теорий революции. Выделяют 4 основных концепции; бихевиористскую (поведенческую), психологическую, структурную и политическую.

1). Первая современная теория революции была предложена мыслителем Питиримом Сорокиным в 1925 году. Свою концепцию он основывал на личном опыте, после революционных событий в России 1917г., в которых ему довелось принять участие. Он акцентирует внимание на поведенческих отклонениях у людей, которые непосредственно связаны с удовлетворением потребностей, а также инстинктивным поведением и порождают революционные события. Его концепция, является бихевиористской, поскольку основной упор в исследовании делается на поведении людей. Он полагает, что во время революции у человека кардинально меняется поведение. П. Сорокин занимается исследованиями данных изменений в поведении и как это проявляется в различных областях человеческой жизнедеятельности.

Он рассуждает о таких изменениях, как: «подавление собственного инстинкта масс», «извращение религиозных, моральных, этических и других приобретённых форм поведения», «подавление полового рефлекса» и т. д. Такие изменения, полагает П. Сорокин, «приводит к дисфункции условных инстинктов, нарушает послушание, дисциплину, порядок и прочие цивилизационные формы поведения и обращает людей в беснующиеся орды сумасшедших» [3, с. 376]. Затем автор монографии, задаётся вопросом: почему же так происходит? И выводит ответ в двух гипотезах.

Первая, говорит о том, что движущей силой революции, является масса людей, которая долгое время находится в подавленном состоянии. В том смысле, что у них подавляется возможность в удовлетворении базовых инстинктов, таких как питаться, одеваться, спать и т. д. Когда такое подавление распространяется на большое количество людей, революционный взрыв неизбежен.

Вторая гипотеза, относится к реакции властей, ведь для революции важно не только революционные настроения, но ещё и невозможность со стороны властей подавить недовольство масс и их восстание. П. Сорокин убеждён в том, что бессилие властей, является первым основным моментом в революции, а вторым моментом является давление снизу. И только при этих двух условиях возникает революция.

Таким образом, поведенческая (бихевиористская) концепция рассматривает революцию, как хаос и разрушение дисциплины. Что приводит к ещё большему подавлению инстинктов, и меньшей возможности удовлетворить основные потребности населения. Завершением революции, по мнению П. Сорокина, является приход к власти деспота и тирана, что тоже представляет собой негативную сторону революции. Следует отметить, что эта концепция схожа с мнением А. Токвиля и критикует марксистскую теорию.

2). Психологические теории революции отличаются от поведенческой тем, что не рассматриваются инстинкты и базовые потребности, а переходят к проблеме мотивационных ориентаций. Эта концепция наиболее разработана и имеет множество подходов, которые рассматривают такие мыслители, как Джеймс Дэвис и Тед Роберт Гарр (1936г.). Они сформировали свою теорию под названием «относительная депривация», где утверждается, что революция – это болезнь сознания, которая быстро распространяется в среде населения. «Нищета несёт переворот», или правильнее будет, нищета, в том смысле в котором её воспринимают люди и считают, что это несправедливость по отношению к ним, толкает их на бунты.

Таким образом, если крайне обнищавший народ будет строго уверен, что это злой рок судьбы или божественное наказание, восприняв свою нищету как должное, то в таком обществе не произойдёт революция. Она произойдёт только тогда, когда данное общество задастся вопросом, а что они должны иметь по справедливости? И сравнив то, что есть с тем, что могло и должно было быть, ощутив разницу, они испытают чувство относительной депривации. Это ощущение тесно связано с таким чувством, как несправедливость, поскольку именно оно возникает в предреволюционной обстановке. На этот счёт Т.Р. Гарр (1936г.) говорил, что «революции не могут обойтись без слова «справедливость» и тех чувств, которые оно вызывает» [4, с. 60].

Эта концепция очень близка к пониманию революции К. Марксом, поскольку он также говорит о справедливости для рабочего класса (пролетариата). Таким образом, эта теория строится на фундаменте учении марксизма.

3). Следующая современная теория называется структурной или альтернативной. Эта альтернативная концепция строится на отрицании психологической теории в целом и психологических факторов в частности. Она базируется на том, что следует рассматривать революции не как феномен, который возникает в сознании у масс, а как социальное явление, которое проявляется в следствии структурных ограничений и напряжений, а также на прямую связано с взаимоотношениями между гражданами и их государством.

Современная сторонница данной концепции Теда Скочпол (1947г.) считает, что причины революции следует искать на социальном уровне, в контексте групповых, национальных и классовых отношений, а не в менталитете и головах граждан. Проведя исследование и анализ исторических фактов, а также сравнив французскую, русскую и иные мировые, всем известные, революции, она делает выводы о том, что «в будущих революциях, как и в прошлом, сфера государства станет скорее всего центральной» [5, с. 520].

Данную теорию критикуют за её одностороннее рассмотрение такой многогранной проблемы [6, с. 1-10]. Ведь для понимания революционных событий и революции в целом, не достаточно рассмотрения только одной её грани, а следует учитывать и психологические и поведенческие компоненты также.

4). Политические теории ещё более ограничены, поскольку рассматривают революцию исключительно, как политический феномен, который представляет собой борьбу за власть. В основе данной концепции так называемая «соревновательная модель революции», в рамках которой революция является средством, используемой для достижения политического контроля, той противоборствующей стороны, которая стремиться захватить власть у нынешнего режима.

Заключение. Таким образом, к принципиально новым концепциям, из ряда перечисленных, можно отнести: *структурную* и *политическую*, но они очень ограниченны и по своей сути являются лишь частью, того целого рассмотрения данного вопроса, которые были предложены К. Марксом, А. Токвилем. Такие концепции, как бихевиористская (поведенческая) и психологическая являются передовыми, но следует заметить, что они строятся на фундаменте, заложенном либо К. Марксом, либо А. Токвилем. Все эти концепции и теории рассматривают исторические события и пытаются найти в них закономерность, тем самым объяснить, что же такое революция и каким образом она происходит. Но революционные события до сих пор происходили, но никогда не завершились подлинной революцией (которая характеризовалась бы обнаружением качественного скачка, во всех сферах жизнедеятельности), потому что всегда переходили в различные формы, такие как, бунты, гражданская война, военные перевороты и т.д. По этой причине ухватить «революцию» целиком и сказать, что она произошла в конкретный пространственно-временной промежуток едва ли возможно.

Список использованных источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т.7. / Пер. с нем. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 669с.
2. Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л.Н. Ефимова. — СПб.: Алетейя, 2008. - С. 248.
3. Сорокин П. Социология революции. - М.: Территория будущего, Российская политическая энциклопедия, 2005. – 704с.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют? / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2005. – 461с.
5. Скочпол Т. Государства и социальные революции. / Пер. с англ. - М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 552с.
6. Аббасов Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая русская революция: модернизирующая реакция модерна? / Научно электронная библиотека «Киберленинка». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/velikaya-russkaya-revolyutsiya-moderniziruyuschaya-redaktsiya-moderna

А.А.Соловцов

МАРКСИЗМ В СОВЕТСКОМ ИСТОРИЧЕСКОГОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ И ШКОЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Аннотация: *Говоря о недостатках марксистско-ленинского подхода в системе преподавания истории, автор обращается к актуальным для современности методологическим достижениям советской педагогики.*

Ключевые слова: *преподавание истории в школе, марксистско-ленинское понимание истории*

Annotation: *Speaking about the shortcomings of the Marxist-Leninist approach in the system of teaching history, the author refers to the current methodological achievements of Soviet pedagogy.*

Key-words: *teaching history at school, Marxist-Leninist understanding of history*

Советские педагоги-практики существенно обогатили научно-методологическую базу системы обучения истории. Однако, конечным результатом подобного преподавания являлось формирование «строителей коммунизма», а существенными недостатками преподавания тех лет была склонность к моноидеологической ориентации обучения с преимущественной реализацией формационного подхода к изучению фактов и событий.

Глубочайшей проблемой советской историографии являлось преобладание однобоких, пристрастных суждений исторических фактов, деятельности персоналий, господствующее марксистско-ленинское учение о теории классовой борьбе, «неизбежности столкновения угнетателей и угнетенных». Среди конспектных записей в чудом сохранившихся школьных тетрадях по истории ВКП (б) (хранящихся в музее Георгиевской гимназии г. Егорьевск Московской области) можно встретить следующие заголовки параграфов и абзацев одного из учебников тех лет: «Образование социал-демократической партии. Появление партийной фракций и меньшевизма (1901-1904) гг. Подъем революционного движения в России»; «Ленинский план построения марксистской партии…Борьба «Искры» за ленинский план. Книга Ленина «Что делать? Идеологические основы марксистской партии»; «II съезд РСДРП. Принятие программы и устава, создание единой партии. Разногласия на съезде и появление двух течений в партии: большевики и меньшевики»; «Раскольнические действия меньшевистских лидеров и обострение борьбы внутри партии после II съезда. Оппортунизм меньшевиков. Книга Ленина «Шаг вперед, два шага назад. Организационные основы марксистской партии»; «Русско-японская война. Дальнейший подъем революционного движения в России. Забастовки в Петербурге. Демонстрация рабочих и Зимний дворец 9 января 1905 гг. Расстрел демонстрации. Начало революции»; «Политические стачки и демонстрации рабочих. Нарастание революционного движения. …Восстание «Потемкина». В сохранившемся учебнике для высшей школы «История XIX в.» под ред. проф. Лависса и Рамбо (пер. с фр. II доп. и испр. изд. под ред. проф. Е.В. Тарле), содержащем научный анализ событий Новой истории стран Запада («Время реакции и конституционные монархии1815-1847 гг.») [3]. В данном фундаментальном учебном пособии исследовался круг научных вопросов, связанных с системой международных отношений после Венского конгресса (1814-1815 гг.), содержанием статей Парижского трактата, деятельностью Священного союза и конгрессов (1815-1823 гг.), историей Франции в период Июльской монархии (1830-1847 гг.): гражданских, военных учреждений, политико-экономических процессов, истории стран Юго-Восточной Европы, Польского и Бельгийского королевства. Учебное пособие содержит обширное приложение: несколько хронологических таблиц, именной указатель, библиографический список, две карты («Европа 1815 г.»; «Колониальные владения в 1815 г.») и отдельную детализацию позиции К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И.В. Сталина на главнейшие события, встречающиеся в этом академическом издании [3].

В виду существующих на тот момент научных приоритетов, при рассказе о прошлом, гораздо меньшее место отводилось рассмотрению религиозной, интеллектуальной и нравственной жизни общества, семейному укладу дворянства, купечества и духовенства.

Факты и явления прошлого толковались лишь применительно к марксистско-ленинскому наследию. В советский период нередко изменялся объем исторического материала, входящего в школьную программу по истории, уменьшалось количество часов, отведенных на анализ и знакомство с древнейшими цивилизациями античности и периодом Средневековья. Нередко нарушалась и синхронизация рассмотрения событий Всемирной истории и фактов по истории СССР [4, с.21-22].

Говоря о *минусах* советской системы школьного исторического образования и преподавания обществоведческих предметов, внимательнее остановимся на том богатом арсенале педагогических успехов, *приобретений* в работе советского педагога, созданной гармоничной *научной модели*, объединенной совместной методологической проблематикой преподавания истории в школе.В идеале советская педагогическая модель предполагала формирование кругозора, *критического мышления* ребенка посредством постоянного совершенствования навыков *устной речи*. Становление всесторонне образованной натуры, привитие чувства любви к родной культуре, *навыков* критического *осмысления* содержания параграфа учебника, осознание и понимание биографических и научно-теоретических понятий [1].

В постсоветский период произошло комплексное изменение всей образовательной парадигмы, перед авторами –практиками были поставлены иные задачи, включающие полное переосмысление главных научных позиций и советских историографических постулатов, поскольку несоответствие между задачами и результатами образование стало бесспорным, причем наглядно проявилась дилемма поиска *оптимальной модели* содержания школьного исторического образования в связи с проблемой дидактической обеспеченности педагога в постсоветский период. Именно в постсоветскую эпоху появились совершенно разнородные по содержанию и подходам виды учебников истории: моноидеологические, моноконцептуальные, аналитические, справочные и т.д. [4, с.34-35] Неотъемлемой составляющей УМК по истории в советский период являлись *хрестоматии самостоятельных заданий* по истории СССР (с древнейших времен до конца XVIII в., истории СССР XIX в., Отечественной истории 1861-1917 гг., Новой истории 1789-1870-х гг. и т.д.).

Создание подобных *хрестоматий* по истории помогало успешно решать задачи формирования исторического мировоззрения советского ученика. Сборник заданий каждого учебника позволял учителю более целенаправленно организовать на уроках работу по изучению исторических документов, формированию умений самостоятельной работы с текстом, разнообразить и активизировать внеурочную деятельность учителя-предметника, проводить дифференцированные занятия, индивидуально заниматься с учениками разного уровня подготовки и заинтересованности в изучении предмета [4, с.39-40]. С помощью данных хрестоматий педагогу удавалось активизировать кружковую деятельность, а также использовать его при проведении факультативных занятий и предметных олимпиад. На данные книги возлагалась и особая нагрузка: продвижение идеи рассмотрения событий, фактов и явлений на основе текстов, и сборник действительно предоставлял школьникам набор небольших по объему исторических источников или фрагментов из них. Данные сборники учитывали и некоторые новые подходы к отбору фактов для изучения истории. В них значительно увеличивалось количество материалов по проблемам социальной психологии, морали, идеологии, культуры средневекового общества, что было связано с привлечением сравнительно большого числа литературных источников различных эпох и стран. Периодически вносились некоторые изменения в характер вопросов и заданий: в ряде случаев исключались задания, основанные на излишнем теоретизировании, схематизации исторического процесса, например, памятки и все связанное с ними. В то же время стало больше заданий, предлагающих выразить личное мнение по той или иной проблеме, обсудить что-либо, определить отношение к чему-то, причем ответы школьников могли варьироваться в достаточно широких рамках. Задания в сборнике значительно расширяли

исторический кругозор учащихся, не выходя при этом далеко за пределы действующей программы; способствовали развитию не только мышления, но и эмоций [2, с.3-4].

В данных сборниках была представлена актуальная и поныне *система заданий* по части курса истории. Признаками этой системы служат: 1) *полнота охвата содержания*: задания к каждой теме относятся к различным сторонам жизни общества — экономике, социальным отношениям, классовой и освободительной борьбе, государству, внутренней и внешней политике, идеологии, культуре, действиям народных масс и личностей; 2) *направленность на формирование разнообразных умений и навыков* как содержательных (связанных с изучением истории), так и общеобразовательных, практических и т. д.; 3) *разнообразие по степени сложности*, т. е. наличие как сравнительно простых заданий (проверочно- тренировочного типа), так и достаточно сложных, поисковых (творческого типа). Разделение заданий на два указанных типа в значительной мере условно, так как основная функция заданий нередко определяется тем, на каком этапе изучения материала задание предъявлялось школьникам. Более сложные задания выделялись звездочками [2, с.3-4].

Чтобы учащиеся успешно выполняли задания и с интересом к ним относились, авторами предлагалось выделить на первых уроках дополнительное время для обучения такого рода деятельности, а в дальнейшем сделать ее постоянной. Выполняя задание, школьники сталкиваюлись с двумя его элементами: во- первых, с содержанием условия и, во-вторых, с вопросами к нему. Чтобы решить задачу, надо совершить ряд действий, которые приведут ученика от рассмотрения фактов, содержащихся в условии, к конкретным ответам на поставленные вопросы.Прежде всего ученик должен был мысленно фиксировать наиболее существенные элементы условия в задании. При этом, как правило, он переформулирует условие таким образом, чтобы вычленить нужные для решения смысловые элементы.Чтобы ответить на вопросы учебной задачи, ребенку необходимо сопоставить факты, условия с ранее известными теоретическими положениями: понятиями, причинно-следственными связями, закономерностями и пр. В заключение отметим, что подобные сборники были рассчитаны на учителей с разным уровнем подготовки, с различным опытом работы, чтобы каждый мог выбрать подходящие для себя и учащихся задания. Задания могли выполняться на разных этапах урока: в ходе объяснения учебных тем, контроля усвоения материала и т.п. Способ и место применения проблемных вопросов и исторических документов определялся педагогом, исходя из собственного опыта, уровня подготовки и умений детей, которых он в данное время обучает.

Не вдаваясь в подробное повествование, методологическую обрисовку линейной и концентрической системы школьного изучения истории, скажем, что в идеале, ученик должен был последовательно изучить события российской и зарубежной истории, у него должны сформированы основные исторические понятия, ребенок должен научиться видеть закономерности, особенности фактов прошлого, четко анализировать ушедшие события. В-пятых-шестых классах учащиеся знакомятся с определением, содержанием термина времени, получают знания о ходе, значении, особенностях событий истории первобытного общества, социально-экономических процессах Древнего мира, Средневековья. Огромную роль играют навыки описывать быт, сословный уклад, социальных групп в различные эпохи, характеризовать их повседневные интересы, круг обыденных забот и т.п. [4, с.25].

Вследствие факультативных занятий и оживления внеурочной работы по истории, учителю можно рекомендовать включить в поурочный план материалы из исторической генеалогии, источниковедения, геральдике, хронологии, сфрагистике, помогающие решить *проблему мотивации и заинтересованности* учащихся. Не секрет, что, подходя к периоду старшей школы, некоторые учащиеся не способны проявить навыки логично мыслить, выполнять базовые требования к простейшим письменным работам (актуальность, четко передать смысл цитаты, дополнить позицию автора текста своим отношением к

прочитанному, аргументировать его с помощью понятийного аппарата, сделать четкие и сжатые умозаключения и т.п.).

Рассмотреть важнейшие фундаментальные вопросы и острые проблемные задания помогут как методические разработки, дидактические материалы и хрестоматия с занимательными заданиями. Чтобы нацелить учащихся на поиск, анализ научных фактов, их дискуссионную интерпретацию, личное переживание, актуально отметить следующие базовые нормы и методологические основы преподавания истории: 1. Использование многопрофильного подхода позволит продемонстрировать ученикам витиеватость и многообразность исторических событий, показать влияние всевозможных причини обстоятельств на исторические события, различных эпох и периодов. 2. Обращение к автобиографиям, жизнеописаниям знаменитых предков, оценке роли и вклада персоналий в историческом процесс, выработке у учеников навыков сравнения исторических эпизодов, прецедентов из Отечественной истории, со схожими фактами из мировой истории. 3. Активное обращение внимания учеников к заданиям и вопросам, требующим их критического разбора, дискуссионного рассмотрения учителем сложных историографических вопросов по военным, революционным событиям, развитию философской мысли и т.п. 4. При использовании тестовых заданий (особенно, включающих фрагменты исторических документов), необходимо исходить из того, что *тесты* являются эффективным инструментом проверки усвоения материала лишь в том случае, если помимо выполнения традиционных материалов с необходимостью выбора верного ответа, ученики хорошо усвоят и научатся критически *мыслить*, научно и логично рассматривать исторические документы, делать обоснованные выводы, отстаивать собственные идеи и взгляды. [4, с.25-27;30-31].

Список использованных источников

1. Вайсерберг И. М. О главной катастрофе школьного образования [Электронный ресурс]: Православие и мир: ежедневное интернет-издание. – 04.12.2017. URL: https://www.pravmir.ru/irina-vayserberg-o-glavnoi-katastrofe-obrazovaniya/ (дата обращения: 07.11.2018).
2. Донской Г.М. Задания для самостоятельной работы по истории Средних веков: 7 кл.: Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1992. – 80с.
3. Лависс Э., Рамбо А. (ред.) История XIX в. Том III Время реакции и конституционные монархии: Монография в 8 т. – Пер. с фр. – 2. -е изд., доп. и испр. – Под ред. проф. Е.В. Тарле. – М.: ОГИЗ, 1938. – 527с.
4. Никулина Н.Ю. Методика преподавания истории в средней школе: Учебное пособие / Калинингр. Ун-т. – Калининград. – 95с.

Е.Ш. Ташлинская

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МАРКСИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ ИНЖЕНЕР

Elena Tashlinskaya

THE CREATIVE HERITAGE OF MARXISM AND THE MODERN ENGINEER

Annotation:*The article reveals the main achievements of materialistic dialectics. The author describes the enduring importance of laws and categories of dialectics for the formation of the future engineer'spersonality as a professional and humanist. The humanistic significance and heuristic potential of dialectics for the modern engineering community is expressed in the development of project thinking.*

Key words*:dialectics, laws and categories of dialectics, engineering community, development, dialectical thinking, design, progress, project.*

Introduction

The relevance of the creative legacy of Marxist philosophy for the engineering community is difficult to overestimate. Engineering activity is a pragmatically oriented activity.Merit of Marx, as no one else in the history of philosophy, is that he analyzed the essence of social and historical practice, the exploitation of the working class in the capitalist formation, the nature of the relationship between the level of development of production relations and productive forces.

Marxist philosophy today is the best legacy in the study of practice. Until now, the relevance of his ideas about factory production, the place of an employee as an appendage of a machine that "disfigures and maims" a person, the mechanisms of alienation and the role of banks is still relevant. But the laws and categories of Dialectics are of greatest interest(especially in the light of the formation of a new person).

The development of dialectical thinking is an urgent task for educating future specialists. A modern engineer must have systemic thinking (process involves the mastery of laws and categories).This is the essence of dialectical logic, which consistently and systematically developed in dialectical materialism.

In the nineteenth century, Marx and Engels became the founders of materialist dialectics. Their merit lies in the fact that they, having perceived the Hegelian system, creatively transformed it. There is a definition of dialectics as a science of universal laws of motion and development of nature, society and thinking. Dialectics as a philosophical doctrine of development in the system "Person-World" includes the following subsystems of relations: object-object, subject-object and subject-subject. Dialectical logic served to reveal the essence of the development of objective reality - nature, society, history - solving the basic question of philosophy materialistically and thus acting as a universal method of scientific knowledge of being and thinking. Moreover, in a certain sense it coincides with its interpretation as a doctrine "not about external forms of thinking, but about the laws of the development of all material, natural and spiritual things, i.e. ... the result, the sum, the conclusion of the history of knowledge of the world."

The structure of dialectics

The structure of dialectics acquires its modern form: the dialectics of nature, the dialectic of thinking (cognition), the dialectic of society. The classical definition of motion (as one of the basic terms of dialectics) becomes its representation as any change. The movement of matter is carried out in the following forms: mechanical, physical, chemical, biological, social. Dialectical materialism was treated as a doctrine, free from one-sidedness, and method of cognition.

Dialectics today is defined as "eternally alive, pervading all being and knowledge of the branched out nervous system of the philosophical vision of the world", which occupies "the central place, is the main axis, the way of seeing the whole diversity of the world, the method of comprehension of the Universum in all its boundless fullness and, in the same time, limiting concreteness".

There are the connection between the *historical types* of dialectics and metaphysics as modes of cognition and types of philosophizing. Allocate materialistic and idealistic dialectics, objective and subjective dialectics. Dialectics in the system of the materialistic type of philosophizing has the status of a materialistic worldview. Materialist dialectics is a relatively complete and free from the one-sidedness doctrine of development, it reveals the objective logic, laws and laws, sources and driving forces, the mechanisms of the new in systems, the transition from one system to another on the basis of the unity of the evolutionary and revolutionary forms of their transformation.

In materialistic dialectics, the following subject areas (research "slices") are distinguished: ontological (dialectics of the objective world - natural and social forms of the motion of matter); epistemological (the dialectic of the process of cognition); logical-methodological (dialectics of creative thinking); praxeological (dialectics of forms of activity); axiological (dialectics of value-orientation relations and factors).

Objective dialectic is represented by ontological and praxeological "slices", and the content of subjective dialectics - other "slices". Objective dialectics develops the laws of natural and social

being, the laws of knowledge; subjective dialectics explores the dialectic forms of the mental activity of the subject.

The concept of "development" at the same time is subject to processing and converges with the creationist approach (comprehending all things through the prism of the act of "creation"). The theory of development actually merges with epistemology, or it reduces to logic (as the doctrine of the self-development of absolute thinking), which we find in Hegel (it was he who discovered and developed dialectics as logic and the theory of cognition). At the same time, dialectics appears as the deep, driving force of world development, the source of the eternal renewal of life. Dialectics in the idealistic version is a method of philosophizing, recognizing the active, creative role in the world exclusively for a spiritual principle capable of self-development.

In the formation and development of dialectics, a special place belongs to the laws and categories of dialectics as a system of epistemological means of cognition of nature, society and thought.

The universal character of development is represented by the *three basic laws of dialectics.* Dialectical regularities are revealed by the system of categories of materialistic dialectics; they express universal ties and relationships in specific forms of interaction and in specific structures. Therefore, dialectical patterns are first of all the patterns of structural changes, construction and functioning. The laws of dialectics reflect various aspects of development, but at the same time these are the laws of transformation.

The mechanism of the negation of negation is a process of simultaneous implementation of destruction, cumulation and construction (organization), or unity of destruction and continuity. Signs of progressive development include: staging; continuity; repeatability; the invincibility of a new (irreversible); progressive increase in the efficiency and quality of the system; spiral shape of development. Criteria for progressive development are: levels of integrity, adaptability, plasticity, flexibility, dynamism, development potential. In technical creativity, these stages, criteria and steps can be described and traced quite clearly.

Scientific and technological progress and social progress

Due to the results of their work, the engineering community makes a significant contribution to science and technology. At the same time, the conditions and forms of social activities and social organization change. The question of the relationship between the concepts of "progress" and "regress" needs to be discussed scientifically, since the regressive one can also have a positive effect in the development of various systems. The greatest difficulty is in determining the criteria of progressiveness and novelty, as well as addressing the issue of criteria for social progress.

Discussion of the system of general criteria for social progress includes assessing and understanding: a) the level and nature of the interaction of society, man and nature: the degree and quality of achieving the optimal "regime" of the exchange of matter and energy between them, the success of their interdependent development; b) the level and nature of human relations in society: the degree of their freedom from various forms of oppression and alienation rights, from destructive and conflict processes; c) the level and nature of individual development, the person's personality, the degrees of freedom of thought and action, the acquisition of the meaning of life; d) the degree of coincidence of individual personal needs, interests, goals, hopes, aspirations, actions and general results of the historical development of a society functioning according to objective laws and under the influence of general trends, but under conditions of different possibilities, the activities of various social forces, with the probabilistic nature of social processes; the level of priority of human development and the realization of the universal; e) the effectiveness and quality of implementation of these criteria; the viability of society as a system in conditions of multivariate development; ability to provide various degrees of freedom.

As a result of the consideration of the law of denial of negation, a readiness to adopt a new one is formed, to find adequate organic forms and methods of implementation, to preserve the viable elements of the old, that satisfy the public needs. In technical creativity, this leads to the understanding that any technical system at different stages of its development (as well as STP as a

whole) can develop not only in the form of complexity, but also in simplicity, progressivity and prospects of the technical object, and regressive changes often introduce a positive content in systems, serve as a factor in their development.

According to A. Saint-Exupery, the machine is perfect, when you can not add anything, or subtract (a similar statement is also found in the art historian Alberti regarding the harmony of the object).

As a result of the study of the laws of dialectics, there should be a holistic understanding of the development process, and the very laws of dialectics, being moments, aspects of the dialectical way of knowing the objective world and human cognition.

Categoriesofdialectics

Categories of dialectics are forms of the existence of dialectical thinking, they form the basis for the formation of the principles of cognition and activity, specific methods of dialectical comprehension of the world.

Categories in the structure of materialistic dialectics perform the following functions: a) have an objective content and serve as "key points" of cognition;b) serve as a methodology for the analysis of processes, since they are the unity of dialectical opposites with their characteristic contradictions (pairedness);

c) reflect dialectical regularities and serve as an instrument of cognition and action;d) are the basis of dialectical thinking, dialectical logic, which teaches art to operate with concepts;e) give the building material for the formation of the principles of cognition and activity, methods of dialectical comprehension of the world; serve as forms of being of dialectical thinking;e) have heuristic significance for the activities of creation and transformation in various spheres of society.

The system of dialectical categories is the basis of dialectical logic. The main categories of dialectics are: general, special, individual; essence and phenomenon; cause and investigation; necessity and chance; opportunity and reality; content and form; the whole and the part; system and element. It is important to understand their place and role in the cognitive process.

Today, more than ever, an engineer needs to master dialectical approaches, master the laws and categories of dialectics, use their heuristic potential in their professional activities, designing a new socio-technical reality. Systemic thinking allows us, in research engineering practice, to come to discoveries, set an anthropological dimension to concrete technical developments, enriching and thereby bringing into the socio-cultural reality humanistic aspects.

Mastering the theory of development sets the search methodology, giving the engineer *critical thinking*, the ability to combine the old with innovative technologies, carefully preserving the cultural and historical originality of national traditions.

Thus, dialectics and metaphysics are both development theories and types of methodology of human activity, both cognitive and practical, ways of orienting and evaluating the objective and subjective world. In this sense they are one-order phenomena. In everything else - fundamentally different. The task is to understand their difference in substance and content and be able to apply as methods of thinking and ways of knowing.

Today, turning to history, including Russian reality, lessons of revolutions and wars, must learn to overcome one-sidedness and learn to understand that there is no progress without recourse, there are no only positive effects of activity without negative consequences. Any distortions lead to fanaticism, dogmatism and the absolutization of ideas. Therefore, the dialectic also changes.

Technological determinism and technocracy are methodological directions with the absolutization and exaggeration of the role of technology. The negative significance of these approaches lies in the fact that they influence ideology, form such an attitude to the engineering and technical workers (engineering class) in the public consciousness when they as holders of technical knowledge, skills and abilities can occupy dominant positions in the social structure of society, have priority over the rest of the social groups, because they create technology, know it and are able to use it, not only have social and spiritual advantages over other categories and social groups of people, and are essentially ready to explain everything and solve all emerging social problems and

contradictions only in technical ways , and therefore, and claim the management of society as a whole. Today, there is a bias toward the delivery of IT-technologies and the commercialization of any social phenomena, which leads to absurdity and an unjustified race for fashionable tendencies, putting them at the service of human potential and irrational distribution and waste of resources, both intellectual and natural.

Traditionally, the "person-technics" system distinguishes the stages reflecting the development of technology as tools and means of production: "person - manual equipment", "person - machinery", "person - automated technology". The next stage, on the threshold of which is humanity - is a cyborg system. Modification and progress of technology and technology change the subject area of man's productive activity and at the same time transform the structure of production and labor activity. They in this sense act as intermediaries between person and nature and are the most important link in the interaction of person with the environment. Both the constructive and destructive impact of technology and technology on the environment depends on both these functions and on the social systems in which they are implemented. As in any kind of activity, engineering and technical activity is simultaneously realized as a process and as an over-activity state.

Engineering and technical activity as creative activity

Engineering and technical activity as a special kind of practice creates conditions and prerequisites for engaging in technical creativity. The latter is presented in the form of invention and discovery. The process of creating a new technical and technological facility consists of a system of interrelated stages: 1) setting a specific technical and technological task (as the formulation of an idea or problem) and identifying the direction of its solution, when the human (subjective) factor materializes in the process of creating a new idea; 2) creating an effective model of the relevant object or process, when the idea acquires more distinct technical and technological forms of expression. Historically, technical creativity is realized in two forms: 1) *invention* - the creation of new principles of action and methods of their implementation in specific engineering and engineering devices, and it is about creating an object that did not exist before in reality (the invention of a wheel, gunpowder, steam engine, internal engine combustion, etc.), where materialization ("objectification") of an idea takes place; 2) *discovery* - the identification of natural things, phenomena, regularities, etc., which actually exist in nature, but not previously known (the discovery of America, the periodicity of elements, deposits of minerals, etc.), which is dominated by the internal needs of the individual (the inventor) in comparison with the influence of external conditions and circumstances. Opening is the realization of the creative potential of man, the inclusion and presentation in it of diverse world-forming links.
Considering engineering and technical activity as creative, we must stop on such important its manifestations as invention, design and modeling Invention. The person had to become resourceful using guesswork, ingenuity and intuition, applying practical skills in the face of the fierce struggle with the elements of nature, the implementation of the survival program and the need for adaptation to the environment, the support was observance, confidence in the senses. Hegel and then Marx sought and proposed universal methods - such as dialectical (as well as Descartes and Bacon introduced methods induction, deduction), believing that in the future they will be used for the development of sciences, progress in methodology and practice. Every invention is an improvement, but it includes, beside the moment of continuity, gradualness and creativity as the creation of a new, element of discontinuity, combination, synthesis, the emergence of a qualitatively different. Thus, the artificial acquisition of fire is revolutionary from the point of view of philosophy, sharply discontinuous in comparison with the preceding industry in a leap in the development of technology (compare, in ancient times, the myth of Prometheus existed).

Opening is another element of creativity in engineering and technical activities. Hypothesis as a source can be confirmed in experiments, which allows us to establish certain patterns and connections of the real world. The invention is a form of idealization, an expression of a special mental construct, a concept that has a heuristic meaning, carries a *methodological* load.

Of the scientists of this period, it is necessary to highlight Leonardo da Vinci, who considered the experience as the starting point of knowledge. The way to truth, from his point of view, lies through the synthesis of theory and practice, the method of induction must be supplemented by deduction (deduction - inference according to the rules of logic, a chain of inferences, the links of which are logically connected, the main means of proof)), analysis - synthesis. "I want to first establish the fact, and then prove, with the assistance of the mind, why this fact is such, and not of another kind," Leonardo da Vinci considered. This is the method by which every researcher of natural phenomena must be guided.

In the XIX century, the first major scientific and technological revolutions that led to the final stage of the transition of the traditional culture society to the industrial society took place. The first technical universities appeared, there was a need for teaching people special knowledge for certain areas. It was then that the first engineers appeared, which became the "core backbone" of inventors. The role of technical inventions and their influence on the way of life of society began to grow and gradually became comparable with the role of significant discoveries of various natural objects and phenomena. One of the most common types of engineering activities (along with organizational, production and management) is design. Today, this is the most preferred and in-demand form of engineering creativity (especially in construction, design activities).

Engineer as a project person and socio-technical design

Design is associated with the concept of a *project*(from the Latin project means as abandoned forward) is a purposeful activity in drawing up and developing a project. The concept of "project" has several meanings: a) concept, plan; b) a preliminary text (draft) of a document; c) the collection of certain documents (calculations, drawings, etc.). In the metaphysical sense of projecting, one has to speak when it comes to over-personal, super-personal contexts, ideas and values, that is, with retention of either social purpose, or transcendental, meta-empirical content, non-existent space.

In scientific and technical activity, the term "project" is most commonly used in the third sense. Design historically arose in the framework of the activities to produce new machines, mechanisms, various products. Until the end of XIX century such a specific type of activity did not exist. But gradually there was a need for a special kind of labor associated with the development of variants of new objects, drawing out their parts, nodes, and details. Actually from the drawing, the need for an accurate graphic representation of the engineer's intentions for his transfer to the performers at the factory, a projection was born. Because a simple drawing reflecting the intention of the creator of new technology was not enough, preliminary research and constructive developments were required. In addition, there was a need to create a fairly complex project language, the separation of project activities from direct production. The implementation of these conditions and led to the fact that in the early twentieth century. Designing became an independent kind of engineering activity and engineering creativity. The design makes it possible to fully develop the product at the level of the drawings using various sign means, without resorting, as it was before, to the experience of manufacturing the product in the material, or to testing the experimental and prototypes. It must be borne in mind that the design is not solely related to the production sphere, where it is aimed at creating new technical objects. It is widely used in the spheres of service, culture, education. The change in modern engineering and technical activities is possible through the ways of humanization and humanitarization of this sphere, revealing the interconnection of the techno-sphere and the socio-sphere, on the basis of a deep and comprehensive study of the mutual influence of anthropological characteristics, worldview aspects and technical creativity.

The modern engineer should take care not only of public needs, creating technical objects, but also to protect the environment, to raise the level of knowledge, while growing morally. Consequently, he is forced to develop his consciousness and culture of thinking, behavior and

speech. And here dialectics can help him, which becomes a new methodology. And the engineer accordingly acquires the status of a professional and a humanist.

Тимощук Е.А.

МАРКСИЗМ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация: *В США неважно, читали ли Вы Маркса или нет, однако в в Евразии игнорировать Маркса нельзя. В статье рассматриваются, казалось бы, неожиданные объекты для сравнения –марксизм и феноменология. Несмотря на принципиальное различие в вопросе сущности сознания, учения находят узловые точки сборки в позиционировании социального: инструментализм, отчуждение, объективация. Затем, между этими течениями можно найти третьего посредника – феноменологию Гегеля, которая также является валидным феноменологическим проектом, отличающимся от феноменологии Декарта, Канта и Гуссерля своей историко-социальной направленностью. Эта социологическая устремлённость присуща поздней феноменологии Р. Ингардена, А. Шюца, Т. Лукмана, П. Бергера. Социокультурная феноменология демонстрирует, что феноменология может быть не только субъективной. Более того, возможно в её социокультурном применении и находится одно из самых важных её достижений. Далее, социокультурная феноменология даёт нам то, чем не занимается феноменология субъекта. А именно, логику истории. Это как раз то, что интересовало Гегеля и Маркса. Особенно у Маркса мы имеем очень ярко выраженный феномен сопротивления капиталу, борьбы за человека. И в этом смысле феноменология становится прикладным инструментом изучения антропофании, становления нового человека и общества.*

Тема феноменологи и марксизма не является новой. Известна работа Герберта Маркузе «К феноменологии исторического материализма» (1928). Немецко-американский философ и социолог, представитель франкфуртской школы неомарксизма стремится вслед за политэкономической редукцией логико-диалектических понятий осуществить и глубинно-психологической. В своей критической теории общества он осуществляет инжиниринг витальных потребностей человека и индустриального общества. Нить, которая по Маркузе, связывает феноменологию и марксизм – как конкретность знания связана с его достоверностью. Проблема отчуждения одномерного человека в капиталистическом обществе от социокультурного богатства человечества – основная тема Маркузе, непосредственно касается социокультурной феноменологии.

Одним из самых противоречивых феноменологов является Морис Мерло-Понти, который творчески осваивал наследние гештальт-психологии, гегельянства, марксизма, позволивших ему предложить концепцию динамического разворачивания случайностей и порядка, субъективного и объективного, смысла и бессмыслицы, логики и случайного. Эта артикуляция бытия может быть подвергнута сравнению с диалектикой Гегеля, экономическим детерминизмом Маркса, интенциональностями Ингардена и реификацией Бергера-Лукмана.

Рассматривая концептуальное сходство и различие марксизма и феноменологии, автор осознаёт, что за пределами исследования остался исторический проект синтеза марксизма и феноменологии в виде интерсоциализма, «пролетарского пространства для двоих», который имел место в Венгрии, ГДР, Югославии и Италии. Эта тема требует отдельного исследования.

Ключевые слова: *Маркс, Гуссерль, Ингарден, Шюц, Бергер, Лукман, феноменология, марксизм.*

Timoshchuk E. A.

MARXISM IN THE PHENOMENOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract. *In the United States, it does not matter whether you read Marx or not, but you cannot ignore Marx in Eurasia. The paper deals with seemingly unexpected objects for comparison: Marxism and phenomenology. Despite the fundamental difference in the matter of the essence of consciousness, the teachings find the key points in the assembly and positioning of the social: instrumentalism, alienation, objectification. Between these currents, one can find a third mediator, the Hegelian phenomenology, which is also a valid phenomenological project that differs from Descartes, Kant, and Husserl's phenomenology in its historical and social orientation. This sociological aspiration is inherent in the late phenomenology of R. Ingarden, A. Schütz, T. Luckmann, P. Berger. Socio-cultural phenomenology demonstrates that phenomenology can be not only subjective. Moreover, it is possible in its socio-cultural application and is one of its most important achievements. Further, sociocultural phenomenology gives us what the phenomenology of the subject does not do. Namely, the logic of history. This is exactly what interested Hegel and Marx. Especially with Marx, we have a very pronounced phenomenon of resistance to the capitalism, the struggle for man. In this sense, phenomenology becomes an applied tool for the study of anthropophany, the formation of the new man and society.*

The subject of phenomenologists and Marxism is not new. The work of Herbert Marcuse «On the Phenomenology of Historical Materialism» (1928) is well known. A German-American philosopher and sociologist, a representative of the Frankfurt school of neo-Marxism, is following the political and economic reduction of logical-dialectical concepts and deep-psychological. In his critical theory of society, he performs the engineering of the vital needs of man in the industrial society. That thread, according to Marcuse, binds phenomenology and Marxism – how the concreteness of knowledge is connected with its authenticity. The problem of the alienation of a one-dimensional person in a capitalist society from the sociocultural wealth of mankind is the main theme of Marcuse, directly related to sociocultural phenomenology.

One of the most controversial phenomenologists is Maurice Merlot-Ponty, who creatively mastered the hereditary Gestalt psychology, Hegelianism, Marxism, which allowed him to propose the concept of dynamic unfolding of chance and order, subjective and objective, meaning and nonsense, logic and random. This articulation of being can be compared with Hegel's dialectic, Marx's economic determinism, Ingharden intentions and Berger- Luckmann's reification.

The paper deals with the points of intersection of Marxism and phenomenology. Despite the fundamental difference in the matter of the essence of consciousness, both doctrines find the nodal points of the assembly in the positioning of the social: instrumentalism, alienation, objectification. The author considers conceptual similarities and differences. The historical project of the synthesis of Marxism and phenomenology in the form of inter-socialism, «proletarian space for the two», which took place in Hungary, the GDR, Yugoslavia and Italy, remained outside of the study.

Key words: *Marx, Husserl, Ingarden, Schütz, Berger, Luckmann, Phenomenology, Marxism.*

Именно социальное позиционирование является точкой пересечения марксизма и феноменологии. Методологически, между ними зияет пропасть: марксизм исходит из первичности материи, феноменология – сознания. Исторически, они также были несовместимы. Особенно со стороны марксизма. Там, где он был установлен как официальная идеология, для феноменологии не оставалось места, она становилась классовым учением буржуазии.

Сегодня уникальная ситуация для философии, когда оба учения выступают на равных, после того, как Россия взяла из марксизма максимум выгоды для реализации социального выравнивания и он исчерпал себя в качестве монопольной движущей силы общественного развития. Неожиданно открывается, что оба учения имеют много интересных точек пересечения.

Термин φαινόμενον – «являющееся», был известен ещё по работам Платона, который использовал его для противопоставления явления и сущности вещи. Р. Декарт чётко и ясно сформулировал проблематику феноменологии в виде методологически строгого

исследования res cogitans или мыслящего бытия. И. Фихте принадлежит изобретение интерсубъективности, исключительно важного концепта для социальной феноменологии. И. Кант построил свою теорию познания на оппозиции ноуменально и трансцендентально существующей «вещи-в-себе» и феноменальной «вещи-для-нас». Разум синтезирует трансцендентальные формы, составляющие подлинное и независимое бытие. «Феноменология духа» Гегеля раскрывает эволюцию форм сознания в своём движении к абсолютной идее, он против агностицизма Канта, где вещь отделяется от её внутренней сути. Гегель полагает, что вещь может быть познана в многообразии своих манифестаций.

Гуссерль вкладывает в феноменологию новый смысл. Для него она означает дескриптивный, философский метод. Замысел Гуссерля заключался в том, чтобы преодолеть позитивистскую психологию и отмежеваться от неокантианства, не проводившем радикального различия между субъективным и объективным. Категория интенционального становится продуктивной для анализа общественного сознания и модусов репрезентации социокультурных объектов в творчестве Романа Ингардена (1893-1970), польского ученика Э. Гуссерля. Р. Ингарден берёт психологический терминологический аппарат Гуссерля и применяет его к анализу общества, что потом реализуют в развитой социологической теории Альфред Шюц (1899-1959) и Питер Бергер (1929-2017).

Социокультурная феноменология преодолевает искусственное различие между подходами к сознанию Гегеля и Гуссерля, она возвращает также деятельностный подход марксизма, сохраняя при этом автономность сознания, несводимость его к атомно-молекулярным структурам. Общность всех этих подходов заключается в интересе к динамике самопорождения человека и общества. Не случайно появился термин «неомарксистко-феноменологический» в плане сближения позиций А. Шюца, Ю. Хабермаса, И. Вайса, особенно в изучении категории «отчуждение», социологии религии М. Вебера [4, с. 744].

В социологии П. Бергера и Т. Лукмана это названо *реификация* – процесс перехода идеального и социальные практики. Вопрос об опредмечивании/распредмечивании бытия уже был поднят Гегелем в учении об объективации абсолютного духа в природу и историю и деятельностно-ориентированным Марксом.

Гегелевский термин «опредмечивание» конституирование духа в истории получил вторую жизнь в марксизме, где он стал означать:

1) деперсонализация труда в процессе производства, его отчуждение (К. Маркс);

2) опосредованием экономических отношений в духовной культуре (экономика – базис, культура – надстройка у В. Ленина).

В социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана использована схожая схема, которая, как они полагают, ближе к К. Марксу – «Маркс указывал на то, что человеческое мышление производно от человеческой деятельности (точнее, труда) и от социальных взаимосвязей, возникающих в результате этой деятельности. Базис («субструктуру») и надстройку («суперструктуру») можно лучше понять, если соответственно рассматривать их как человеческую деятельность и мир, созданный этой деятельностью» [3, с. 16].

К теориям субъекта относят не только феноменологию, экзистенциализм, но и, отчасти, марксизм с его центральной проблемой отчуждения. Таким образом, это всё персоналистические направления, т.е. те, которые в основу бытия ставят личность, а не анонимную, бессубъектную систему. Экзистенциальный характер бытия – это значит проективный, инициативный, возможный, в отличие от чисто логического, абстрактно-сущностного.

Таковы общие истоки экзистенциально-феноменолого-герменевтической смены парадигмы в философии. Очевидно, что экзистенциальная трактовка феноменологии снимает с неё метафизический трансцендентализм. Экзистенциализм выступает присадкой и в других методологиях – психоанализ, марксизм, диалектика, но только вкупе с феноменологией он становится универсальным антропологическим инструментом.

Внимание к модальностям человеческого внимания и становится объединяющим моментом экзистенциально-феноменологической методологии, к которой причисляют целый ряд авторов – от классиков жанра М. Хайдеггера, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса, А. Камю, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, В. Янкелевича, Х. Ортеги-и-Гассета и до мыслителей-постмодернистов в лице постструктурализма Ж. Батая, М. Фуко, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяра, М. Бланшо, Э. Левинаса и др. [6, с. 2].

Ещё одна точка пересечения марксизма и феноменологии – инструментализм или конкретно-объективный критерий познания. Синтез реализма, постпозитивистской философии (на основе прагматизма и инструментализма) с феноменолого-экзистенциальным подходом является одним из экстраординарных решений в философии. Причём это нельзя назвать эклектикой, так как берётся всё лучшее из трех традиций – эмпиризм из первой, строгая аналитическая методология – из второй и ценностно-смысловая парадигма из третьей.

Инструментализм Дж. Дьюи, Дж. Мида отходит от жёсткой установки позитивизма на абсолютизацию сенсуализма, претензию на создание универсальной теории. Реальность всегда превосходит нашу индивидуальную или коллективную способность к её познанию. Никакая научная теория не может дать полного и всеохватного знания об изменчивом мире, поэтому следует относиться к научным идеям и законам как к набору инструментов для решения практических задач. Научная теория хороша настолько, насколько она помогает решать проблемы, находить выход из сложных ситуаций, успешно преодолевать трудности. Инструментализм, вышедший из прагматизма, также полагает, что истина – это функция успеха и её можно отождествить с ценностью. Как и феноменология, инструментализм исходит из того, что познание всегда контекстуально, оно конкретизируется здесь и сейчас, а большинство ситуаций и процессов проективны, конститутивны, неопределённы. Наука – это способ трансляции непрерывно изменяющегося опыта социальной практики в понятия, суждения, умозаключения, гипотезы и теории.

С одной стороны, реализм и инструментализм предстают противоположными гносеологическими подходами. Один исходит из того, что научное описание должно стремиться к соответствию знания действительности (и эта позиция близка марксизму), второй, постпозитивистский по сути, указывает на то, что полной корреспонденции между постоянно меняющимся миром и ограниченными теориями быть не может, поэтому последним следует поставить более прагматичную цель – эффективность, прогностичность и простота.

Метафизичность марксистского реализма заключается в догматической вере в возможность полного контроля реальности, безграничном технократизме. Инструментализм в этом смысле более реалистичен, т.к. принимает программу эвристической адаптивности в решении жизненных задач. Второе различие заключается в отношении к мистическому и религиозному опыту. Крайние формы реализма (марксизм, материализм) не допускают возможности его существования, инструментализм же исходит из того, что этот опыт нельзя игнорировать, как и любой другой.

И реализм и инструментализм стоят на общей платформе эмпиризма. Разница в том, что реализм, особенно марксистский, стремился управлять социальным опытом сверху вниз, навязывая обществу почти метафизические и религиозные утопии, в то время как инструментализм исходит из действительности самоорганизации общества и его кооперативной негоциации.

Выводы. Несомненно, феноменология не станет марксизмом, т.к. не ставит своей целью преобразовать мир. Маркс нападает на субъективность, а феноменология начинается с неё. Феноменологии также чужд радикальный историцизма марксизма, хотя она согласна с Марксом в конструктивистком положении, что «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [5, с. 115].

Если понимать феноменологию как философскую программу строгого описания социокультурной реальности, Маркса можно частично считать феноменологом, поскольку он запечатлел достаточно правдиво становление, развитие и слабости капитализма, занимался прояснением влиянием экономики на культуру и общество. Т.е. его роднит с социокультурной феноменологией предмет исследования. Самое его главное феноменологическое открытие заключается в том, что человеческая история – это объективный, независимый от индивидуальной воли процесс смены форм отношений, где акторами выступает множество субъектов и сил. С этой точки зрения, его учение стало одним из агентов влияния большой совокупности факторов.

Непродуктивно призывать к ответственности Маркса за трагедию российской истории XX в. Наряду с точными описаниями, у него были и ошибочные прогнозы. В этом он недостаточно феноменологичен. Несмотря на то, что он старался учитывать новые данные, у него были и утопические установки, с которыми он не смог расстаться, относительно формационного детермизма, гибели капитализма и коммунистического будущего. Это может стать хорошим материалом для исследования феноменологии иллюзий и заблуждений. Миф может возникнуть даже в самой глубине науки, отражая вечные чаяния человека на счастливую жизнь.

С точки зрения добросовестного отношения к историческому материалу его также можно признать социокультурным феноменологом. Вдобавок он опирался на феноменологию духа Гегеля и диалектику, хотя и критиковал идеализм.

После политической перестройки конца прошлого века философы на постсоветском пространстве ринулись осваивать зарубежные философские учения, включая феноменологию. Свободное обращение к герменевтике и экзистенциализму, постмодернизму и психоанализу должно было компенсировать духовный вакуум, образовавшийся в период гегемонии марксизма. Сейчас, уже в начале XXI века, после насыщения свободными науками и искусствами, имеет место реактуализация программы марксизма в его социальной части. Вероятно, феноменология может скорректировать утопическую часть социальной программы марксизма.

Список использованных источников

1. Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности (новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 736-771.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.

3. Шичанина Ю. В. Иномерность в современной культуре: многообразие проявлений / Автореф. дис. … докт. филос. н. СПб, 2006. 55 с.

4. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т. 8. М.: Политиздат, 1957. С. 115–217.

5. Wartofsky Marx W. Consciousness, Praxis, and Reality: Marxism vs. Phenomenology // Interdisciplinary Phenomenology. Dordrecht: Springer,1977. Pp 133-151.

6. McBride W. Marxism and Phenomenology // Journal of the British Society for Phenomenology. – 1975 – Volume 6, Issue 1. P. 13-22.

С.Н.Фоломеев

«МАРКСИЗМ И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНЦА XIX- НАЧАЛА XX ВЕКА О ГОСУДАРСТВЕ БУДУЩЕГО»

«MARXISM AND THE RUSSIAN SOCIAL-DEMOCRATIC THOUGHT OF THE END OF THE 19TH-BEGINNING OF THE 20TH CENTURY ABOUT THE STATE OF THE FUTURE»

The purpose of this work is to study the approaches of the founders of Marxism and their followers from the Russian Social Democracy of the late XIX-early XX century to understanding the fundamental foundations of the future state, identifying the most significant of them, formed in the social-democratic camp of Germany and Russia on the state of the future, the study of the diversity of approaches to this problem of the Russian followers of Karl Marx and F. Engels, who at times held opposite positions - from unconditional support ozitsy classics, denied the need to identify the specific features of the future society to replace the social ideal of social foresight of the future.

The formation of the approaches of the Russian followers of Marxism to the problems of the future society depended not only on their ideological positions, but also on the development trends of the state and society, on its revolutionary traditions, etc. Subsequently, their views influenced the theory of Marxism and the practice of building a socialist state in Russia.

***Keywords**: Marxism, Russian Social-Democracy at the end of the 19th-beginning of the 20th century, state of the future, diversity of approaches*

Люди всегда интересовались свои будущим. Они стремились к тому, чтобы оно превосходило настоящее и прошлое. Сначала они только мечтали о будущем. Позже, выражая недовольство настоящим, они стали формировать будущее, основываясь на реалиях современности, выступали за реализацию определенных действий, без которых грядущее было бы неосуществимо. С таких же позиций подошли к осмыслению будущего общества сторонники марксистских идей.

Одной из проблем теории марксизма, неоднократно вызывавшей дебаты не только в среде социал-демократов в течение десятков лет, был вопрос о формировании плана будущего государства, который необходимо реализовать после социалистической революции. Суть дебатов заключалась в том, что ортодоксальные марксисты, следуя заветам отцов-основателей учения, вначале категорически выступали против обозначения черт будущего общественного строя. Другие социал-демократы предлагали использовать образ будущего государства лишь в целях пропаганды. Третьи, говорили о необходимости высказаться в общих чертах об идеале социалистического государства. Четвертые, признавая в принципе возможность построения социализма, стремились рассмотреть этот вопрос с научных позиций, оперируя современными данными статистики, экономики, и ряда других наук.

Реформистское крыло социал-демократии больше интересовала практическая деятельность по защите социальных и экономических интересов рабочего класса и других трудящихся, демократизировавших общество и приближавших наступление эпохи социализма. Противники социализма не только жестко критиковали и издевались в связи с отсутствием общего мнения в лагере социал-демократов по этому вопросу, но и вполне доброжелательно стремились определить возможные перспективы социалистического общества.

В связи с этим разработка проблемы государства будущего до определенной степени занимала только левое крыло социал-демократического лагеря, в то время как представители его центра и правого крыла в большей степени стремились заняться практическими вопросами улучшения условий продажи рабочей силы пролетариатом.

Социал-демократическая партия Германии конца XIX- начала XX века, где указанные вопросы получили наибольшее развитие, была самой опытной и авторитетной среди других социал-демократических партий Запада и в силу этого оказывала значительное влияние на выработку ими планов будущего переустройства общества. Российская социал-демократия этого времени отличалась от остальных социал-демократических партий крайним радикализмом в осуществлении марксистских идей, их неукоснительной, педантичной реализацией в теории и на практике.

Остались в прошлом СССР и система социализма, дискуссионные споры потеряли былую остроту, современное российское общество мало волнуют вопросы изучения

социалистических идей, в то время как за рубежом, по-прежнему, идут дискуссии по проблемам социализма. Так профессор Г.Дерлугьян и всемирно известный социолог И. Валлерстайн утверждают, что в современных условиях в России идеологию Ленина, возможно, ждет политическое воскрешение [7,с.55-56]. Настало время беспристрастно и объективно попытаться понять события прошлого, в значительной степени помогающие в осмыслении нашего вчерашнего дня, определить влияние прошедшего на наше настоящее общество и, вероятно, будущее.

Исследователь Я.И.Кузьминов отмечает, что «представления основного числа наших современников ограничиваются скудными познаниями о доктрине большевиков. Скудными – не только потому, что публичные обсуждения, пропаганда общепартийных дискуссий, даже имевших чисто теоретический характер, никогда не поощрялась, а в послеленинский период были просто опасными. Но, главным образом, потому, что основные усилия большевиков были направлены на разработку стратегии и тактики борьбы за власть, а не на создание концепции будущего России» [14,с.3]. Советские исследователи не могли выйти за пределы критических идеологических установок, данных в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И.Ленина, проблеме осмысления государства будущего. В постсоветское время былая актуальность подобных исследований была в значительной мере утрачена в связи с развалом СССР и крахом социалистической системы.

Целью данной работы является исследование подходов основоположников марксизма и их последователей из российской социал-демократии конца XIX- начала XX столетия к осмыслению фундаментальных основ грядущего государства, выявление особо значимых из них, сформировавшихся в социал-демократическом лагере Германии и России по вопросу устройства государства будущего, изучение всего многообразия подходов к этой проблеме российских последователей К.Маркса и Ф.Энгельса, занимавших порой противоположные позиции – от безоговорочной поддержки позиций классиков, отрицавших необходимость определения конкретных черт будущего общества до замены социального идеала социальным предвидением будущего.

Формирование подходов российских последователей марксизма к проблемам общества будущего зависело не только от их идейных позиций, но и от тенденций развития государства и общества, от его революционных традиций и т.д. В последующем их воззрения оказали влияние на теорию марксизма и практику строительства социалистического государства в России.

Необходимо заметить, что в указанное время (конец XIX-начало XX столетия), и сторонники и противники социал-демократических воззрений не делали различия между понятиями государство будущего и общество будущего, рассматривая их как синонимы. В частности П.А.Кропоткин, имея в виду сторонников К.Маркса, писал, что «в Германии существует целая школа писателей, которые постоянно смешивают государство с обществом», причем такое смешение он усматривал даже «у серьезных немецких мыслителей», которые выступали за государственное подавление свободы [11,с.618].

Одним из первых марксистских теоретиков осмыслением вопросов будущего общества задался И. Дицген, который хотя и не принимал «близкого участия в партийных делах немецкой социал-демократии», но который был близко знаком с К. Марксом и примкнул к социал-демократам после выхода в свет «Манифеста Коммунистической партии». В 1872 г. он присутствовал в качестве депутата на конгрессе в Гааге, где К. Маркс представил его собранию словами «вот наш философ». В 1878 г. он прочел в Кельне речь о будущем социал-демократии [8,с. III].

В предисловии к сочинению И. Дицгена указывается, что самым распространенным обвинением в адрес марксизма является обвинение в пренебрежении к теории познания и в этом есть определенная доля истины [8,с. I]. Пренебрежение к вопросам государства будущего объяснялось активной борьбой за интересы рабочего класса, отсутствием времени «…для спокойной работы в области теории познания» [8,с. I].

И. Дицген согласен, что «будущее социализма все более и более становится предметом исследующего умозрения». Будущее общество является историческим продуктом, в формировании которого участвует весь народ. Он не раз останавливался на мысли, что «мы должны…не забывать о личном и частном характере подобных умозрений», что «никто не должен позволить себе создавать будущее путем частного умозрения» [9, с.1,2]. Здесь же он повествует о том, что у социал-демократов отсутствуют оракулы и пророки, которые говорят истину. То, что признается большинством и является истиной. Но при этом он говорит, что и «отдельным личностям можно,…сообразно своим взглядам и мнениям обсуждать вопросы формы будущего, делать предложения и высказывать мнения, − и все это только под понятным условием, что это – скромное частное мнение» [9,с.1,2]. Таким образом, мнение К.Маркса становится мнением всех его последователей, которое не обсуждается, потому что оно «абсолютно истинно».

В этих условиях идеи К. Маркса и Ф. Энгельса становятся эталоном для их соратников по вопросу поиска подходов к государству будущего и возможных путей его достижения. В книге теоретика французского анархо-синдикализма Ж. Сореля, в целом разделявшего взгляды К.Маркса, указывается со ссылкой на Э. Бернштейна, что К. Маркс в послании Э.С. Бизли – профессору истории, известному социалисту из Англии, автору труда о будущем рабочего класса писал, что до недавнего времени считал его едва ли не единственным английским революционером, а теперь он думает о нем, как о реакционере, так как человек, формирующий программу грядущего будущего является таковым. По свидетельству Ж. Сореля, К. Маркс выступал против изобретения картин будущего общества, считая, что фабрика уже есть «осуществление программы» [22,с. 65-66].

Та же мысль присутствует и в работе «Анти-Дюринг Ф. Энгельса. Говоря о социалистах-утопистах он подчеркивал, что они являлись таковыми потому, что действовали в условиях недостаточного развития капитализма и выдумывали черты будущего общества из головы, в то время как средства для его изменения вытекают из претерпевших изменения условий производства [29,с.251-252].

Работа члена группы «Освобождение труда», ближайшей соратницы Г.В.Плеханова В.И. Засулич, посвященная исследованию элементов идеализма в социализме, подтверждает достоверность изложенных выше идей, соответствия их идеям К. Маркса. Указывая на работы К. Маркса, опубликованные в «Архиве» Брауна, В.И. Засулич писала, что социалистическое общество он понимал как постепенный безличный процесс модернизации капитализма, который нельзя представить как усилия рабочего класса, стремящегося к достижению осознанной цели [10,с.4].

Ж. Сорель объяснял приверженность К. Маркса к «сжатым формулам» его незначительным личным опытом, который не позволил ему определить те средства, к использованию которых пролетариат мог бы приступить в условиях революции. В силу этого, как утверждает Ж. Сорель, К. Маркс избегал употребления конкретных формул, найдя «способ отвлеченного выражения», позволивший уклоняться от подробностей вопроса [22,с.67].

Вышеизложенное не противоречит идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, представленным в «Манифесте Коммунистической партии», где говорится об объективном, неизбежном крушении капитализма и установлении коммунизма. Пролетариат лишь ускоряет этот процесс [13,с.419-459].

С таких же позиций к осмыслению общества будущего подходили и российские социал-демократы. В уставе «Южно-Российского Союза Рабочих» и программе «Северного Союза Русских Рабочих» как предшественников российской социал-демократии не содержится какого-либо упоминания об обществе будущего. В проекте программы социал-демократической группы «Освобождение труда» (1884 г.) черты общества будущего представлены более подробно, но не выходят за рамки тезисов. Общество будущего рассматривается как переход в коллективную собственность трудящихся всех средств и

продуктов производства; уничтожение классов; устранение товарного производства и связанной с ним конкуренции; уничтожение государства как политической организации, стоящей на страже существующих порядков. Содержится здесь и требование конституции. Но в основу программы положены революционные методы борьбы, включая террор, что указывает на второстепенность демократических требований, их вспомогательный характер в деле достижения принципиальных основ будущего общества [20,с.172-176].

В проекте программы «Партии русских социал-демократов» (группа Благоева), социализм представляет собой изъятие орудий производства и земли в собственность государства, равномерное распределение продуктов, обобществление труда [21,с.183]. Представители этой организации отрицали «единичный переворот», выступая за постепенный переход власти и средств производства в руки народа, демократизацию общества. Поэтому политические и экономические демократические требования занимают в их программе существенно более важное место. Именно они рассматриваются как основа дальнейших преобразований общества на социалистических началах. Но при определенных условиях они не исключали «центрального захвата власти», если «он является завершением общенародной революции крестьян и рабочих», допуская в отдельных случаях применение террора [21,с.184,187]. Группа «Освобождение труда» дала отрицательную оценку данному проекту. «Партия р.с.-д.» согласилась с сделанными возражениями: сначала отложила опубликование, а затем и совершенно от этого отказалась, приняв программу группы «Освобождение Труда» [15,с.181]. Таким образом, едва наметившийся демократический путь общественных преобразований в стране, нашедший отражение в одной из программ группы российских социал-демократов, был отвергнут под давлением объективных и субъективных обстоятельств.

Позднее российские социал-демократы, ссылаясь на опыт своих немецких товарищей, на Эрфуртскую программу, заявляли, что они не будут составлять проекты общества будущего, укажут в своих программах лишь общие тенденции, ведущие к социализму, представят возможность участникам социальной революции начертить детальный план развития будущего строя [16,с.14-15]. Поэтому программа-максимум РСДРП указывает лишь основные признаки государства будущего [16,с.4,15].

Безусловно, на подход российских социал-демократов к проблемам общества будущего оказывала воздействие более опытная германская социал-демократия. Однако не стоит воспринимать ее позицию по этому вопросу как слепое копирование опыта старших товарищей. Г.В. Плеханов еще в своей ранней работе «Социализм и политическая борьба», подчеркивал невозможность осуществления социальной революции в России в ближайшее время и потому отрицал необходимость разработки планов будущего общества [17, т. 1, с.330]. В другой своей работе Г.В. Плеханов также говорит о преждевременности подобных занятий [18, т.12, с.236]. В «Письме г. Г.» Г.В. Плеханов указывает на ненаучность рассуждений о будущем обществе в современных условиях, на невозможность предвидения изменений в технике и общественных отношениях, на нежелание формулировать догадки в программу партии, которые могут привести к недоразумениям и разочарованиям [19, т.12, с.496].

Те же мотивы В.И.Ленин излагает в своей работе «Государство и революция». Ссылаясь на позицию К.Маркса по этому вопросу, В.И.Ленин отделяет себя от социалистов-утопистов, считает фантазии на тему будущего общества праздным занятием [12, т.33, с.287,295].

Несогласие с подобной точкой зрения высказывает проф. М.И. Туган-Барановский, известный русский экономист, имевший в молодости непосредственное отношение к революционному марксизму и в последующем не раз высказывавший ему свои симпатии. В своей работе «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» он сравнивает идеал со звездой, по которой следует ориентироваться ночью. Но звезда никогда не заменит необходимый фонарь [24,с.71]. Без фонаря не найдешь нужной дороги. Таким

образом, и наука и идеал являются необходимыми для революционной деятельности [24,с.72].

Отказ от научного подхода к достижению идеала противоречит собственным рассуждениям классиков марксизма. В известной работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» утверждается, что К. Маркс превратил утопию в науку [29,с.185-230]. Отсюда, говорит М.И. Туган-Барановский, возникло «пренебрежение многих марксистов к «социальному идеализму», место которого заняло «понимание законов общественного развития» [24,с.254]. К. Маркс, по утверждению М.И. Туган-Барановского, пытается поставить на место социального идеала социальное предвидение. Но «познание будущего навсегда обречено быть частичным, оставляя, таким образом, широкий простор для нашей воли». Именно поэтому «возможно полное предвидение будущего есть лучшее оружие в борьбе за социальный идеал!». Именно социальный идеал определяет движение вперед [24,с.257]. Но он также выступал за подчинение личности и ее интересов идеалу [24,с.258-259]. Тогда М.И. Туган-Барановский не подозревал, что подобный подход вряд ли может освободить личность и общество от угнетения.

Испытывая симпатии к идеям социализма и не будучи скован постулатами ортодоксального марксизма, М.И. Туган-Барановский посвятил различным аспектам будущего социалистического общества ещё ряд своих работ [25; 26; 27; 28].

Подводя некий итог, можно сказать, что российская социал-демократия не занималась слепым копированием позиций немецких социал-демократов по вопросу будущего государства. Однако, влияние последних на российских последователей К.Маркса было велико. Русский социал-демократ Ю. Стеклов, говоря о теоретической близости партийных программ обеих социал-демократических партий, подчеркивал, что некоторые представители российского марксизма считали, будто российская «социал-демократическая программа «добросовестно переведена с немецкого» [23,с.5].

В последующем разработка проблемы государства будущего была продолжена в работах российских социал-демократов второго эшелона – А.А.Богданова (Малиновского) [2; 3; 4; 5], А.А.Богданова и М.С.Ольминского (Александрова) [6], В. А.Базарова (Руднева) [1]. Однако и эти работы не вышли за рамки популярных изданий и не внесли ничего нового по сравнению с работами вождей российской социал-демократии, вышедшими ранее.

Таким образом, проекты общества будущего отсутствовали в окончательно оформившихся программах российских социал-демократов конца XIX- начала XX века. Российская социал-демократия (особенно ее большевистское крыло) рассматривало демократические требования (буржуазные по существу), изложенные в программе партии как преходящие, значимые для капиталистического общества, лишь способствующие достижению власти и не являющиеся необходимыми в обществе будущего. Задача радикального крыла российской социал-демократии (также как и у их предшественников и идейных противников – народовольцев) состояла лишь в разрушении основ существующего порядка. О созидании общества будущего никто не думал. Отказ от осмысления черт будущего общества объяснялся нежеланием гадать на кофейной гуще, позицией классиков марксизма, отрицательно относившихся к этому вопросу, непредсказуемой расстановкой политических сил после завоевания власти, степенью сопротивления свергнутых господствующих классов и т.д. Такая позиция российских социал-демократов в отношении проблем общества будущего мало способствовала популяризации их взглядов, неизбежно вела их впоследствии к скороспелым и непродуманным решениям, в основу которых было положено принуждение, а не поддержка со стороны общества.

Список использованных источников

1. Базаров В. Анархический коммунизм и марксизм.− СПб.: Тип-я т-ва «Народная Польза», 1906. – 184с.

2. Богданов А.А. Куда идет развитие общества.− СПб.: Тип-я т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1906. – 16 с.

3. Богданов А.А. Краткий курс экономической науки. Изд. 9, вновь исправленное. С. Дороватовского и А. Чарушникова. – М.: Тип-я «Сокол», 1906, − 288 с.

4. Богданов А.А. Путь к социализму. 2 изд.− М.: Изд-во «Новая Россия»,1917.− 31 с.

5. Богданов А.А. Новый мир. Вопросы социализма.− М.: КомКнига,2010.− 136 с.

6. Богданов [Малиновский] А.А., Ольминский [Александров] М.С. Наши недоразумения /РСДРП: Галерка [Ольминский] и Рядовой [Малиновский]. − Женева: изд. авторов,1904. – 93 с.

7. Дерлугьян Г., Валлерстайн И. Россия в миросистемной перспективе // Россия−2020: Сценарии развития /под ред. М.Липман и Н.Петрова; Моск. Центр Карнеги. −М.: РОССПЭН,2012.− С.39-57.

8. Дицген И. Будущее социал-демократии. Предисловие. Пер. с нем. М. Иоффе.− Киев: Книгоизд-во «Правда», 1906.− С.I-III.

9. Дицген И. Будущее социал-демократии. Пер. с нем. М. Иоффе.− Киев: Книгоизд-во «Правда», 1906.− 20 с.

10. Засулич В.И. Элементы идеализма в социализме.– СПб.: Новый мир, 1906. – 70 с.

11. Кропоткин П.А. Государство, его роль в истории //Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал: Сочинения.− М.: ЗАО ЭКСМО-Пресс,1999.− С.617-676.

12. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. – Т.33.– С.1-120.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии //Соч. 2 изд. −Т.4.− С.419-459.

14. Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX-начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И.Кузьминов.− М.: Республика, 1994.− 416 с.

15. «Партия русских социал-демократов» в Петербурге в 1883-1887 гг. (группа Благоева) // Революция и РКП(б). В материалах и документах. Хрестоматия.Т.1. 1870-1900 гг. 2 изд., доп. − М.-Л.: ГИЗ, 1925.− С.180-183.

16. Петр Ал. Наша программа / Программа максимум и минимум РСДРП.– М.,1906.− 40с.

17. Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Собр. соч. – Т.1.− ГИЗ,1920.

18. Плеханов Г.В. Комментарий к проекту программы Российской Социал-Демократической Рабочей Партии // Соч.– Т. 12. – С.236.

19. Плеханов Г.В. Письмо г. Г. // Соч. – Т.12. – С. 496. – С.496.

20. Проект Программы социал-демократической группы «Освобождение Труда» (1884 г.)// Революция и РКП(б). В материалах и документах. Хрестоматия.Т.1. 1870-1900 гг. 2 изд., доп. М.-Л.: ГИЗ, 1925.− С.172-176.

21. Проект программы «Партии русских социал-демократов» (группы Благоева) // Революция и РКП(б). В материалах и документах. Хрестоматия.Т.1. 1870-1900 гг. 2 изд., доп. − М.-Л.: ГИЗ, 1925.− С.183-187.

22. Сорель Ж. Размышления о насилии / Под ред. и пер.В.М. Фриче. – М.: Книгоизд-во «Польза», 1907. – 163 с.

23. Стеклов Ю. Историческое подготовление русской социал-демократии / Страничка из истории русской социалистической мысли.– СПб.: Изд-во «Свободный труд»,1906.− 80 с.

24. Туган-Барановский М.И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 2-е изд. Редакция журнала «Мир Божий».– СПб., 1905.− 259 с.

25. Туган-Барановский М.И. Современный социализм в своем историческом развитии.– СПб.: Тип-я «Будущность», 1906.– 259 с.

26. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему.– СПб.: Энергия,1912. – 230 с.

27. Туган-Барановский М.И. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени.– СПб.: Тип-я Т-ва «Наш век», 1913. – 100 с.
28. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение.– Пгр.: Кооперация,1918. – 133 с.
29. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / Под ред. и с введением Д.Рязанова. 3-е изд.– Л., 1930.– 539 с.

В.Н. Чудомех

«ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ» КАК ОТРАЖЕНИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО СОРАЗВИТИЯ ИХ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ИДЕЙНЫХ ФУНДАМЕНТОВ

Аннотация. *В статье на примере «теории общественно-экономических формаций» К. Маркса и Ф. Энгельса показана необходимость обязательного учёта в научных исследованиях общественных процессов – их бинарной предопределённости, зависимости их течения и результатов от сочетаний и взаимопереплетений двух их принципиальных осевых составляющих, «материальных» и «идеальных» (идейных, идеологических, духовно-культурных и др.).*

Эта необходимость доказывается в статье также и на примерах таких общеизвестных общественно-исторических процессов, инициация, течение и подлинный смысл которых могут быть объяснены полноценно только при достоверном знании их истинной – «идеальной» мотививированности.

Ключевые слова*: история людей, общественные процессы, материальное и идеальное.*

In the article on the example of «the theory of socioeconomic formations» of K. Marx and F. Engels is shown the need of obligatory account in the scientific researches of public processes – their binary predefiniteness, the dependence of their current and results from combinations and mutually interlacings of two their basic axial components, «material» and «ideal» (ideological, spiritual-cultural and etc.).

In the article this need also is proved on the examples of such well-known socio-historical processes, the initiation current and true meaning of which can be fully explained only on the basis of reliable knowledge of their true – the «ideal» motivations.

Keywords: *history of people, public processes, material and ideal.*

Начало довольно стойкого философского интереса к обнаружению «что движет историю людей?» можно датировать вт. половиной XVIII века. В этот период времени французские социалисты-утописты Ж. Мелье, Г.Б. Мебли, Г. Бабеф и др. готовили идейное основание Великой французской революции, а в Германии свой концептуальный труд «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» издал И. Кант. Основное внимание в этом произведении уделено идейным, общественным и государственным фундаментам общественно-исторического развития, а история человеческого рода представлена как «тайный план природы» по осуществлению государственного устройства: а) совершенного и во внутренних и во внешних отношениях; б) как единственного состояния государства, в котором «природа» может развить все задатки, вложенные ею в человечество [1, с. 443]. В последующем подобным идеалистическим подходом к истории людей руководствовались: Г.В.Ф. Гегель, полагавший, что «истории» народов движут идеи рождённые «духом» народов, а также мн. другие философы XIX века, стремившиеся найти и предложить идею наилучшего устройства общества и государства (в их ряду, в частности: И.Г. Фихте, К.А. Сен-Симон, Ш. Фурье и Д.И. Писарев).

Во вт. половине XVIII века вышли в свет и философско-экономические труды А.

Смита и Д. Рикардо, заложившие первофундамент для появления в середине XIX века: и «политической экономии» и ещё одного направления философского поиска «движителей» истории людей – впоследствии названного «материалистическим». Оно формировалось в условиях нараставшей остроты проявлений классовых противоречий между нарождавшимися тогда классами рабочих, буржуа и капиталистов, и при непосредственном участии Ф. Энгельса и К. Маркса. Втянувшись в забастовочные процессы рабочих Германии в качестве разработчиков их идеологии (в виде «Манифеста» коммунистической партии и др. её программных заявлений), Ф. Энгельс и К. Маркс не могли не заметить: а) что главными и *очевидными* побудителями тогдашних рабочих Германии и др. стран Европы к проведению стачек и забастовок были *экономические* их отношения с владельцами средств производства; б) что при хорошей организации забастовок и стачек рабочие добивались своих экономических целей (частично или полностью); в) что хорошо организованные рабочие способны быть *силой*, активно воздействующей на общественно-исторические процессы, а соответственно и на ход истории людей. Всё это, вместе взятое (вполне очевидное)и подтолкнуло, по всей видимости, Ф. Энгельса и К. Маркса к фундаментальному исследованию общественно-экономических отношений и их влияния на историю людей. К тому же, все необходимые и достаточные предпосылки к именно такому их фундаментальному исследованию уже были созданы:

а) социалистами-утопистами XVIII-XIX века, рассмотревшими в своих трудах многообразные идейные подходы к поиску возможных механизмов воздействия на «движение истории» людей;

б) многочисленными последователями и критиками экономических трудов А. Смита и Д. Рикардо;

в) множественными философскими исследованиями истоков и причин неоднократных острых общественных конфликтов, происходивших в государствах Европы в XVIII веке на классовой основе, а также между обществами и властями в государствах;

г) периодическими волнами забастовочных процессов в Западной Европе: заметно усилившимися к середине XIX века, обретшими явную *экономическую* закономерность и ставшими вполне пригодными для натурного исследования в качестве практической модели – и истории классовых противостояний и их влияния на ход общественно-исторического развития государств.

Что же нового предложили К. Маркс и Ф. Энгельс в середине XIX века в рамках своего фундаментального исследования общественно-экономических отношений и их влияния на историю людей? Предшествующие им попытки социалистов-утопистов и др. идеалистов выявить и обозначить факторы, существенно влияющие на общественно-историческое развитие мира людей, базировались на таких принципиальных тезисах:

1) человек – продукт человеческой среды, чувственного мира и опыта людей, поэтому, чтобы изменить и человека и его жизнь, нужно, соответственно: изменить среду и законы государства, и само государство, и построить «разумное общество» [2, с. 255];

2) для понижения остроты социального неравенства людей, обусловленного культивируемой в обществах частной собственностью на землю и средства производства, а также «властной» структурой управления государствами, недостаточно одной лишь борьбы индивидов за свои общественные права и свободы, необходим путь всеобщего компромисса в реализации своих интересов и потребностей – и между членами и слоями обществ, и между обществами и властями в государствах;

3) реальной основой для такого всеобщего компромисса может быть последовательное совершенствование и моральных, и идейно-нравственных, и духовных устоев обществ и государств.

Осевую направленность своего исследования общественно-экономических отношений и их влияния на историю людей, К. Маркс и Ф. Энгельс задали цепью тезисов принципиально иного содержания:

1) материальным базисом существования всех обществ людей всегда была, есть и далее будет совокупность производительных отношений в них, а в основании надстройки над ним лежит совокупность – идеологических связей и отношений в обществах и государствах: политика, право, мораль, религия, философия, искусство, а также соответственные общественно-идеологические институты – партии, церковь и др. [2, с. 101].

2) исторические формы общественного производства развиваются и сменяют друг друга лишь по мере развития и изменения производительных отношений, экономические отношения развиваются в рамках тех же производительных отношений и, прежде всего – в результате прогресса производительных сил [4, с. 322];

3) исходя из наличных знаний истории людей, можно выстроить следующий ряд исторически менявшихся форм общественного производства: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую;

4) новые виды производительных отношений, последовательно зарождавшиеся в этих общественно-экономических формациях, приводили к образованию в обществах новых доминантных общественных классов, которые в свою очередь затем становились порождателями общественно-экономических формаций – с более высоким уровнем общественно-экономических отношений.

Такое концептуальное видение К. Марксом и Ф. Энгельсом главных «движителей» истории людей и последовательности хода истории людей весьма убедительно (соответствует ходу истории западной цивилизации), тем не менее, и противопоставить ему можно довольно многое. В частности:

1) во многих цивилизациях мира не было системно-организованной «рабовладельческой общественно-экономической формации» (на что обращали внимание К. Маркса и Ф. Энгельса ещё их современники);

2) многие цивилизации мира и в XX веке игнорируют «объективную» (по мнению К. Маркса и Ф. Энгельса) необходимость в построении «капиталистической общественно-экономической формации» для своего успешного развития в современном капитализированном мире людей;

3) при всех былых сменах «общественно-экономических формаций» в западной цивилизации, структура и существо власти в западных государствах принципиально не менялась: она всегда была у меньшинства, которое всегда использовало материальный базис государств в своих интересах и направляло его развитие на удовлетворение – именно своих интересов и потребностей;

4) в гипотетических попытках представить последующие общественно-экономические формации, должные «теоретически закономерно» сменить «капиталистическую формацию», К. Маркс и Ф. Энгельс соответственно рассматривали «империалистическую» и «коммунистическую формацию», однако история человечества с конца XX века отчётливо демонстрирует, что тезис о «линейности истории», на который опирались К. Маркс и Ф. Энгельс в своей «теории общественно-экономических формаций», методически подвёл их точно так же, как и многих других создателей «теорий общественного развития». Ведь История людей не только «движется вперёд», она может и «останавливаться» и «поворачивать» – и «вбок» и «вспять» [3, с. 65].

В объяснении природы «генезиса новых общественно-экономических формаций» К. Маркс и Ф. Энгельс опирались также и на *законыдиалектики*, предложенные Г.В.Ф. Гегелем, а поскольку тогда полагалось, что они универсальны для всех сфер бытия, то ничем дополнительным своё объяснение природы «генезиса новых общественно-экономических формаций» К. Маркс и Ф. Энгельс не аргументировали (вероятно, сочли его вполне достаточным: «закономерное» предписано «законом», а закон – *объективен*).

То есть, при строгом критическом подходе к «теории общественно-экономических формаций», предложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом, можно заметить, что зарождения и смены «общественно-исторических формаций» объясняются в ней действием, главным

образом, материальных и социальных факторов (совокупностью отношений людей в материальной и в социальной сфере своего общественного бытия), а духовные отношения людей (культурные, религиозные, национальные и др.), не менее существенные для состояния, содержания и развития общественного бытия людей, изначально трактуются как *производные* от материального общественного базиса и *зависимые* от его содержания.

В корректности именно такого видения К. Марксом и Ф. Энгельсом *духовной сферы* общественного бытия людей вполне логично усомниться. Содержание «материальных отношений» могло исторически меняться только в том случае, если: 1) кто-то и почему-то вынужден был это делать; 2) кто-то придумывал и предлагал эти изменения, а также доказывал их общественно-историческую необходимость; 3) общества кем-то и чем-то побуждались к существенным изменениям в содержании своего материального и социального базиса и в итоге соглашались на них или смирялись с ними (все общества людей консервативны в этом плане и «тяжелы на подъём к новому»).

Логичность вышеприведённых критических замечаний по методическим основаниям «теории общественно-экономических формаций» К. Маркса и Ф. Энгельса доказывает реальная история людей. К примеру, методически игнорируя «духовные порывы» людей, то есть «идеальное», крайне трудно корректно объяснить: а) почему цивилизация западная с XIV века развивалась столь стремительно и к середине XX века превзошла по уровню развития все цивилизации иные; б) почему в человеческой истории появилась эпоха «Нового времени» (эпоха реализации новых целей и задач в развитии человечества).

Феномен стремительного исторического развития западной цивилизации довольно легко проясняется при сравнении уровней былого развития в мировых цивилизациях – *философии*. Она исторически одновременно зарождалась в трёх пространственно разнесённых местах земного шара – в Др. Греции, Др. Индии и Др. Китае. Но эти «параллели духовного порыва людей» (термин К. Ясперса), бывшие подобными в своих исходных началах, впоследствии «разошлись» [5, с. 42].

За два столетия своего творчества философы Др. Греции заложили такой философский фундамент для дальнейшего познания мира, человека, общества, государства и природы, который и ныне поражает своим потенциалом. На нём формировалась «христианская» философия, на нём же выстраивались первоначала «западноевропейской» философии, и далее именно её представители предопределяли направленность развития человеческого бытия. На доподлинную роль философии в истории человечества указывает сопоставление уровней развития экономики, науки, техники и технологий, достигнутых к началу XX века – Европой, Индией и Китаем. Там, где философия непрерывно развивалась во времени, а её творческие продукты были всеобъемлющими и востребованными в обществе, там и происходили быстрые качественные изменения в человеческом бытии.

Бесспорным доказательством этого является и эпоха «Нового времени». Её идейный фундамент разрабатывался философами инициативно, и в него они закладывали не только представления о «лучшем», сложившиеся в прошлом, но и представления о «лучшем», которое возможно будет реализовать – в *перспективе*. Подготовка такого идейного фундамента эпохи Нового времени, начатая философами в XV-XVI веках, одновременно сочеталась с проработкой ими и нужных путей и нужных средств для реализации её целей и задач, вытекавших из имевшегося тогда у человечества опыта применения своих знаний и умений для преобразования себя-бытия.

В сжатом виде тогдашнее философское видение целей и задач эпохи «Нового времени» сформулировал Ф. Бэкон (начало XVII века): её осевая цель – прогрессирование людей во всех сферах своего бытия, а её главная задача – формирование качественно новых: людей, обществ, государств и отношений людей с природой. Предложением данной концепции «Нового времени» философская мысль XVI-XVII века не ограничилась, ведь далее нужно было активно просвещать и убеждать людей: и в их способности построить «новый мир людей» и в исторической значимости его построения ими. Потому, что «идеи» и

«идеалы» *нематериальны* и «двигать историю» они могут лишь тогда, когда они (согласно В.И. Ленину) – «овладеют массами».

Люди всегда объединялись в «общества» не только из-за необходимости материального обеспечения своего существования и его защиты от «обществ других», но и для сохранения и совершенствования «человеческих» своих качеств. В каркасах общественных объединений людей наряду с материальными есть множества и многообразных *идеальных* скреп: а) социальных, созданных и совершенствуемых разумом людей; б) религиозных, национальных, историко-культурных и цивилизационных, созданных и совершенствуемых духом людей; в) духовнокультурных, морально-этических и мировоззренческих (задающих цели и смыслы бытия людей в «обществах»). Помимо этого, в устои «обществ» людей обязательно включается некое «идейное» представление о *человеческихкачествах*, должных быть у их представителей (эти качества задаются общественными нормами, а также общественной моралью, нравственностью, идеологией и общественным воспитанием). К вышеперечисленному «идеальному» следует также добавить всегда присутствующие в человеческой среде «идеальные образы» – какими могут быть в развитии человек, общество, государство и род человеческий.

На силу таких *идеальных* скреп общественных объединений людей указывают не только былые изменения и трансформации «общественно-экономических формаций», происходившие в западной цивилизации с древнегреческих времён, но также и другие исторически существенные моменты в её многостолетней истории. В частности:

– все трансформации «общественно-экономических формаций» в западной цивилизации предварялись расширением и обострением борьбы людей в «обществах» за уважение своих человеческих прав и свобод;

– смене «рабовладельческой общественно-экономической формации» на «феодальную» в западной цивилизации предшествовало утверждение в ней *христианских* представлений о правах, свободах и ценностях людей;

– в принципиальных истоках гражданской войны в США в 1861-65 годах (между Севером и Югом) лежала не материальная, а *морально-нравственная* мотивация. Это было сражение с уже постыдным для западной цивилизации того времени – *рабовладельческим* укладом жизни «южан», с закабалением людей для работы и с попранием их *естественных* прав и свобод.

Заключение. «Теория общественно-экономических формаций», предложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине XIX века, бесспорно, была прорывной в познании и понимании роли экономических и производительных отношений в формировании материальных и социальных базисов государств, и до пер. половины XX века считалась вполне надёжной для применения при формировании направленности общественно-политических процессов в западной и в других мировых цивилизациях. Однако бурная история XX века отчётливо продемонстрировала: главный постулат этой «теории» – о *закономерности* смены «капиталистической общественно-экономической формации» на иную – не соответствует реальной общественной практике и фактически «декларативен».

Причина такого «приговора истории» методическая. Все процессы, идущие в среде людей, задумываются, активируются и направляются ими самими, поэтому во всех процессах, идущих в среде людей, есть две неизменные составляющие – и «материальная», и «идеальная» (это развивающиеся во времени: идеи и идеалы бытия людей, знания и опыт людей, их мировоззрения и т.д.). Взаимосочетания и взаимопереплетения этих составляющих *историчны* (примеры выше), они многовариантны и итоговые исторические результаты их предопределяет – что доминантно в момент их взаимосочетания и взаимопереплетения, «материальное» или «идеальное». Кроме этого, доля «субъективного» и «идеального» в общественно-исторических процессах постоянно возрастала во времени и «материальные» их закономерности постепенно замещались – «общественно-историческими», базировавшимися на идеях, идеалах, морали, культурных традициях и т.д.

Ввиду такой многосложности общественно-исторических процессов, при их исследованиях рационально «бинарное» их исследование – параллельное исследование их «материальных» и «идеальных» составляющих, а также взаимосочетаний и взаимопереплетений этих их составляющих во времени. При таком «бинарном» исследовании общественно-исторических процессов их былая и текущая сущность могут быть выявлены более надёжно и полноценно.

Список использованных источников

1. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (выдержки) / И. Кант // Мир философии. Книга для чтения. Часть 2. Человек. Общество. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 435-444.

2. Советский энциклопедический словарь. Под ред. А.М. Прохорова. – М.: «Советская энциклопедия», 1981. – 1600 с.

3. Чудомех В.Н. Бытие людей в космогоническом контексте: генезис, фундаменты и потенции. В 2-х томах. Т.1. Проблематика познания Бытия людей как космогонического феномена / В.Н. Чудомех. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 256 с.

4. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия (в 4-х томах). Том 4 «Социология». – М.: «Советская энциклопедия», 1980. – 672 с.

5. Ясперс К. Смысл и предназначение истории / К. Ясперс. Пер. с нем. Изд. 2-е. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

Шатохина Н.П.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ О РЕВОЛЮЦИИ КАК ДВИЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА К ИСТИННОЙ СВОБОДЕ (ОТ МАРКСИЗМА ДО СВОРЕМЕННОСТИ)

This article discusses the motives of all revolutionary transformations that are directly associated with the human desire to gain true freedom. A comparative analysis of the concepts of "freedom", "tyranny", "permissiveness", the boundaries between their definitions. World history shows that long some people have enslaved others, and the revolutionary transformation often led to negative consequences because, in their desire for freedom, people were not taken into account the principle of non-violence. Among the main arguments cited to justify this concept, were either recourse to the higher mind, or the laws of nature, with its natural selection. At all times freedom was made up of several levels that make up the main spheres of human activity. Freedom or spiritual freedom was the first layer in the hierarchy. It provided a positive realization of the emotions and abilities, unlimited will. Spiritual freedom, each chooses, this is the prerogative of the individual. External freedom gave the right to be free from social conventions, to do things with full responsibility for their consequences. Civil liberties in the traditional sense is protecting the rights of every individual, and protects political freedom from the oppression of political regimes. There is no doubt that the basis of any revolutionary transformation lies the indomitable desire for freedom, grown for centuries in the consciousness of humanity is akin to a deep-rooted archetype. But, stepping on the shaky ground of revolutionary transformation, it is important to remember the extent of personal liability and the threat of escalation of the freedom of the will in an act of tyranny.

Жизнь невозможна без революций, как преобразований бытия. Революция движет вперед в какой бы форме и с какими бы последствиями она не проявлялась. Но, мало кто задумывается что лежит в основе, в корне любого стремления к новому. Это не просто желание выразить свою индивидуальность, что-то поменять в своей жизни, это извечное стремление индивида к свободе воли, к нахождению путем революции свободы истинной. Впервые представление о революции развилось в русле теории марксизма на основе диалектического закона о преобразовании количественных изменений в качественные.

В современном обществе проблема свободы приобрела совершенно иной статус. В условиях техногенной революции и глобализации данный аспект имеет особую значимость, поскольку только с его помощью можно переосмыслить место нынешнего человека в онтологической картине мира, его роль и позицию. Ученые-психологи также активно обсуждают эту проблему, разрабатывают ее на теоретическом и эмпирическом уровнях. Тот научный интерес, который преследуется исследователями личности в отношении свободы, емко выражен в определении Л. Хьелла и Д. Зиглера: «Один из главных вопросов, имеющих отношение к человеческой природе, касается той степени внутренней свободы, которой люди обладают в выборе направления своих мыслей и поступков, а также в осуществлении контроля над своим поведением» [6 , с. 41].

Представители марксизма понимали свободу как познанную необходимость, позволяющую человеку господствовать над силами природы. Среди современных исследователей которые осмысливают проблему свободы в рамках новаторских философских теорий в связи с революционными событиями современности, можно назвать М. И. Бобневу, Б. Х. Бчажокова, И.А.Ватель, М. Д. Гвишиани, А.М.Гендина, А.С.Готта, В.Е.Давидович, Ф.И.Ерешко, Э.В.Ильенкова, Б.М.Кедрова, И. С. Кона, В.И.Кремянского, Л.А.Леонтьева, С.Я.Лурье, А.Н. Макову, А.А. Мерзлякова, А.Д. Сахарова, П.И.Симуш, В.А.Тишкова, А.Б.Толстого, В.С.Тюхтина, Э.М.Чудинова, М.П. Яценко. Все они анализируют феномен свободы с позиции социального явления определяющего личностный выбор, позволяющего самоутверждаться в мире кризисов и виртуализированного общения. Однако этого недостаточно для того, чтобы объективно сформулировать основные факторы реализации свободы воли в сложном и многомерном пространстве современного социального вакуума.

Всемирная история показала, что всегда одни народы порабощались другими, одни люди делали других своими рабами, и всегда рано или поздно порабощенные освобождались от этого гнета, негодуя против произвола и несправедливости. Однако, само понятие справедливости, у которого также как и у свободы нет единой формулировки, принимало противоречивые интерпретации. Многие ученые и даже философы, находили, что порабощение не просто приемлемо, но и оправдывается устоем общественных отношений, иерархическим строем жизни. Среди существенных доводов, приводимых в оправдание данной концепции, были либо обращения к высшему разуму, либо к закономерностям природы с её естественным отбором. Так или иначе, страдая от воли Божества или природной неизбежности человек несвободный, отягощенный обязательствами с самого рождения не имел права выбирать жизненную позицию и заявлять о своих правах.

В настоящем формально только закон ограничивает свободу индивида, но так ли это на самом деле фактически? В своей статье "Феномен отчуждения в эпоху глобализации" Е.В. Куняшова пишет: "Современная эпоха показывает, что человек отчужден от природы, от общества и самого себя. Однако, он обладает большей свободой, чем в прежние времена" [5, с.85]..

Но, можно ли считать свободой состояние духовной деградации в которой пребывает современное общество, исповедующее свободу без границ?Безусловно, не стоит отрицать моральный долг и этические нормы, они "как бы" присутствуют, но о них помнит далеко не каждый.

Во все времена свобода слагалась из нескольких уровней, составляющих сферы основной жизнедеятельности человека. Свобода духовная или свобода внутренняя - была первым слоем в этой иерархии. Она обеспечивала позитивную реализацию эмоций и способностей, неограниченное волеизъявление. Духовную свободу каждый выбирает сам, в этом заключена прерогатива личности. Внешняя свобода давала право освободиться от общественных условностей, совершать поступки со всей ответственностью за их последствия. Гражданская свобода в традиционном понимании защищает права каждого индивида, а политическая свобода охраняет от гнета политических режимов.

Как уже отмечалось ранее, в современном социуме человек несвободен по определению. Парадокс предоставляемой обществом свободы действий заключается в одновременном её ограничении с помощью глобальной универсализации. Виртуальное пространство, заполняющее собой пространство физическое, порождает новую иллюзорную свободу, дает неверное толкование жизни, искаженное представление о реальности. О феномене свободы написано немало философских трудов, так или иначе его проблема освящена практически в каждой философской теории. Свободу изучали как идеальное теоретическое понятие отвлеченное от объективной действительности. Рассматривали свободу и как необходимое условие жизни индивида, свойство его существования. Но, несмотря на повышенный интерес к проблеме свободы достаточно мало говорилось о взаимообусловленности стремления к воле и непреложности силы созидания. Но, как справедливо замечает В.Ж. Келле: " Культуротворческая деятельность неотделима от свободы. Признанием общественной значимости принципа свободы творчества является его включение в правовые системы всех демократических государств. Чтобы творить, человек должен обладать свободой [3, с.45]. Связать воедино свободу и творческий порыв в некоторой степени смогли только представители экзистенциализма. В русле экзистенциальной теории свобода представлялась как единственно-возможное условие выхода из порочного круга социальных запретов и заранее предуготованного бытия. Она являлась воплощением метафизического бунта перешедшего из внутреннего мира автора в произведение творчества. Чтобы понять насколько тесно свобода соприкасается актом созидания недостаточно останавливаться только на процессе творчества, необходимо охватить более широкое поле исследований.

Новое - как результат цепочки непрерывного развития и прогресса, всегда было и будет главным двигателем жизни. Жизнь воистину немыслима без новообразований, само начало жизненного пути уже есть новым витком бытия, новой неповторимой линией судьбы. Это значит, что новое коренится не только в творчестве, оно выходит за пределы самореализации, охватывает вселенские просторы. Природа подвержена постоянному обновлению, все земные структуры и системы перевоплощаются, меняются и переходят на новый уровень организации. Этот же закон действует и за пределами планеты, ничто не стоит на месте, не может быть неизменным. Движение -синоним всего нового, охватывает каждую частицу макрокосма, незримо присутствует во всем. Свобода не существует отдельно от личности, но её потенция заложена во всех окружающих нас предметах. Изначально, человек подвержен сремлению освобождаться от любого гнета, сбрасывать оковы запретов и табу. Создание нового есть особым проявлением свободы, имманентным человеческой натуре. Всемирная история народов красноречиво демонстрирует, что сама идея свободы являлась путеводной звездой для многих из них в сложных временных коллизиях. Без свободы немыслимым было бы само течение жизни, поскольку непрерывный застой невозможен. "В жизни обществ наступают времена, когда революция становится необходимостью. Повсюду зарождаются новые идеи: они стремятся пробить себе дорогу, осуществиться на практике, но постоянно они сталкиваются с сопротивлением тех, кому выгодно сохранение порядка" [4, с.387]. Но чем больше преград преодолевают революционные веяния на своем пути, тем неизбежнее становятся перемены.

Свобода не ограничивается только революционными порывами, новыми политическими и идеологическими веяниями. Свобода, как уже отмечалось выше, имманентна самой природе и, вследствие этого, трансцендентальна, априорно заложена в сознании каждого индивида. Она необходима человеку как воздух, но не стремиться к ней он, практически не может, вследствие её предопреленности, влияния на людскую сущность. В мире не существует единого образца свободы или хотя бы способов стремления к ней. Каждый из нас сам находит эти способы и по-своему решает проблемы условностей стоящих на пути к свободе. Найти свободу - это тот призыв который объединяет миллионы людей в единое целое, и в то же время разопщает их, выступая в разных иднидивидуально-личностных

ипостасях. Человек чувствует себя ущемленным когда ограничивают его право на свободу, даже в том случае, если такая ситуация дает ему определенные выгоды. Трансцендентальность свободы обуславливает стремление человека к инновационным изменениям. То, что априорно заложено в структуре сознания, незримо воздействует на волеизъявление, побуждает к новому. Свобода одновременно и знакома каждому из нас и далека как манящее видение. Сакральность самого понятия свободы неопровержима, доказана многовековой историей человечества. Но если человек прошлого не забывал о своих корнях, свято чтил предков, то человек настоящего устремлен только в будущее, которое его и страшит, и вместе с тем манит. Человек настоящего оторвался от уз связывающих его с родом, но, сам при этом оставить что-либо потомкам, он не в силах. Ивин А.А. пишет: "Темп происходящих в современном обществе перемен все убыстряется, и кажется, что теперь под угрозу может быть поставлена сама глубинная природа человека" [1, с.5]. Свобода купленная такой ценой представляет сомнительную ценность.

Рассматривая проблему свободы как основной мотив всех революционных преобразований в целом нельзя обойти вопрос влияния на ее формирование так называемых этнических и культурных факторов. Человека считали то свободным от рождения, то рабом причинной необходимости, то заложником происхождения и уровня образованности. В Древнем Риме даже бытовало мнение, что свободу можно купить за деньги, из раба превратившись в вольноотпущеника. Но, абстрагировавшись от разных веяний и представлений прошлого, следует заметить об одном общем свойстве характеризующем свободу: она всегда - преодоление чего-либо, смена форм жизни. Преодолевая трудности, человек попадает из одной несвободы в другую, которую снова пытается преодолеть. Создается впечатление, что в круге этой дурной бесконечности, свобода есть всего лишь временное душевное состояние, далекое от звания абсолюта. Только ребенок с его детской непосредственностью и наивностью, кажется способен постоянно ощущать свободу, поскольку ещё не может сознательно бороться с трудностями, делать личностный выбор. Так, что же свободу стоит считать не более, чем иллюзией?

Все научные и в частности, философские теории, сходятся в том, что свобода выбора все же есть у каждого из нас. Она заложена самой природой, которая творит реальность на всех своих уровнях, именно осуществляя выбор. Обращаясь к Н.А. Ильиновой, цитируем: "Свобода сознания есть та стихия, в которой рождается сама Мысль о Сущем как такой опыт человека, которому имманентны все его основания, и который делает очевидным духовное ядро антропо-онтологии" [2, с.36]. Свобода есть внутреннее побуждение, а не внешние обстоятельства. Она всегда направлена на что-то, должна избавить нас от чего-то, что мешает душевной гармонии. В современном социуме каждый индивид проходит школу выживания, где побеждают только беспринципность и прагматизм. Свобода стала орудием для стяжательства и власти. За обычными формулами доброжелательности и вежливости кроются хищнические инстинкты и повадки. Эгоизм давно уже перешагнул черту здорового принятия себя как индивидуальности, он разрушает не личность, а человеческие институты. Мнимый лозунг о полной свободе в XXI веке не оправдывает себя на практике. Революция во взглядах на политику, экономику, культуру, духовность порабощает внтуреннюю свободу, потому как человек сам становится пленником своих страстей, заложником лени, пагубных привычек, бесполезного существования.

Бесспорно, что истинной свободой можно назвать только такую форму свободы, которая не причиняет вреда ближним и самому себе, несмотря на то что проявляется она в революционных трансформациях.. Каждый из нас рождается для того, чтобы самому избрать верный жизненный путь, порвать всевозможные оковы на пути к свободе, заявив о себе как о личности. Человек, как птица без крыльев, немыслим без стремления к независимости, без желания разобраться в сложном сплетении жизненных коллизий, найти истину и победить несправедливость. Однако свобода легко может перейти в произвол и вседозволенность, руша веками сложившиеся устои, законы и мораль общества. По сути свобода – это

способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на воздействие объективной необходимости, а произвол – есть своеволие, самовластие, необоснованность, анархия, все не подлежащее наказанию и пресечению. Мера свободы людей в каждую историческую эпоху определялась уровнем развития экономики и техники, научными открытиями и изобретениями, политическим строем, социальным балансом, тогда как произвол не имел и не имеет меры, он не ограничен в своем разрушительном влиянии. Вседозволенность помещается между свободой и произволом, она нечто среднее, промежуточный этап между двумя полярными полюсами.

Производя сравнительную характеристику понятий «свобода», «вседозволенность», «произвол», важно отметить, что они различны не только по теоретическому значению, но и в своих проявлениях на практике. Свобода, как ее понимает отдельный индивид, легко может перерасти во вседозволенность, а затем и в произвол. Свобода, произвол, вседозволенность – выстраиваются в своеобразную лестницу, восхождение по которой приводит к негативным последствиям. С другой стороны, так называемая лестница, имеет целый ряд ступеней, замыкающих ее с другого конца. Это – неволя, несправедливость, притеснение, ограничение. Иными словами, свобода как центральное, искомое понятие, оказывается в центре.

Итак, бесспорно, что понимание революции как стремления к свободе существенно трансформировалось со времен развития идей марксизма. В основе любых революционных преобразований лежит неукротимое стремление к свободе, веками произрастающее в сознании человечества сродни укоренившемуся архетипу. Но, ступая на зыбкую почву революционных трансформаций, важно помнить о мере личностной ответственности и угрозе перерастания свободы воли в стихийный произвол.

Список использованных источников

1. Ивин А. А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов/ А. А. Ивин.– М.: Высш. шк., 2005.– 440 с.

2. Ильинова Н.А. Воображение и проблема свободы сознания: экзистенциально-онтологический аспект / Н.А. Ильинова // Вестник Волгоградского государственного университета - 2016 - № 1(31) - С. 36-42.

3. Келле В.Ж. Культура и свобода / В.Ж. Келле // Философский журнал - 2008. - № 1. - С.44-53.

4. Кропоткин П.А. Этика /П.А. Кропоткин., М.: Издательство политической литературы, 1991. - 404 с.

5. Куняшова Е.В. Феномен отчуждения в эпоху глобализации / Е.В. Куняшова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история; - Новосибирск, СибАК, 2016. - № 6-7 (57). - Ч.1. - С. 81. - 85.

6. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер; - СПб, ПИТЕР, 2002. – 608 с. – (Мастера психологии).

Шахин Ю.В.

ОБЩИЙ И КЛАССОВЫЙ ИНТЕРЕС В ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВА У МАРКСА

Аннотация*В «Немецкой идеологии» Маркс показал, что государство является не только инструментом классового господства. Оно также является инструментом, через который находят выражение общие потребности живущих в классовом обществе индивидов. Такой общий интерес опосредуется классовым господством и приобретает внешний характер, противостоящий обществу. Однако этот механизм является лишь возможностью. Только классовая борьба может заставить государство выразить общий интерес. Именно по этой причине Маркс настаивал, что всякая классовая борьба приобретает в классовом обществе политический характер.*

Resume*In the "German ideology" Marx showed that the state is not exclusively an instrument of class domination. It is also a tool of expression for common needs of individuals living in a class society. Such a common interest is mediated by class domination and acquires an external character opposed to society. However, this mechanism is only a possibility. Only class struggle can force the state to express a common interest. It is for this reason Marx insisted that every class struggle takes on a political nature in class society.*

Бытует мнение, что всё учение К. Маркса и Ф. Энгельса о классовом характере государства давно и хорошо известно, потому что оно систематизировано и достаточно популярно изложено в работе В.И. Ленина «Государство и революция» [1], и что здесь невозможно сказать что-либо новое. Однако это не совсем так. Некоторые аспекты взглядов основателей марксизма на данную проблему из книги Ленина узнать нельзя. Работая над «Государством и революцией» он не был знаком с «Немецкой идеологией». Это раннее произведение Маркса и Энгельса в своё время не увидело свет, и было опубликовано лишь в 1932 году. Хотя оно неоднократно переиздавалось в СССР, ряд содержащихся там утверждений Маркса не нашел должного освещения на русском языке. Хотя цитируемые далее места были написаны только рукой Маркса, они с Энгельсом осуществляли совместную работу над текстом, и потому мы в дальнейшем будем говорить о Марксе и Энгельсе.

Теория народного суверенитета, во всяком случае, на своих ранних этапах, учила, что государство есть средство реализации общего блага, общего интереса. Как ни странно на первый взгляд, но нечто подобное обнаруживается и в «Немецкой идеологии». Маркс и Энгельс пишут, что государство есть та форма, «в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое» [2, с. 63]. В другом месте они констатируют, что в классовом обществе существует противоречие между частным и общим интересом и заявляют: «Именно благодаря этому противоречию между частным и общим интересом последний, в виде *государства*, принимает самостоятельную форму…» [2, с. 30]. При этом, в предшествующем по тексту абзаце, рассматривая противоречие между общим и частным интересом, они не упоминают о классах и берут индивидов как некую целостную совокупность и подчеркивают, что общий интерес существует «в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд» [2, с. 29]. Таким образом, Маркс и Энгельс совершенно определенно полагали, что через государство реализуется общий интерес всех классов. Однако же в другом месте «Немецкой идеологии» они не менее определенно заявили: «Так как государство есть та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой всё гражданское общество данной эпохи находит свое концентрированное выражение, - то из этого следует, что все общие установления опосредуются государством, получают политическую форму» [2, с. 74]. Здесь государство рассматривается как средство реализации общего интереса только господствующего класса.

Безусловно, Маркс и Энгельс были правы, когда утверждали, что государство опосредует реализацию общего интереса и всеобщим установлениям придает политическую форму. Примеров тому можно приводить немало. Скажем, борьба с заразными болезнями нередко в равной степени интересует как эксплуатируемых, так и эксплуататоров. Так в прошлом оспа, которая, в отличие от туберкулеза, не является болезнью бедных, косила всех подряд. Ее победили путем всеобщих вакцинаций, причем их организатором выступало именно государство. Есть и другие примеры. Современное общество не может функционировать без единой системы стандартов. Она, вполне вероятно, останется и при коммунизме. Однако сейчас в классовом обществе стандарт обязательно является государственным – ГОСТ. Так же как стандарты современному обществу нужна хорошо налаженная статистическая служба. Потребность в ней есть общая потребность

материального производства, без различия какое классовое место занимают в нем те или иные люди. Эту потребность тоже удовлетворяет государство. Кстати говоря, одна из многочисленных ироний истории состоит в том, что в царской России с ее неразвитым гражданским обществом существовала негосударственная статистика, а в современной капиталистической России статистика полностью огосударствлена.

Уже пример статистики показывает, что в том обществе, где существует государство, любые общие установления не имеющие никакого отношения к подавляющей функции государства, приобретают политическую форму, т.е. реализуются посредством государства. Еще один ярчайший пример – служба здравоохранения: тысячами поликлиник, больниц, амбулаторий и прочих учреждений руководит министр. В бесклассовом и безгосударственном обществе здравоохранение будет исключительно делом добровольных союзов граждан. Поэтому наши потомки будут смотреть на нашу систему здравоохранения с таким же удивлением, с каким мы смотрим на земледельцев древней Месопотамии, где полевыми работами руководили храмовые жрецы.

Может сложиться впечатление, что в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс придерживались совсем других взглядов на природу государства, чем в своих более поздних работах. Ведь они утверждали, что через государство находит свое выражение не только общий интерес господствующего класса, но и так сказать общий общественный (всеобщественный) интерес. Однако более внимательное прочтение «Немецкой идеологии» показывает, что никакого противоречия здесь нет. Потому что на этом ее авторы не останавливались. Обычно в этой точке, то есть на приведенной здесь констатации, останавливаются социал-демократы, в том смысле, какой приобрело это название с 1920-х годов, и сталинисты. И первых и вторых восхищает, что государство есть форма, через которую реализуется общий интерес. Первые полагают, что это возможно лишь благодаря системе выборов и народного представительства, и они закономерно кончают буржуазным либерализмом, а для вторых ценна данная особенность государства сама по себе. Заканчивается это для сталинистов культом государства. Марксизм идет дальше и вскрывает глубинную противоречивую сущность этой формы. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс подчеркивали, что государство это мнимая, иллюзорная форма общности, враждебная эксплуатируемым, потому что государство возникает на основе интересов господствующего класса [2, с. 30]. Более того: «Мнимая коллективность [это о государстве! – Ю.Ш.], в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя как нечто самостоятельное, а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы» [2, с. 61]. Таким образом, общий интерес в классовом обществе проявляется только через особую организацию господствующего класса, которая враждебна угнетаемым. Даже будучи средством реализации общего интереса всех государство не перестает быть органом классового господства, подавления тех, чей интерес оно порою реализует. Из этого также следует, что оно *может* при известных условиях, но *не обязано* и *не должно* давать ход этому интересу и воплощать его в своей политике. Таким известным условием, принуждающим аппарат господства эксплуататоров воплощать в жизнь интересы эксплуатируемых является классовая борьба. Поэтому в «Немецкой идеологии» государство рассматривается не просто как орган господства класса, но и как сфера или поле, в котором ведется борьба между классами: «…Всякая борьба внутри государства – борьба между демократией, аристократией и монархией, борьба за избирательное право и т.д. и т.д. – представляет собой не что иное, как иллюзорные формы… в которых ведется действительная борьба различных классов друг с другом» [2, с. 30]. Именно из этого Маркс и Энгельс потом выводили необходимость завоевания политической власти пролетариатом.

После этих теоретических наблюдений нужно подчеркнуть, что в отличие от основателей марксизма их последователи обычно игнорировали идеи о государстве, как о выразителе общего интереса или предавали им мало значения. В результате на этом

упущении активно спекулировали и продолжают спекулировать различные ниспровергатели марксизма. Например, В.С. Грехнев в учебнике по социальной философии, подготовленном профессорами МГУ, утверждает со ссылками на Карла Поппера, что марксистская теория не в состоянии объяснить характер современного государства «когда государственная власть становится все более и более институциональной, то есть основанной на общеправовых формах действия организацией по управлению делами общества. Именно этот момент подчеркивают и многие другие современные ученые, которые рассматривают государство политической формой организации общества, регулирующей отношения людей посредством права» [3, с. 422]. Как видим, прием очень прост: государство все чаще берет на себя функцию выражения всеобщественного интереса, и марксизм будто бы не может объяснить это явление в рамках теории о государстве, как инструменте классового господства. Но еще более любопытно, что тот же самый прием используют сталинисты, чтобы подвергнуть ревизии марксизм и доказать, что государство никогда не отомрет: есть всеобщественные интересы, а они выражаются через государство, при социализме таких интересов будет еще больше, следовательно, потребность общества в государстве только возрастет, и государство останется. Усилия всех таких критиков и ревизионистов из числа левых либералов и сталинистов только подтверждают старую истину: марксизм отвергают лишь те, кто его не знает или не хочет знать.

В то же время мы должны сделать вывод, что государство по Марксу и Энгельсу это не только орудие классового господства, но и способ превратного выражения общих потребностей представителей всех классов.

Список использованных источников

1. Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – М., 1969. – Т.33.

2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 9-и томах. - М., 1985. - Т.2.

3. Социальная философия. Учебник / под ред. И.А. Гобозова. – М., 2003.

Яковлева Е.С., Калашникова Е.Б.

ЗАРОЖДЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Необходимо начать с того, что появление и пропаганда марксистских взглядов среди рабочего движения и разночинцев значительно предрешило историю нашей страны конца XIX-XX веков. Тем самым становится ясным заинтересованность учёных к данному вопросу. Наряду с этим, длительное время указанная проблема трактовалась только лишь с официально признанных идеологических установок. На сегодняшний день существует возможность более критично анализировать данный вопрос.

Следует отметить, что в 1883 году в России впервые возникла марксистская группа, организованная Г.В. Плехановым. При этом ранее организатор был народником, однако, познакомившись в эмиграции с теорией К. Маркса, он порвал с народничеством и стал выдающимся пропагандистом марксизма [4, с. 127].

Нужно заметить, что у рабочего класса в России возрастали силы со становлением капитализма, приобретал способность к организованной революционной борьбе. Однако народники не осознавали его прогрессивной роли. Они допустили ошибку в предположении, что основной революционной мощью является крестьянство, не догадываясь, что без объединения с рабочим классом одни крестьяне не смогут победить самодержавие.

При этом Г.В. Плеханов утверждает, что главная задача революционеров не заключалась в том, чтобы замедлить развитие капитализма, а в том, чтобы развить сознание рабочего класса, организовать его и посодействовать созданию своей рабочей партии. Вставая на защиту теории К. Маркса и ее возможность использования в России, он

доказывал, что именно на пролетариат и его подъём революционеры должны возложить свои большие надежды.

Серьёзным шагом к образованию марксистской социал-демократической партии в России послужили два проекта группы «Освобождение труда» (первый в 1884 году и второй в 1887 году). Необходимо отметить, что и здесь присутствовали ошибки: в первом проекте ещё оставались народнические убеждения (индивидуальный террор). При этом Г.В. Плеханов не предусмотрел, что победа над царским режимом будет одержана исключительно союзом пролетариата и крестьянства. Следует заметить, что в некоторых своих работах он совсем не брал в расчёт крестьянское население: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации». Такая ошибочная позиция в дальнейшем стала началом его меньшевистских взглядов[5].

Главной заслугой Г.В. Плеханова являлась критика программных установок народничества. В 1883 году он публикует брошюру «Социализм и политическая борьба», а в 1885 году - «Наши разногласия». В данных работах, резюмируя новые события социально-экономической жизни России, Г.В. Плеханов показывает идеалистическую природу убеждений народников на исторический процесс, неосуществимость их социалистической теории [1, с. 381].

Увлекаясь учением К. Маркса, Г.В. Плеханов сделал вывод о несостоятельности народнического мировоззрения на политическую борьбу и государство.

Нельзя не обратить внимание, что в действительности почти ни один из марксистских кружков того времени не взаимодействовал с рабочим движением. По мнению В.И. Ленина, социал-демократия 1884-1894 годов была ещё в «процессе утробного развития». Группа «Освобождение труда» «лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению», - говорил В.И. Ленин [2, с. 34].

Проявление интереса к марксистским убеждениям В.И. Ленина началось с прихода в кружок Федосеева. Так, в Петербурге Ульянов инициировал организацию марксистского движения, осуществлял пропаганду среди рабочих. Необходимо сказать, что он всегда стремился к созданию организованной партии, ведущей за собой пролетариат и крестьянство. Осенью 1895 г. на собрании петербургских марксистов было принято решение объединиться в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Но в декабре 1895 г. 57 членов «Союза» арестовали, а в 1897 г. и сам Ульянов был сослан в село Шушенское. В ссылке В.И. Ульянов написал множество трудов на экономические темы, в том числе «Развитие капитализма в России» [4, с. 129].

В результате образования «Союза борьбы» рабочие кружки стали объединяться в подобные союзы по всей России. «Союз борьбы» был определённым зачатком революционной партии, опирающейся на рабочий класс.

Следует отметить, что правительство понимало, что имеет дело с опаснейшим врагом в лице В.И. Ленина. И на самом деле, из зажженной им «Искры» впоследствии загорелось пламя великой революции, которое фактически сожгло дворянско-помещичью царскую монархию и буржуазную власть.

Необходимо обратить внимание, что русские марксисты, а точнее сам его основатель Г.В. Плеханов и молодой последователь В.И. Ленин, утверждали, что в связи с закономерным развитием человечества по мере совершенствования общественных производительных сил становится необходимым и неминуемым переход России от феодализма к капиталистической, а затем к коммунистической общественно-экономической формации, какова бы ни была национальная, историческая и географическая специфика такого перехода. Достаточно убедительно было обосновано, что экономический базис России как в городе, так и в деревне уже совсем не феодальный, а капиталистический, что лидирующим классом российского населения стал рабочий класс и таким он будет до полного искоренения классов, до полного коммунизма.

Стоит сделать акцент на том, что направлением официальных мировоззрений был «Краткий курс истории ВКП(б)», опубликованный в 1938 году, в котором представлялось официальное толкование проникновения и объяснения распространённости марксизма в России.

Следует подчеркнуть, что заинтересованность к русскому марксизму по большому счёту носила сугубо теоретически-познавательный характер. Так, исторические и историографические работы П.Н. Милюкова, Г.В. Вернадского, П.Б. Струве включали в себя отсылки к трудам историков-марксистов Г.В. Плеханова, М.Н. Покровского, Н.А. Рожкова, Б.Д. Грекова. Однако зачастую критика марксизма со стороны русских эмигрантов приобретала идеологический характер: ключевой темой для эмигрантской мысли был вопрос об исторической ответственности за революцию 1917 года. С религиозно-философских позиций историю русского марксизма трактовали Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Г.В. Флоровский, Г.П. Федотов [3, с.111].

Таким образом, марксистские убеждения сыграли большую роль в жизни нашей страны. Её пропаганда В.И. Лениным и Г.В. Плехановым стала началом на пути формирования марксизма, а затем и коммунизма – важнейшей идеологии России почти до конца XX века.

Список использованных источников

1. Азаркин Н.М. История юридической мысли России: Курс лекций. М.: Юрид. лит., 1999. 528 с.
2. Казеннов А.С. Всемирно-историческое значение русского марксизма // К. Маркс и будущее философии России, 2016. С. 25-49.
3. Стукалов Д.А. Распространение марксизма в России во второй половине XIX – начале XX вв.: историографический обзор // 10 корпус, 2015. №1. С. 110 -114.
4. Чебаков Р.К. Марксизм и его развитие в России // Культура. Духовность. Общество, 2015. №8. С. 125-130.
5. Народничество и марксизм в России. Плеханов и его группа «Освобождение труда». Борьба Плеханова с народничеством. Распространение марксизма в России [Электронный ресурс]. – URL:http://communist-party.narod.ru/c01p02.htm(дата обращения: 06.11.2018).

СПИСОК АВТОРОВ

АНИСИМОВ Владимир Алексеевич, магистрант, Курский государственный университет, факультет философии и социологии, кафедра философии

АРПЕНТЬЕВА Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, профессор, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, e-mail: mariam_rav@mail.ru, arpentevamr@tksu.ru

АТИК Аниса Ахмедовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте.

БИЛЯЕВА Ирина Ивановна, ассистент кафедры философии и социальных наук, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г.Ялта

ВОЙТОВ Александр Георгиевич, кандидат эк. наук, доцент кафедры «Экономическая теория и мировая экономика» ИЭФ РУ Российского университета транспорта (РУТ, МИИТ).

ВОРОТИЛИНА Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, Ставропольский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра юридических и специальных дисциплин

ГАЙКИН Виктор Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Японии и Кореи, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток.

ЕРАХТИН Арнольд Валентинович, профессор Ивановского государственного политехнического университета (ИВГПУ), д.ф.н., профессор. С.т. : 8 910 668 75 04.

ЕФИМОВА Зоя Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного Образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Ялта)

КАЛАШНИКОВА Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и философии права Самарского государственного экономического университета, e-mail: kalashnikova-helen@yandex.ru

КЛЁЦКИН Михаил Васильевич, кандидат философских наук, временно безработный, тел.: 8-903-303-74-88

КОРОБКИНА Елена Николаевна внештатный сотрудник Лаборатории по изучению сверхтекста НИЦ "Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций" КФУ им. В. И. Вернадского.

КОРСУНСКИЙ Андрей Георгиевич, ассистент кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте.

КРАСНОВ Сергей Валентинович, старший преподаватель кафедры философии Самарского государственного экономического университета, г. Самара.

КУРИЦЫН Артём Игоревич, соискатель кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ), Республика Беларусь, г. Минск.

КУШНЕРЕВА Елизавета Константиновна специалист по учебно-методической работе Южный Федеральный Университет, Институт истории и международных отношений, кафедра истории России.

ЛОМКО Ирина Григорьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь. Тел. +79788368393E-mail: iglomko@mail.ru

ЛУНЁВ Роман Сергеевич, магистрант Ленинградского государственного университета А.С. Пушкина, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций имени профессора М.А. Бонч-Бруевича

ЛЮСЫЙ Александр Павлович, Люсый Александр Павлович, кандидат культурологии, доктор филологических наук, профессор Гуманитарного университета телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина (ГИТР) Моб. +7(903)6236787

МАСАЕВ Михаил Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» в г. Ялте.

МИРОШНИКОВ Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялте.

МОЗГОВОЙ Николай Юрьевич, студент 1 курса, кафедры философии и социальных наук Института филологии истории и искусств Гуманитарно-педагогической академии (филиал) КФУ Научный руководитель: к.ф.н., доцент Шевченко О.К.

МОРЕНКО Евгения Анатольевна, аспирантка кафедры философии и социальных наук института филологии, истории и искусств Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного автономного Образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Ялта)

МЯСНИКОВ Андрей Геннадьевич Пензенский государственный университет доктор философских наук, профессор кафедры методологии науки, социальных теорий и технологий E-Mail: myasnikov-g@mail.ruМоб.: 89023451080

НОВИКОВА Тамара Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры № 517 "Философия" Московского авиационного института (национальный исследовательский университет), г. Москва.

НОВОСЕЛЬСКИЙ Сергей Сергеевич, преподаватель кафедры истории и теории исторической науки ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), г. Москва.

ОСТАНИНА Елена Михайловна аспирант кафедры культурологии, социологии и философии ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

ОСТАНИНА Ольга Александровна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии факультета истории, политических наук и культурологии Института гуманитарных и социальных наук ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров.

ПАВЛОВА Юлия Андреевна, аспирант кафедры институциональной экономики и экономической истории Самарский государственный экономический университет E-mail: pyo08@mail.ru

ПАВЛОВСКАЯ Ольга Александровна ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси» кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник +375 29 5569436

РАЗБЕГЛОВА Татьяна Павловна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социальных наук, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Ялта.

СВЕШНИКОВА Ирина Порфирьевна, председатель Крымской региональной общественной организации «Центр духовной культуры «Лебедь», ректор народного университета духовной культуры и здорового образа жизни.

СЕРОСТАНОВА Оксана Борисовна, ассистент кафедры журналистики и медиакоммуникаций ЛНУ имени Тараса Шевченко.

СИДОРЕНКО Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета, г. Минск

СИРОТИНА Г.Д. магистр 1 курса, направление подготовки «Философия», Института философии и социально-политических наук, ФГАОУ ВО «Южный Федеральный Университет» в г. Ростов-на-Дону

СОЛОВЦОВ А.А. ГОУ ВО МО Государственный Гуманитарно-Технологический Университет (ГГТУ) г.о. Орехово-Зуево Московской обл. Георгиевская гимназия г.о. Егорьевск Московской обл.

ТАШЛИНСКАЯ Елена Шамильевна, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный технический университет", Гуманитарный факультет, кафедра философии. Служебный телефон: 8(8422)778076

ТИМОЩУК Елена Андреевна, кандидат философских наук, доцент ФГБОУ ВО Владимирский филиал Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Владимир

ФОЛОМЕЕВ Сергей Николаевич кандидат исторических наук, доцент Самарский государственный экономический университет, кафедра международного права и политологии. ФГБОУ ВО «СГЭУ». Служебный телефон, факс, e-mail: 993-87-78.

ЧУДОМЕХ Валерий Николаевич, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», кандидат философских наук, доцент, м/тел.: +7-978-784-42-61, e-mail: chudovnik@mail.ru.

ШАТОХИНА Наталья Петровна, Донецкий национальный университет, докторант кафедры философии, +380663022391.

ШАХИН Юрий Владимирович доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института экономики и права (филиала) в г. Севастополе ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений», кандидат исторических наук, доцент+79781246836

ЯКОВЛЕВА Екатерина Сергеевна магистрант 1 курса Института права Самарского государственного экономического университета, e-mail: yakovleva_kate@inbox.ru